

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2011
1 (13)
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2011
1 (13)
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ»

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор.

Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук.

Виноградов Виктор Алексеевич, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН.

Гольдин Валентин Евсеевич, доктор филологических наук, профессор.

Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук.

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор.

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор.

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич, доктор филологических наук, профессор.

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук.

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор.

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор.

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук.

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор.

Шкатова Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор.

Редактор-составитель выпуска – **Н.В. Уфимцева**.

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Выходит 1 раз в полугодие с 2003 года.

Перепечатка материалов из журнала

допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2011

© Учреждение Российской академии наук

Институт языкознания РАН, 2010

© НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», 2010

Подписано в печать 18.05.2011. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Зак № 0210. Усл. печ. л. 22. Тираж 500 экз.

Отпечатано «Наша Полиграфия», г. Калуга, Грабцевское шоссе, 126

тел. (4842) 77-00-75

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INSTITUTE OF LINGUISTICS

Registration number № ФС 77-38423

EDITORIAL BOARD

E.F. Tarasov, Editor in Chief, Dr., Professor (Philology)
N.V. Ufimtseva, Managing Editor, Dr., Professor (Philology)
T.V. Ahutina, Dr., Professor (Psychology)
O.V. Balyasnikova, Ph.D. (Philology)
V.A. Vinogradov, Dr., Professor (Philology)
V.E. Gol'din, Dr., Professor (Philology)
S.V. Dmitryuk, Executive Assistant Ph.D. (Philology)
A.A. Zalevskaya, Dr., Professor (Philology)
V.I. Karasik, Dr., Professor (Philology)
A.V. Kirilina, Dr., Professor (Philology)
I.Yu. Markovina, Ph.D. (Philology)
E.Yu. Myagkova, Dr., Professor (Philology)
I.A. Strenin, Dr., Professor (Philology)
L.M. Terentiy, Ph.D. (Politology)
V.I. Shahovskiy, Dr., Professor (Philology)
L.A. Shkatova, Dr., Professor (Philology)

Scientific journal of theoretical and applied researches

2 issues per year

The journal has been published since 2003

All rights are reserved

The materials can be reprinted only with the agreement of the editorial office.

Moscow 2011

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2011

© Moscow institute of linguistics, 2011

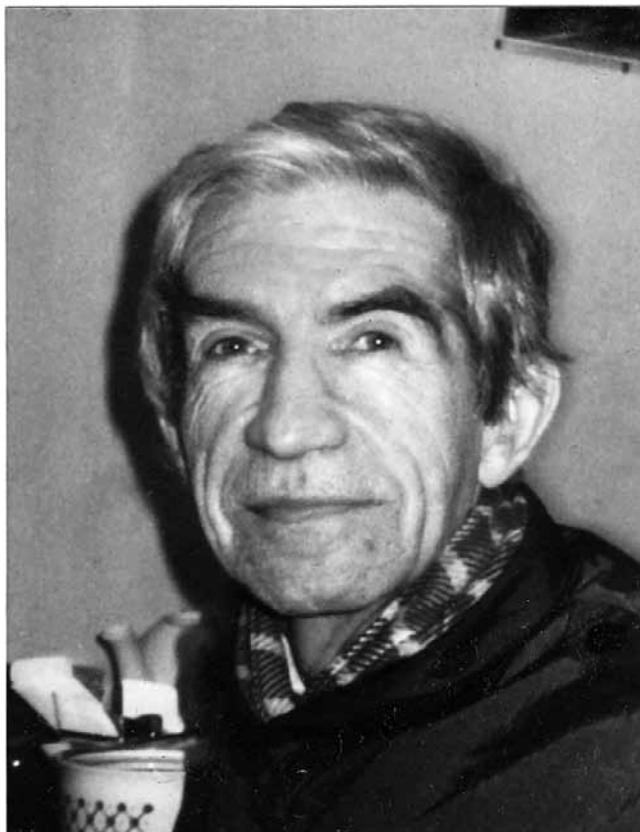
СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТНАЯ ДАТА	6
А.А. Леонтьев. Психолингвистический аспект языкового значения	8
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
А.В. Кирилина. Перевод и языковое сознание в динамической синхронии: психические границы языка (на материале русского языка Москвы)	30
М.Л. Соснова. Универсальный субъект	40
Т.В. Ларина, В.И. Озюменко, Д.Г. Ишанкулова. О позитивном мышлении представителей англосаксонской культуры и его отражении в языке и коммуникации ...	52
И.А. Бубнова. Массовая культура и ее роль в формировании образа мира современной русской молодежи	64
Т.А. Полякова. Социология и психолингвистика в изучении обыденного сознания...	72
Л.М. Терентий. Психолингвистический анализ интенциональной структуры успешных переговоров	84
А.А. Боронин. Мономодальная интерпретация персонажных субтекстов в художественной прозе (экспериментальный аспект)	98
С.В. Власенко. Преодолимы ли засады межъязыкового перекодирования? Долгая жизнь «ложных друзей» переводчика: эмпирические наблюдения	106
С.В. Боголепова, А.П. Василевич. Об универсальном характере структуры ассоциативных полей названий частей тела	120
Ю.Н. Филиппович, А.В. Сиренко. Программный комплекс исследований психолингвистической модели вербального сознания на основе когнитивного и ассоциативного экспериментов	126
ДИСКУССИИ	
Е.С. Никитина. Текст в диалогах	140
ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ	
В.А. Мальцева. Судебные прения: речевые стратегии и тактики	152
Е.А. Таныгина. Внутренний образ цветообозначения красный в сознании носителя русской культуры	160
Т.М. Терехова. Радость как эмоциональный компонент счастья в языковом сознании русских и немцев	168
Е.Г. Свинчукова. Человек в русской культуре (по материалам ассоциативного эксперимента)	174
ПАМЯТИ УЧЕНОГО	
К.Я. Сигал, Н.М. Юрьева. Памяти А.М. Шахнарвича (1944 – 2001).....	182
А.М. Шахнарвич. Лингвистический эксперимент как метод лингвистического и психолингвистического исследования	191
А.М. Шахнарвич. Когнитивные и коммуникативные аспекты речевой деятельности	196
РЕЦЕНЗИИ	
Г.А. Черкасова. Ю.Н. Караулов, Ю.Н. Филиппович. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. моделирование состояния и функционирования. М., 2009: Издательский центр «Азбуковник». – 336 с.	202
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	205
ИНФОРМАЦИЯ	206

CONTENTS

MEMORABLE DATE	6
A.A. Leontiev. Psycholinguistic aspect of language consciousness	8
THEORETICAL AND EXPERIMENTAL RESEARCHES	
A.V. Kirilina. Translation / Interpretation and the Language Consciousness in the Dynamic Synchrony: the Mental Boundaries of the Languages (on the Material of Russian in Moscow).....	30
M.L. Sosnova. Universal subject.....	40
T.V. Larina, V.I. Ozyumenko, D.G. Ishankulova. Positive Thinking of the People of Anglo culture and its Reflection in Language and Communication	52
I. A. Bubnova. Modern Russian Students' View of the World and Mass Culture.....	64
T.A. Polyakova. Sociology and Psycholinguistics in the Study of Everyday Consciousness.....	72
L.M. Terentyi. Psycholinguistic Analysis of Intentional Structure of Successful Negotiations.....	84
A.A. Boronin. Terminologically Homogenous Interpretation of Characters' Microtexts Represented in Literary Prose (Analysis of Experimental Data).....	98
S.V. Vlasenko. Are Dormant Hurdles Encounted in Language Code Switching Surmountable? Translators' 'False Friends' As Long-Livers: Empirical Observations.....	106
S.V. Bogolepova, A.P. Vasilevich. On the Comprehensive Nature of the Structure of the Associative Fields of Words Denoting Parts of a Body.....	120
Yu.N. Filippovich, A.V. Sirenko. Software to Research Psycholinguistic Model of Verbal Consciousness Based on Cognitive and Associative Experiments.....	126
DISCUSSION	
E.S. Nikitina. Text in Dialogues	140
PUBLICATION OF YOUNG SCIENTISTS	
V.A. Maltseva. Judicial Debate: Speech Strategy and Tactics.....	152
E. Tanygina. Inner Image of Russian Colour Term Krasnyi (Red) in the Consciousness of Representatives of Modern Russian Culture.....	160
T.M. Terekhova. Joy as an Emotional Component of Happiness in Linguistic Consciousness of Russians and Germans	168
E.G. Svinchukova. Person in Russian Culture (Based on the Results of Associative Experiment)	174
IN COMMEMORATION OF THE SCIENTIST	
K.J. Seagal, N.M. Yurieva. In memory to A.M. Shakhnarovitch (1944 – 2001).....	182
OUR ARCHIVES	
A.M. Shakhnarovitch. Linguistic Experiment as a Method of Linguistic and Psycholinguistic Research	191
A.M. Shakhnarovitch. Cognitive and Communicational Aspects of Speech Activity.....	196
BOOK REVIEWS	
G.A. Cherkasova. YU.N. Karaulov, YU.N. FILIPPOVICH. Linguistic-cultural Consciousness of Russian Verbal Personality. Modeling of State and Functioning. M., 2009: Publishing centre "Azbukovnik". – 335 P.	202
NOTES ON CONTRIBUTORS	205
INFORMATION	206

ПАМЯТНАЯ ДАТА

14 января исполнилось бы 75 лет Алексею Алексеевичу Леонтьеву – крупному ученому второй половины XX века, оказавшему большое влияние на умы отечественных лингвистов. Это влияние он оказал, прежде всего, своими идеями, которые были сформированы в ходе создания теории речевой деятельности (ТРД) – отечественной психолингвистической школы.

Становление личности А.А. Леонтьева как ученого – это результат взаимодействия субъективных объективных факторов: выдающийся интеллект, опирающийся на незаурядные природные способности, был сформирован в ходе критической переработки результатов исследований деятельности человека общающегося, проводившихся во всем мире; тесное научное общение с отцом, видным отечественным психологом, создателем общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьевым, который оказал на сына большое влияние; критическое состояние исследований в области психологии речи, возникшее из-за катастрофического отсут-

ствия в них лингвистических идей, и которое разрешилось благодаря возникновению психолингвистики – сначала психолингвистики Ч. Осгуда, а затем психолингвистики Дж. Миллера – Н. Хомского. Итак, выдающийся интеллект, знание одной из лучших общепсихологических теорий о внешней и внутренней жизни человека, полученного из рук отца, и молодая психолингвистика, требовавшая адекватного психологического перевооружения – вот факторы, сформировавшие личность А.А. Леонтьева как исследователя.

Научная деятельность А.А. Леонтьева – это увлекательный, длившийся всю жизнь анализ проблемы «человек общающийся», начиная с работ «Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания» (1969), «Психология общения» (1974) и кончая финальной книгой «Деятельностный ум» (2001). Заметим, что перечисленные книги обозначают основной поток творческой активности А.А. Леонтьева, за пределами этого основного истока находятся другие и притом многочисленные области исследовательской дея-

тельности А.А. Леонтьева: психология и методика обучения иностранным языкам, общая психология и психология личности, истории психологии и истории языкознания, поэтика и теория поэтической речи, общее языкознание.

Не будет ошибкой утверждать, что основная заслуга А.А. Леонтьева состоит в создании теории речевой деятельности – отечественной школы психолингвистики. Первые психолингвистические школы – школа Ч. Осгуда и школа Дж. Миллера – Н. Хомского обладали ограниченными объяснительными возможностями: психологический фрагмент этих школ составлял бихевиоризм, который к середине XX века окончательно утратил свою привлекательность в качестве теории, объясняющей внешнее поведение человека. Более того, психолингвистика Дж. Миллера – Н. Хомского кроме бихевиоризма, окончательно утратившего свой эвристический потенциал, в качестве лингвистического фрагмента имела генеративную лингвистику Н. Хомского, которая вследствие своего методологического статуса – она является логическим исчислением – не обладала возможностями теоретического объяснения эмпирических и экспериментальных феноменов.

После знакомства с обеими психолингвистическими школами для А.А. Леонтьева стало очевидным, что альтернативой этим школам должна быть другая психолингвистика, с иной психологической и с иной лингвистической теориями. Для А.А. Леонтьева психологической теорией, объясняющей внутреннее и внешнее поведение человека, могла быть только общеп-

сихологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева, которая обладала наибольшим объяснительным потенциалом.

Теория деятельности А.Н. Леонтьева является результатом применения в психологии деятельностного объяснительного принципа (деятельностного подхода), сформированного в работах И. Канта, Г. Гегеля и И. Фихте. Деятельностный подход позволяет рассматривать любую активность человека как воздействие человека (субъекта) на предмет (объект) и на другого человека (как на объект). Таким образом, этот подход позволяет описывать при помощи единого понятийного аппарата как предметную деятельность, так и речевое общение как процесс регулирования внутреннего (сознания) и внешнего поведения партнера.

Лингвистическая доктрина Л.В. Щербы, понятийный аппарат которой также берет начало в деятельностном подходе, впервые введенным в лингвистику В. Гумбольдтом, была использована А.А. Леонтьевым в качестве лингвистического фрагмента теории речевой деятельности. Главная заслуга А.А. Леонтьева перед отечественной лингвистикой состоит прежде всего в создании теории речевой деятельности, которая пока не знает альтернативы для объяснения процессов производства и восприятия речи, усвоения родного языка ребенком и процессов речевого общения.

Уже прошло пять лет как Алексея Алексеевича нет с нами, но с нами его идеи, мысли, книги, все то, что ученый может оставить в сознании своих друзей и учеников.

Е.Ф. Тарасов

А.А. ЛЕОНТЬЕВ

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

Статья выдающегося отечественного психолингвиста Алексея Алексеевича Леонтьева была опубликована в коллективной монографии «Принципы и методы семантических исследований» в 1976 году издательством «Наука». В статье указываются возможные пути решения *проблемы значения*, которая является одной из центральных не только в психолингвистике, но и в любой гуманитарной дисциплине, имеющей дело с языком и его социальными и психологическими функциями.

Ключевые слова: психолингвистика, значение, семантика, язык, речь, теория речевой деятельности, знак.

1.

Понятие «значение» в современной науке не определено достаточно четко, хотя оно выступает как одно из основных не только в рамках лингвистики, но и в других науках о человеке – в частности, в психологии, семиотике и т.д. Неопределенность этого понятия является особенно острой проблемой при *психолингвистическом* подходе к значению. Поэтому представляется настоятельно необходимым такой анализ этого понятия, который предполагает рассмотрение его не в рамках одной конкретной науки (и тем более не под углом зрения одной конкретной научной проблемы), а, так сказать, в его онтологии. Иными словами, прежде чем уточнить место значения в системе категорий лингвистики, семиотики, психологии и т. п. требуется раскрыть его действительную природу, факторы его возникновения и модус его функционирования в системе социальной деятельности человека; лишь затем мы будем иметь право интерпретировать значение не как часть *объекта* наук о человеке, а как часть *предмета* той или иной из этих наук – в данном случае психолингвистики – и как то, к чему мы прилагаем конкретно-научные *методы* исследования – в данном случае экспериментально-психологические.

Как известно, в советской науке психолингвистика с самого начала выступала и продолжает выступать как теория речевой деятельности, рассматривая речь как один из видов деятельности (наряду с такими ее видами, как трудовая, познавательная, мнемическая и т. д.) и стремясь применить к ее исследованию те положения и категории, которые выработаны в общей теории деятельности – как в ее социальном аспекте, так и в аспекте психолингвистическом¹ (*см. примечания в конце статьи – ред.*).

И, естественно, первым вопросом, который в этом случае встает перед нами и нуждается в определенном ответе на него, оказывается соотношение значения и *знака*, а следовательно – вопрос об онтологической природе самого знака.

Как показывают работы М.К. Мамардашвили, Э.В. Ильенкова, А.М. Коршунова и других советских философов, проблема знака в ее марксистской интерпретации неразрывна с проблемой так называемого квазиобъекта. Это последнее понятие возникает в связи с анализом марковского понятия «превращенной формы», неоднократно встречающегося на страницах «Теории прибавочной стоимости» и «Капитала». Не останавливаясь здесь на анализе этого поня-

тия [см. Мамардашвили 1968, 1970], ограничимся указанием, что в свете работ указанных философов по-иному встает проблема соотношения формы и содержания в знаке.

Понятие квазиобъекта, в свою очередь, позволяет уточнить онтологию знака, в том числе языкового знака, который в этом случае выступает как частный случай квазиобъекта.

Понятие квазиобъекта как превращенной формы действительных отношений неразрывно связано с марксистско-ленинским толкованием понятия *идеального*. Языковой знак как квазиобъект является – под этим углом зрения – «непосредственным телом идеального образа внешней вещи» [Ильенков 1962: 224]. Имея собственную чувственную природу, знак в то же время выступает как составная часть системы общепринятых и общезначимых форм и способов внешнего выражения и закрепления идеальных явлений. И здесь опять-таки важно подчеркнуть, что само идеальное «непосредственно существует только как форма (способ, образ) деятельности общественного человека... Идеальное ни в коем случае не сводимо на состояние той материи, которая находится под черепной крышкой индивида... Идеальное есть особая функция человека как субъекта общественно-трудовой деятельности» [Ильенков 1962: 221].

Понятие знака, собственно, и необходимо ввести (в отличии от понятия квазиобъекта) как следствие из такого понимания идеального. Если в принципе квазиобъект имеет свое, как говорил Маркс, «материальное существование», то, будучи использован как «тело» идеального образа, он эту «материальность» в известном смысле теряет: по Марксу, у знаков «функциональное бытие... поглощает, так сказать, их материальное бытие» [Маркс, т. 23: 140]; вещь в ее материальном бытии и функциональных свойствах «превращается в знак, т.е. предмет, который *сам по себе* не значит уже ничего, а только представляет, выражает другой предмет, с которым он непосредственно не имеет ничего общего, как, например, название вещи с самой вещью» [Ильенков 1962: 224; ср. также

Полторацкий, Швырев 1970: 16 – 18, 22 – 31].

Из сказанного очевидно, что под одним и тем же названием «знака» в практике научного исследования выступают три различных понятия. Это, во-первых, знак как вещь или – применительно к языку – как материальное языковое «тело», включенное в деятельность человека; в этом смысле мы в дальнейшем будем говорить о знаке. Это, во-вторых, знак как идеальный образ, как эквивалент реального знака в обыденном сознании; это понятие мы будем обозначать дальше как *знаковый образ*. В-третьих, это продукт научного осмысления структуры и функций объективного знака – модель знака, или *знаковая модель*. Эти три понятия, как правило, нечетко разграничиваются или вообще не разграничиваются в ходе анализа, что порождает не только терминологическую омонимию, но и – нередко – путаницу по существу.

Если вернуться теперь к проблеме значения, то очевидно, что у знака (в только что оговоренном понимании этого термина) есть материальная сторона (его «тело») и есть та идеальная «нагрузка», которая в этом «теле» выражается и закрепляется. Эта – идеальная – сторона знака не сводима к субъективному представлению субъекта о содержании знакового образа: но она не есть и та реальная предметность, те действительные свойства и признаки предметов и явлений, которые стоят за знаком (квазиобъектом). Парадокс заключается в том, что, существуя до и вне конкретного знака, эти свойства могут быть рассмотрены как значения лишь будучи «превращенными», т. е. когда мы вводим квазиобъект с его собственной содержательной характеристикой: «внеязыкового» значения не существует², и в то же время «знаковое» значение не есть простой слепок действительных связей и отношений. Идеальная сторона знака есть результат перенесения, «превращения» в марксовом смысле связей и отношений реальной действительности, происходящего в *деятельности*³.

Объективно знак предстоит субъекту как реальный знак, со всем тем, что за ним стоит, включая сюда и те его функциональ-

ные характеристики, которые идут от особенностей деятельности, в которую этот знак включен. Но субъективно он имеет дело с тем, что М.К. Мамардашвили удачно называет «фигурой сознания», то есть с таким бытием знака как квазиобъекта, в котором реальное социальное содержание этого знака как бы смещено и преобразовано. Его сознание в этом случае остается созерцающим сознанием, и с его точки зрения знак выступает как знаковый образ, а значение – как форма, в которой он «фиксирует и переживает свой социальный опыт сознания, не проникая в его реальные пути и генезис» [Мамардашвили 1968: 21]. Именно по этому пути идет большинство исследователей значения, манипулируя не с реальным знаком, а со знаковым образом и не отражая или лишь частично отражая в соответствующей знаковой модели те свойства знака, «в которых выражается социально-обусловленный способ его функционирования, его “функциональное бытие”» [Коршунов 1971: 181].

Таким образом, с тем, что интуитивно понимается под значением, соотнесены несколько взаимосвязанных, но отнюдь не тождественных категорий. Это, во-первых, существующая вне и до отдельного знака система связей и отношений предметов и явлений действительности; в ее отнесенности к отдельному знаку назовем ее **объективным содержанием** знака. Это, во-вторых, идеальная «нагрузка» знака, идеальная сторона его, представляющая собой превращенную форму объективного содержания; будем называть ее **идеальным содержанием** знака. Это, в-третьих, социальный опыт субъекта, спроецированный на знаковый образ, или, как мы будем говорить, **субъективное содержание** знака (знакового образа).

2.

Итак, в самом общем смысле «за языковыми значениями скрываются общественно выработанные способы (операции) действия, в процессе которых люди изменяют и познают объективную реальность. Иначе

говоря, в значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой. Поэтому значения сами по себе, то есть в абстракции от их функционирования в индивидуальном сознании, столь же не «психологичны», как и та общественно познанная реальность, которая лежит за ними» [А. Н. Леонтьев 1972а: 134]. Они есть часть общественного сознания и общественно-исторического опыта; и в силу этого они развиваются по общественно-историческим законам, имманентным индивидуальному сознанию⁴. Но в то же время они есть важнейшая образующая этого индивидуального сознания: действительность дана, презентирована в сознании человека как означенная действительность, объективная реальность, переведенная на язык значений. Значения есть форма идеального существования действительности; но, как ясно из всего предыдущего изложения, эта форма предполагает их включенность не только в деятельность, но и в сознание конкретных индивидов. «В этой второй своей жизни значения индивидуализируются и «субъективируются», но лишь в том смысле, что непосредственно их движения в системе отношений общества в них уже не содержится; они вступают в иную систему отношений, в иное движение. Но вот что замечательно: они при этом отнюдь не утрачивают своей общественно-исторической природы, своей объективности» [А. Н. Леонтьев 1972а: 136].

Одной из важнейших особенностей «второй жизни» значений является их отнесенность к чувственным воздействиям. Как объективное содержание знака значение лишено чувственности или, точнее, безразлично к ней. Даже выступая как его идеальное содержание, значение остается вневещным, ибо, хотя превращенная форма объективного содержания предполагает материю знака, он берется как внеиндивидуальное, абстрактное образование. Но как только мы переходим к значению как субъективному содержанию знака, оказывается, что его бытие

в деятельности и его презентированность в сознании индивида неразрывно связаны с его предметной (чувственно-предметной) отнесенностью.

Значения не существуют для каждого из нас вне субъективного отражения предметности, например в виде зрительных образов или вообще образов восприятия. При этом, однако, ошибочно думать, что такие образы *предшествуют* значениям, а эти последние лишь «привешивают ярлычки» (Э. Леннеберг) к познавательным процессам; как показывают многочисленные исследования советских психологов, собственно человеческое, предметное восприятие невозможно без участия социально выработанных эталонов, существующих прежде всего на базе языка, и «процесс словесного обозначения в опознании. ... понимается не как особый отдельный от восприятия процесс последующей обработки его продукта мышлением, а как процесс, включенный в деятельность самого восприятия» [А. Н. Леонтьев, Гиппенрейтер 1968: 19].

Эти эталоны, хранящиеся в зрительной системе и невозможные без языка (или другой формы социальной фиксации), все же имеют чувственный характер: эксперименты В.П. Зинченко, например, показали, что «только после сличения и выбора соответствующего эталона изображениям присваивалось наименование» [Зинченко 1971: 40]. Здесь мы имеем дело с тем, что М.С. Шехтер удачно назвал «вторичными образами», т.е. образами, формирующимися в *результате* обобщения, опосредованного чаще всего языком; мы «видим» треугольник, опознаем его благодаря тому, что в нашем сознании сформирован обобщенный образ треугольника, но сам этот образ возникает лишь как следствие оперирования с непосредственно чувственными данными на основе закрепленных в языковой форме и отраженных в значении слова *треугольник* абстрактных признаков любого треугольника [Шехтер 1959].

Эта предметность, эта чувственность значения, взятого как субъективное содержание знака, особенно ясно видна в процес-

сах формирования значения у ребенка, овладевающего языком.

Основной предпосылкой формирования значения является предметная деятельность ребенка в окружающем его мире – он активно овладевает миром вещей, включая их в свою деятельность и подчиняя ее целям и мотивам. Ребенок начинает использовать, скажем, ложку в присущей ей функции отнюдь не потому, что у него уже есть абстрактное знание о ложке. Он сталкивается с необходимостью самостоятельно есть кашу, а мы даем ему адекватное средство для этого и подсказываем необходимый минимум операций с этим средством. Таким путем ложка, существовавшая раньше для ребенка просто как часть «фона» восприятия, как часть континуума неосмысляемой им пока действительности, приобретает – благодаря деятельности с ней – определенную функциональную значимость, в ней опредмечиваются для ребенка социальные операции, для которых она используется, и она начинает восприниматься как «то, чем едят кашу». Ложка (конкретная ложка) приобретает значение в самом широком смысле этого слова, точнее, она становится для ребенка носителем субъективного содержания (хотя это содержание очень далеко пока от содержания, вкладываемого в *слово ложка* взрослым). Давая ребенку разные ложки, одинаково им используемые, мы приводим его к тому, что у него формируется обобщенное представление о ложке, зачаток будущего понятия, в котором – помимо функциональной общности, пока еще весьма ограниченной опытом деятельности – очень большую роль играет непосредственно-чувственная сторона. В какой-то момент ребенку становится известным слово *ложка*; на первых ступенях овладения им оно, совпадая со «взрослым» словом по отнесенности к данному *конкретному предмету*, отличается от него по отнесенности к социальной действительности (по *идеальному содержанию*) и, что особенно важно для нас, по *субъективному содержанию*. То, что Л.С. Выготский называл «развитием понятий» [Выготский 1956] – это и есть развитие идеального содержа-

ния знаков *через* развитие их субъективно-го содержания на основе все более полного овладения объективным содержанием. А такое овладение и происходит через деятельность; именно и только в деятельности человек «присваивает» (Маркс) предметную действительность.

Здесь важно еще раз подчеркнуть, что материальным субстратом идеального содержания не обязательно может быть слово (знак языка); более того, в онтогенезе слово появляется только на определенной его ступени, когда «предметное» или иное закрепление этого содержания оказывается недостаточным. Даже и у взрослого возможны иные, неязыковые формы фиксации идеальных значений – «в форме умения как обобщенного “образа действия”, нормы поведения и т.п.» [А.Н. Леонтьев 1965: 289], не говоря уже о неязыковых знаковых системах. Но все эти формы непременно предполагают наличие чувственного компонента, отнесенность к предметному восприятию, хотя бы она и не была прямой и непосредственной.

На первый взгляд может показаться, что нет особой разницы между субъективным содержанием, «вкладываемым» в реальную ложку ребенком, и субъективным содержанием знака *ложка*, употребленного нами по отношению к той же реальной ложке. На самом деле между ними лежит пропасть. В первом случае идеальное содержание попросту отсутствует, – есть объект, но нет квазиобъекта. Ребенок просто проецирует свой индивидуальный опыт деятельности на данную ложку; субъективное содержание ложки сводится к правилам ее функционального использования в конкретной деятельности, где она выступает как средство. Лишь означение (или другая форма социального закрепления) дает возможность презентировать в сознании данный предмет, выделить в нем социально значимые признаки и, осуществив «превращение», снова «собрать» эти признаки в обобщенный эквивалент этого предмета – знак.⁵ Во втором случае, имея дело даже с данной конкретной ложкой, мы рассматриваем ее через призму субъектив-

ного содержания знака *ложка*, которое есть в преобразованном виде его объективное содержание – объективные свойства данного предмета. Воспринимая ложку, мы проецируем на нее не свой индивидуальный, а *социальный* опыт, отраженный и закрепленный в идеальном содержании знака *ложка* и – через еще одну ступень опосредования – в его субъективном содержании.

Остановимся здесь в нашем анализе чувственных компонентов значения (в дальнейшем нам еще придется вернуться к этой проблеме в другой связи) и поставим следующий вопрос: чем отличается субъективное содержание знака от его идеального содержания? Иначе говоря, какие дополнительные факторы (наряду с идеальным содержанием) формируют субъективное содержание и образуют его качественную специфику?

Начнем с того, что меняется внутренняя структура самого значения, то есть абстрактная содержательная характеристика, приписываемая нами знаку как виртуальному образованию, в этом случае преобразовывается в соответствии с *характером* той деятельности, в которую оказывается включен знак, с конкретной *ситуацией* этой деятельности и с тем *местом*, которое занимает в ней данный знак. Так, языковые знаки могут быть включены в деятельность общения (в частном случае – в речевую деятельность), но могут быть включены и в познавательную, мнемическую, продуктивную деятельность. Далее, мы можем при этом оперировать со знаком, по-разному соотнося его с реальной действительностью – в одном случае это будет оперирование со знаком как эквивалентом реального предмета (замещение), в другом – оперирование со знаком как заместителем класса предметов, носителем их общих признаков, и т. п. Наконец, мы можем иметь дело со знаком как стимулом деятельности, средством деятельности, объектом деятельности.

Знак никогда не входит в деятельность как «кирпичик», механически вкладываемый в общую статическую структуру, и его субъективное содержание никогда не «покоится» в сознании субъекта. За ним всег-

да стоит *система процессов* оперирования с этим знаком. Так, будучи использован в восприятии как социальный эталон, он, с одной стороны, придает самому восприятию качество предметности, преобразуя его операционную структуру, а с другой – его субъективное содержание «окрашивается» восприятием, приобретает более чувственный характер.

Включая знак в познавательную деятельность в качестве ее объекта, мы как бы ставим перед субъектом этой деятельности задачу вернуть квазиобъект в мир реальных объектов, вернее – вскрыть объективное или по крайней мере идеальное содержание, стоящее за субъективным содержанием знакового образа; и психологическая функция знака в деятельности здесь совершенно иная – его субъективное содержание с самого начала ориентировано для субъекта на его объективизацию. В деятельности общения это отношение как бы перевернуто: здесь целью является создание у реципиента определенного субъективного содержания, задана интерпретация, и знак используется лишь как объективное средство достижения этой субъективной интерпретации. Как совершенно точно сформулировал А.А. Брудный, «любую законченную мысль, выраженную словами, следует рассматривать в двух отношениях: в отношении к действительности, которую эта мысль должна отразить, и в отношении к людям, которые эту мысль должны понять. Рассматривая мысль в первом отношении, мы проверяем, адекватно ли она отражает объективный мир, верна ли она. Когда мы берем мысль во втором отношении, то проверяем, адекватно ли понимание мысли ее действительному содержанию» [Брудный 1969 : 13]⁶.

Зависимость субъективного содержания знака от его психологических функций в деятельности может быть закреплена в самом знаке, давая нам возможность классифицировать знаки по этому принципу. Ср. в этой связи понятие «логогена» у английского психолингвиста Дж. Мортон [Мортон 1968]; действительно, часть языковых знаков, например имена существительные,

непосредственно соотнесены с реальными предметами и явлениями, так сказать, когнитивно ориентированы, в то время как другие (например, глаголы и другие образования, выступающие как психолингвистические предикаты) четко ориентированы «на коммуникативное употребление (строго говоря, здесь, неправомерно говорить о существительных и глаголах – это категории чисто лингвистические, вторичные по отношению к психологическим функциям соответствующих знаков, но мы пока не будем анализировать эту проблему). С другой стороны, внутри имен существительных (= слов со значением предметности) можно выделить класс знаков, соотнесенных с непосредственным восприятием предметов или явлений (или, что в общем то же самое, с представлением конкретных предметов или явлений в конкретной ситуации), и класс, в который войдут знаки, выступающие прежде всего и главным образом как средство (и, реже, объект) не непосредственно чувственного познания, т.е. принципиально внеситуативные. Это и дало основание А.А. Брудному говорить о двух «семантических состояниях» слова (ситуативном и параситуативном) [Брудный 1964].

Говоря о разных видах замещения, мы, естественно, приходим к идее о различных компонентах субъективного содержания знака, доминирующих в разных случаях его употребления. Можно вслед за Г.П. Щедровицким [Щедровицкий 1958] выделить три таких компонента, или, как он говорит, функции. Это: а) функция абстракции (предметы А, В, С тождественны в одном определенном отношении; знак может фиксировать только это общее свойство); б) функция метки (знак может обозначать предмет как целое со всеми его выявленными или невыявленными свойствами); в) функция обобщения (знак может обозначать класс предметов).

Иную классификацию дает С.Р. Вартазарян, говорящий об отношениях указания, представительствования и замены [Вартазарян 1971: 153 – 154]. Так или иначе, обе классификации дают нам основание для классификации знаков в зависимости от до-

минирующего в данном знаке (или исключительно представленного в нем) компонента субъективного содержания. Классификация Щедровицкого позволяет противопоставить знаки-понятия⁷, знаки, соответствующие именам собственным, и местоименные знаки. Классификация Вартазаряна позволяет различать действительные знаки (только отношение указания), знаки-понятия (доминирующее отношение представительства) и местоименные знаки (доминирующее отношение замены).

Не входя здесь в детали классификаций знаков по их субъективному содержанию, кратко намеченных выше, укажем еще раз на самую *возможность* и *правомерность* подобных классификаций, т.е. на то, что система знаков того или иного конкретного языка в принципе может (и – для некоторых целей – должна) быть описана на психолингвистической основе, а не только на основе чисто лингвистической [ср. в этой связи Уфимцева 1974].

Наконец, обращаясь к проблеме различного места знаков в деятельности, остановимся на том, что один и тот же знак может получать различное субъективное содержание в зависимости от того, является ли он средством деятельности или ее объектом (в последнем случае мы осуществляем рефлексию под этим знаком). Эта проблема имеет две стороны, каждая из которых нуждается в специальном рассмотрении: а) различные возможные уровни осознания слова (бессознательность, бессознательный контроль, сознательный контроль, актуальное осознание) и соответствующие им операции (собственно осознание, вычленение и т. п.) – см. А. Н. Леонтьев 1972б; Леонтьев 1965: 120 – 124; б) различные виды операций семантической экспликации субъективного содержания, то есть различные типы определений значения слова носителями языка. Здесь, в свою очередь, возможны различные уровни «проникновения» в объективное содержание знака, вплоть до развернутой дефиниции научного термина. Отсюда опять-таки возможность разбиения множества знаков на подмножества, в которых потен-

циально задана различная степень экспликации, и возможность приписывания знаку с одним и тем же идеальным содержанием различных субъективных содержаний в зависимости от сферы его употребления. См. в этой связи интересную работу Т.М. Дридзе, ориентированную на выделение в континууме носителей языка «семиотических групп», в частности на основе различных доступных для них уровней экспликации субъективного содержания [Дридзе 1969].

До сих пор мы говорили о той специфике субъективного содержания знака, которая соотнесена с местом знака в структуре деятельности и с разными видами самой этой деятельности. Других психологических сторон деятельности и, в частности, того, что эту деятельность конституирует, ее мотива (или, вернее, системы мотивов) в его соотнесении с содержанием, целью, психологическим строением деятельности как системы психологических действий, в свою очередь представляющих собой систему операций⁸, мы пока не касались. Между тем именно эти стороны деятельности в основном и определяют специфику субъективного содержания знака⁹, формируя в сознании носителя языка те психологические характеристики знакового образа, которые в советской психологии объединяются в понятие *личностного смысла*¹⁰.

И, наконец, еще одним компонентом субъективного содержания знака, или, если угодно, еще одним формирующим его фактором, является эмоциональная окрашенность (аффективная окраска). Она ни в коей мере не может отождествляться с личностным смыслом, как это нередко делается; отошлем читателя к замечательному (приводимому А. Н. Леонтьевым) примеру расхождения смысла смерти для пожилого человека, который резко отличен от смысла ее для юноши, и эмоциональной окрашенности представления о смерти, которое у юноши как раз бывает более остро аффективным [А. Н. Леонтьев 1972б; А. Н. Леонтьев, Гиппенрейтер 1968]. Ср. об этом факторе Леонтьев 1965: 173 – 174.

3.

До сих пор мы, делая известную натяжку в нашем рассуждении, все время оставались на уровне *изолированного знака*. Очевидно, что это лишь условность: и объективно, в деятельности человека, и субъективно, в его сознании, знаки выступают всегда как целостная система, как *система знаков*.

Здесь прежде всего возникает вопрос: в какой мере мы имеем право говорить о существовании объективно-социальной системы знаков? Иначе говоря, в какой мере понятие системы знаков соотносимо с понятиями объективного и идеального содержания знака, введенными нами выше?

Совершенно очевидно, что применительно к предметам и явлениям реальной действительности, взятым в их объективном бытии, у нас нет никаких оснований говорить о системности. Она возникает лишь тогда, когда эти предметы и явления включаются в деятельность, возникает как «система содержательных общественных связей», в дальнейшем переносимая на квазиобъекты и «превращенная» в них как *структура деятельности* с этими предметами и явлениями. В процессе такого перенесения и превращения эта система превращается в систему квазиобъектов, в которой сам характер системности коренным образом меняется. Это происходит прежде всего благодаря тому, что сами по себе, взятые в их собственных содержательных (и формальных) характеристиках, квазиобъекты уже могут образовывать систему.

Применительно к языковым знакам и другим квазиобъектам, у которых, по Марксу, «материальное бытие» поглощено их «функциональным бытием», этот тезис приобретает несколько иной вид: содержательные взаимосвязи самих этих квазиобъектов как бы спускаются на следующий «этаж» и становятся их *формальными* связями, вытесняемые перенесенной на них и преобразованной в них «системой содержательных общественных связей» и сплетающиеся с этой перенесенной системой в новое системно-функциональное целое.

Приведем пример из несколько иной области, иллюстрирующий то, что мы имеем в виду. Генетически числительные во многих современных языках связаны с названиями частей тела. Так, в папуасском языке кева *rameda* ‘один’ букв, означает ‘мизинец’, *lapo* ‘два’, букв, ‘безымянный палец’ и т. п. Очевидно, что на той ступени развития счета, к которой этимологически восходят эти слова, счета как такового, как умственного действия с абстрактными величинами, еще не было; он имел форму поединичного соотношения считаемых предметов с предметами, множество (точнее, кортеж) которых берется за эталон. Названия этих эталонных предметов в счетной деятельности выступают как элементы некоторой системы. Позднее счет приобретает абстрактный характер, и слова, бывшие названиями эталонных предметов, превращаются в знаки абстрактных величин, с которыми (величинами), «оторванными» от материальных предметов, становится возможным производить сложные арифметические операции. Ясно, что в этом своем новом качестве материально те же слова приобретают системность иного, более сложного характера. Эта системность в своей основе определяется, конечно, теми абстрактными операциями, которые могут производиться с соответствующими величинами независимо от способа их обозначения и, в частности, от системы счисления. Но в языке кева счет ведется четверками – единицей следующего порядка считаются все пальцы одной руки (кроме большого, считаемого отдельно). Поэтому *ki lapona* ‘восемь’ обозначает в нем букв. ‘руки две’, *ki lapona kode lapo* ‘десять’ – ‘руки две больших пальца два’ и т. п. Значит ли это, что папуас кева оперирует с числовыми величинами иначе, чем, скажем, папуас мони, для которого числительные со значением ‘восемь’ – ‘другая (рука) плюс три’, а ‘десять’ – ‘две руки’? Конечно, нет: бывшие содержательные связи, системность одного типа, превратились здесь в формальные, подчиненные содержательным связям другого, более совершенного типа.

Из приведенного примера можно заключить, что, видимо, и в анализируемом

нами более общем случае природа «первоначальной», «собственной» системности объектов до того, как они превращаются в квазиобъекты, – *деятельностная*, она сводится к тому, как эти объекты употребляются в деятельности – а именно, в тех ее формах, которые генетически предшествуют знаковой деятельности. Применительно к онтогенезу знаковых систем это очень хорошо видно в развитии психики (и, в частности, языка) маленького ребенка. Что касается филогенеза, то здесь нам придется сослаться на более ранние наши публикации по этому вопросу [Леонтьев 1963, 1972], а также на анализ, проделанный А. Н. Леонтьевым [А.Н. Леонтьев 1965].

Разница между деятельностью, рождающей «квазиобъектную» системность, и деятельностью, рождающей «объектную» системность, заключается в том, что первая есть прежде всего и главным образом деятельность *познания*, деятельность отражения, в то время как вторая, прежде всего, – деятельность *общения*. И системность языковых знаков есть именно та «равнодействующая», которая позволяет удерживать в них, – разумеется, в снятом, преобразованном виде – как «систему содержательных общественных связей», так и ту систему операций, которую мы потенциально можем осуществить с этими знаками в деятельности общения, соотнося их с конкретными предметами и явлениями, указывая на них и замещая их, производя выбор наиболее подходящих знаков (в частности, наименование) и сочетая их в осмысленное целое высказывание.

Отображая отдельно эти, в действительности неразрывные, две стороны системности языковых знаков, можно говорить о двух видах моделей и соответственно о двух видах системности: о семантических *макросистемах* и семантических *микросистемах*. Их различие особенно хорошо видно в развитии детской речи: ребенок последовательно переходит от микросистемности значений (когда семантическое наполнение слов социально не регулируется иначе, чем через непосредственное речевое общение,

а перенос наименования возможен лишь на основе тождества или близости ситуативно воспринимаемых признаков) к сочетанию микро- и макросистемности при доминировании микросистем (частичное тождество микросистем обуславливает относительную стабильность макросистемы и возможность переноса микросистемных связей на макросистему), и, наконец, к подчинению микросистемных связей макросистемным. Подробнее об этом см. Леонтьев 1965 : 175 – 179. В сущности, развитие семантической стороны речи ребенка есть поэтапное проникновение его в «суть вещей», становление умения его отражать в общении не только субъективные и ситуативные свойства предметов, но и их объективные, социально закрепленные в знаках свойства и одновременно – умения использовать знаки в некоммуникативной деятельности.

Соответственно в идеальном содержании знакового образа можно выделить две стороны, два аспекта. Один из них есть соотнесенность идеального содержания с деятельностью познания; другой – соотнесенность его с деятельностью общения, с употреблением знаков для общения. Первый доминирует в тех случаях, когда знаки включены в некоммуникативную, в первую очередь в познавательную деятельность; второй становится доминирующим, когда мы актуализуем знаки в процессах общения. Оба аспекта не суть статические компоненты содержания, не суть абстрактные «отдельности»: содержание знака как бы «переливается» в ту сторону, куда мы «наклоняем» наш знак. Непосредственной причиной этого является включение знака в разные системы, а оно в свою очередь коренится в различном характере целей и объективных задач, решаемых в процессе деятельности.

Строго говоря, знак, взятый в изоляции, вообще не есть ни орудие познания, ни орудие общения. Он – лишь своего рода «клеточка», используемая для общения и обобщения действительности в составе более сложных «построек». А эти постройки различны в зависимости от того, какой проблемной ситуации, какой задаче они отвечают.

И в общении (речи), и в обобщении (мышлении, восприятии) мы используем языковые знаки как оперативные единицы, организуя при их помощи решение той или иной стоящей перед нами задачи. Способ такого использования не находится каждый раз *ad hoc*: существуют типовые, общественно закрепленные схемы проблемных ситуаций, данные либо в форме **правил использования знаков**, либо в форме **эталонных образов и схем**. Такие типовые отображения ситуаций в той же мере представляют собою «единство общения и обобщения» (Выготский), как знаки¹¹; но знак есть такое единство в потенции, а в соответствующей единице более высокого порядка оно актуализуется, причем одна из этих деятельностей выступает при этом в снятом виде. Например, в структуре предложения несомненно отражена структура когнитивной ситуации (ср. актуальное строение высказывания); но при задаче общения мы, как правило, не строим сознательно свое высказывание с ориентировкой на эту его сторону, рассматривая ее как своеобразный фон при поиске оптимальной конструкции. Напротив, когда мы стоим перед той или иной познавательной задачей, требующей участия речи, – скажем, решаем математическую задачу в речевой форме, – то при этом автоматически, как чем-то данным, оперируем грамматическими структурами, в которых оказывается «снятым» на этот раз коммуникативный аспект. Кстати, именно эта снятость и возможность замены реальных языковых структур в целях познания любыми другими функционально равнозначными (в когнитивном аспекте) структурами образует для человека потенциальную возможность использования для когнитивных целей не только внешней, но и **внутренней речи**.

В сущности, когда мы сталкиваемся с застывшими в виде схем, образов, систем правил когнитивными (или коммуникативными) структурами, мы можем считать, что имеем дело с квазиобъектами высших уровней или порядков. Именно таким квазиобъектом является, в частности, высказывание.

4.

Возвращаясь к субъективному содержанию знакового образа, мы видим, что оно не тождественно самому себе в различных проблемных ситуациях употребления знака. Другой вопрос, что как бы оно ни модифицировалось для носителя языка, в нем всегда остается, с одной стороны, «когнитивный инвариант», т.е. то, что диктуется идеальным содержанием знака – соотносительность с «системой содержательных общественных связей», закрепленных в знаке¹²; с другой – его «коммуникативный инвариант», то есть система операций с этим знаком, которая закреплена в нем и образует правила его употребления в составе более сложных коммуникативных структур. Думается, что определение значения И.С. Нарским как «инварианта информации, переносимого словесным или несловесным знаком или сочетаниями таковых» [Нарский, 1969б : 39]) правильно постольку, поскольку мы рассматриваем значение под этим вторым углом зрения – в его коммуникативном аспекте.

Когнитивный инвариант субъективного содержания знакового образа, как явствует из сказанного ранее, есть то в этом содержании, что идет от социальной деятельности, закрепленной в знаке. Коммуникативный его инвариант – то, что идет от деятельности, использующей знак. Видимо, первый ближе всего к тому, что обычно называется **понятием**. Второй – как раз то, что чаще всего называют **значением**.

Однако из сказанного видно также, что мы не можем рассматривать то и другое как данности, как «кусочки», **элементы** какого-то другого объекта. И субъективное содержание знакового образа в целом, и его инварианты имеют принципиально **процессуальный характер**. Значение как психологический феномен есть не вещь, но процесс, не система или совокупность вещей, но динамическая иерархия процессов [Леонтьев 1971 : 8].

И, наконец, из сказанного можно сделать вывод, что в субъективном содержании знакового образа есть и такие аспекты, такие образующие его факторы, которые не

сводимы ни к когнитивному, ни к коммуникативному его инварианту.

Это, во-первых, то в нем, что идет от психологических процессов, стоящих «за» знаком в разных видах его использования в деятельности, – например, мера и способ соотношенности содержания с его «чувственным» аспектом, соотношенность субъективного содержания с вторичными образами, с «наглядностью». Эта сторона субъективного содержания может в некоторых случаях (например, у ребенка) приобретать несвойственную ей значимость: субъективное содержание знакового образа как бы проецируется на чувственные образы, соотносимые со знаком, и деформируется в соответствии с их ограниченными (по сравнению со знаком) психологическими возможностями. Для субъекта знак как бы теряет свое идеальное содержание, сохраняя лишь то в нем, что может быть закреплено в чувственном образе и «вычерпано» из него. А так как чувственный образ в очень большой степени зависит от индивидуального опыта субъекта, оказывается, что объективное содержание знака в известном смысле субъективизируется. Человек начинает оценивать знак по мерке своего индивидуального опыта, придавать ему те характеристики, которые отражают, в сущности, лишь отношение этого человека к чувственному образу, репрезентирующему для него класс тех или иных реальных предметов и явлений. Мы будем в дальнейшем говорить в указанном смысле о *чувственной окрашенности* субъективного содержания. Эта чувственная окрашенность потенциально может быть большей в одних знаках и меньшей в других.

Это, во-вторых, то в субъективном содержании знакового образа, что идет от различных уровней осознания и различных уровней семантической экспликации этого содержания в сознании субъекта – носителя языка. Несомненно, что и то и другое в конечном счете зависит от факторов, лежащих вне индивидуального сознания – человек настолько осознает и эксплицирует содержание знака, насколько это ему необходимо. Но су-

щественно и обратное влияние – в определенных ситуациях использование знака *ограничено* возможностями его экспликации (так происходит, например, с научными терминами). Назовем этот аспект субъективного содержания его *потенциальной экспликативностью*, включая сюда и потенциальную «глубину» его осознаваемости. Она тоже может быть различной в различных знаках.

Это, в-третьих, то в субъективном содержании знакового образа, что идет от личностного смысла и может быть названо *смысловой окрашенностью* этого содержания. Здесь особенно часты разного рода деформации и особенно характерна подмена объективного (идеального) содержания личностным смыслом. Мера смысловой окрашенности, по-видимому, в значительной степени связана с мерой чувственной окрашенности и потенциальной экспликативностью знака: чем больше чувственная окрашенность и чем меньше потенциальная экспликативность, тем больше возможность расхождения смысла и идеального содержания знака.

Это, в-четвертых, то, что мы называли выше *эмоциональной окрашенностью* субъективного содержания знакового образа.

Все эти аспекты субъективного содержания в историческом развитии системы языковых значений приобретают статус факторов, влияющих на ее изменение. Отсюда, например, феномены семантической транспозиции, хорошо описанные лингвистами Женевской школы [Фрей 1942; Карцевский 1929; Сешэ 1941 – см. Леонтьев 1965 : 177].

Возвращаясь к когнитивному инварианту субъективного содержания, мы можем еще раз констатировать, что в разных типах знаков этот инвариант выступает в различных формах соотношенности субъективного содержания знакового образа с реальными предметами и явлениями действительности и, с другой стороны, — с идеальным содержанием знака (ср. приведенные выше классификации Г. П. Щедровицкого и С. Р. Вартазаряна). Таким образом, возможна *когнитивная типология* знаковых образов.

Что касается коммуникативного инварианта субъективного содержания, то он может быть в научном анализе представлен как система разного рода правил, определяющих границы употребления знака в деятельности общения. Какие это правила? Какие операции со знаком закреплены в знаковом образе (пусть в неявном виде, как потенция) и, таким образом, должны рассматриваться как образующие субъективного содержания этого образа?

1. Операции, непосредственно диктуемые когнитивной инвариантностью, то есть перенесенные в *использование* знаков их когнитивно-типологические особенности. Это прежде всего допустимые для данного знака правила ситуативного указания и замещения. Есть такие виды знаков (дейктические знаки), для которых эти операции почти исчерпывают коммуникативный инвариант их субъективного содержания.

2. Операции соотношения и взаимозамены знаков как элементов знаковой системы, т. е. семантические в узком смысле. Они, по Нарскому, образуют «как бы разрешенный круг случаев, внутри которого операции субъекта (имеется в виду употребление знаков. – А.Л.) при всех индивидуальных их различиях соответствуют данному значению» [Нарский 1963: 15]. Операции этого рода реализуются в механизме взаимозамены знаков и прежде всего – в правилах отбора семантических единиц для целей общения. Именно в этом смысле психологическая структура значения определяется системой соотношенности и противопоставления слов в процессе их употребления в деятельности [Леонтьев 1971: 11], именно эта «сетка противопоставлений интердиктивно ограничивает и направляет процесс выбора адекватного значения» [Брудный 1971 : 22].

3. Операции сочетания знаков в квази-объекты (знаки) высших порядков, то есть то в семантике знака, что связано с семантикой высказывания и представляет собой свернутые (и приписываемые нами данному знаку) правила перехода от знака к высказыванию¹³.

Операции второго и третьего типа могут, в свою очередь, иметь разную фиксацию в знаке. Они могут быть *содержательными*, т.е. входить для говорящего (слушающего) в субъективное содержание знакового образа. Например, в языках изолирующего типа правила организации знаков в высказывании сводятся к организации соответствующих семантических классов. Но они могут быть и *формальными*. В языках флективного типа, например в русском, в правилах построения высказывания доминируют операции над формально-грамматически маркированными классами знаков, и эта их характеристика маргинальна для их субъективного содержания и относительно самостоятельна по отношению к этому последнему. Ср. в этой связи концепцию «лексемного» и «морфемного» синтаксиса [Леонтьев 1965: 198— 201].

5.

В современной психолингвистике и психологии речи мы сталкиваемся с огромным множеством различных экспериментальных методик, направленных на исследование того, что авторы называют «значением» слова. С самого начала совершенно очевидно, что ни о каком *объективном* значении (то есть об идеальном или тем более объективном содержании знака) здесь не может быть и речи. Сама природа психолингвистического (и – шире – психологического) эксперимента над фактами речевой деятельности такова, что объектом этого эксперимента всегда является либо знание языка (языковая способность, лингвистическая компетенция), либо те или иные операции, направленные на производство речи, ее восприятие или же связанные с рефлексией над самой речевой деятельностью и ее образующими. Применительно к проблеме значения можно выразить ту же мысль еще более определенно: объектом психолингвистического эксперимента здесь всегда является *субъективное содержание знакового образа или те или иные операции над ним*. Именно потому такой эксперимент и является объективным, научным,

что само это субъективное содержание, как мы выяснили выше, является лишь *относительно* субъективным.

Все существующие экспериментальные методики могут быть разделены на следующие категории: 1) эксперименты по наименованию; 2) эксперименты по экспликации субъективного содержания (типа «Что такое X?»); 3) эксперименты на возможность / невозможность употребления данного слова в данном контексте; 4) эксперименты типа «Как это называется?»; 5) ассоциативные эксперименты; 6) эксперименты по семантическому шкалированию; 7) эксперименты по оценке семантической близости слов; 8) эксперименты по выявлению зависимости психологического оперирования со словами (например, запоминание) от их содержательных характеристик; 9) эксперименты, направленные на изучение актуализации в оперировании данными словами ранее сформированной общей установки; 10) эксперименты по систематизации понятий.

Классическим примером экспериментов *первого типа* являются опыты Д.Н. Узнадзе [Узнадзе 1966; см. о них также: Супрун, Клименко 1974 : 190 и сл.], в которых испытуемым предлагалось соотносить бессмысленные рисунки с бессмысленными же трехсложными квазисловами. Ясно, что ни о каком когнитивном инварианте, ровно как и о коммуникативном инварианте, здесь не могло быть речи: то, что выявлялось в ходе эксперимента, были те компоненты субъективного содержания, которые названы нами чувственной окрашенностью, смысловой окрашенностью и эмоциональной окрашенностью, причем и эти компоненты были взяты в изоляции от предметного содержания.

Сам Д.Н. Узнадзе [Узнадзе 1966: 23–24] сформулировал свои выводы так: основную роль в наименовании играет «сознание согласованности форм» объекта и звукового комплекса (= чувственный аспект), сравнение их «эмоциональных компонентов» и наконец, то, что испытуемые называли «общим впечатлением». В сущности, это был эксперимент на выявление мотивированности, связывающей субъективное содержание

знакового образа с его звуковым «телом».

Близкие эксперименты осуществлял И.Н. Горелов [Горелов 1969]; у него соответствующий рисунок был вполне осмысленным, предметным (изображения различных фантастических животных). В его исследовании особенно явно выявилось, что мотивированность имеет место на уровне перечисленных выше маргинальных характеристик; но самые интересные результаты дал опрос, проведенный «Неделей» на основе рисунков, использованных И.Н. Гореловым. Испытуемые (член-корр. АН СССР биолог М.С. Гиляров, врач А.Ф. Ахабадзе, артист С.В. Мишулин, писатель Б.В. Захотер и антрополог М.М. Герасимов), анализируя вслух данные им рисунки, все шли по одному из двух путей: либо присваивали «животным» эмоционально четко окрашенные характеристики (мягкий, круглый, добрый, приятный, домашний – толстый¹⁴; неповоротливый, жестокий, колючий; симпатичный, хороший, малыш – хищный, злой, острый, тощий, с длинным носом, неприятный, нерасторопный, толстый; женственный – противный; нежный; добрый, славный, маленький, беспомощный – толстый, кусачий, пакость), либо проецировали на них представление о хорошо известных животных, с которыми связаны также четкие оценочные коннотации: кабан, кошка, медведь, пингвин, скорпион [Церковер, Шлиенков 1965].

Эксперименты *второго типа* можно охарактеризовать на примере работ Л.В. Сахарного и О.Д. Орловой [Сахарный 1970; Сахарный, Орлова 1969]. Их испытуемые (носители одного из пермских говоров) дали следующие виды экспликации: а) постановка в более широкий контекст; б) постановка в контекст, выявляющий основной признак значения; в) синонимизация или антонимизация, вообще – операция по системному отграничению; г) указание на способ изготовления предмета, т. е. определение понятия; д) соотнесение с однокоренными словами. Хорошо видно, что в эксперименте эксплицировались почти исключительно операции, связанные с коммуникативным инвариантом субъективного содержания. Важным выво-

дом является, что «информанты в процессе объяснения незнакомых слов нередко прибегают к конструированию некоторых ситуаций, что показывает ситуационную обусловленность реализации значений слов» [Супрун, Клименко 1974 : 197].

Примером эксперимента *третьего типа*, обратного по отношению к только что отмеченному созданию контекста в целях семантической экспликации, можно считать эксперименты М.М. Копыленко (Копыленко 1965) и А.П. Клименко [Клименко 1970]. Они в известном смысле противоположны: А.П. Клименко просила *вписать* слово в заданный контекст, что приводило к выявлению класса слов, взаимозаменяемых в данном контексте и, следовательно, имеющих общие содержательные характеристики. М.М. Копыленко, напротив, давал список слов и предлагал *оставить* в данном контексте одно, наиболее подходящее. В первом случае эксплицировались прежде всего операции вида 2, образующие коммуникативный инвариант, во втором – операции вида 3.

Эксперимент *четвертого типа* мы проиллюстрируем на материале экспериментального исследования О.Н. Селиверстовой. Она демонстрировала испытуемым светящийся объект и выясняла, какие русские и английские глаголы (типа *блестеть*, *мерцать* и т. п.) выбирались при изменении физических характеристик свечения [Селиверстова 1968, 1970]. Очевидно, что в данном случае О.Н. Селиверстова имела дело с тем, что мы назвали выше когнитивным инвариантом субъективного содержания знакового образа, и с правилами перехода от него к операциям вида 1 и 2, образующим коммуникативный инвариант.

Наиболее хорошо известны эксперименты *пятого типа*, хотя обычно остается неэксплицированным, какие именно характеристики или стороны значения в этих экспериментах актуализуются. Видимо, этот вопрос следует ставить дифференцированно применительно к разным видам ассоциативных реакций. В синтагматических ассоциациях бесспорно актуализуются коммуникативные операции типа 3 (*стол – стоит*). В

парадигматических ассоциациях проявляются очень различные характеристики субъективного содержания. Прежде всего это, конечно, коммуникативные операции типа 2 (*молодой – старый*). Однако значительная часть ответов идет здесь за счет смысловой окрашенности, эмоциональной окрашенности и чувственной окрашенности (*молодой – хороший*, *молодой – надежда*, *молодой – черноглазый* и т. п.). Мы не владем, к сожалению, методами, которые позволили бы нам в процессе ассоциативного эксперимента сколько-нибудь четко дифференцировать парадигматические реакции всех этих типов¹⁵. Другой вопрос, что путем дальнейшей статистической обработки данных массового ассоциативного эксперимента можно получить какие-то значимые результаты, как это пытался сделать, например, Дж. Диз [Диз 1965].

Интересный анализ психологической природы процессов, лежащих в основе ассоциирования, дал Дж. Миллер. Согласно данному им обзору, существует пять основных гипотез по этому поводу. Это «гипотеза частотности сочетаний» (в основе ассоциирования лежит скрытое знание о совместной встречаемости слов) «гипотеза общего имени» (испытуемый относит стимул и реакцию к одному и тому же референту); «образная гипотеза» (общий чувственный образ, ассоциируемый и со стимулом, и с реакцией); «гипотеза ветвления» (у испытуемого есть знание о дереве иерархических связей слов по значению); «гипотеза семантических маркеров» (значение актуализуется в эксперименте как пучок маркеров). Сам Миллер придерживается шестой, «предикативной гипотезы», согласно которой ассоциация есть скрытый (или явный) акт предикации [Миллер 1962]. Думается, что нет оснований для выбора только *одной* из гипотез о природе ассоциаций, хотя нельзя не согласиться с Миллером в том, что «гипотеза предикативности» лучше всего интерпретирует данные ассоциативного эксперимента: анализ словарей ассоциативных норм наглядно демонстрирует валидность *каждой* из приведенных Миллером гипотез применительно к

разным реакциям.

Проблема ассоциаций не является предметом специального рассмотрения в данной работе, и мы ограничимся сказанным выше, отослав читателя к вступительным статьям советского «Словаря ассоциативных норм».

Классический эксперимент *шестого типа* – «семантический дифференциал» (СД) Ч. Осгуда. К настоящему времени литература об этом методе даже на русском языке (не говоря уже об английском) достигла гигантских размеров; это освобождает нас от изложения сути метода. Сошлемся лишь на исходную монографию Осгуда с соавторами (Осгуд и др. 1957; русский перевод отрывка – Осгуд и др. 1972) и на сборник, в котором собраны основные статьи по СД, вышедшие после опубликования этой монографии [Методика семантического дифференциала 1971]¹⁶. Видимо, успех этого метода, несмотря на его очевидные недостатки [см., например, Апресян 1963; Супрун, Клименко 1974], объясняется тем, что он чрезвычайно удобен для практических целей. В СССР осгудовская методика получила интересную модификацию применительно к шкалированию целого текста, что также дало интересные практические результаты. Эта методика, разработанная В. И. Батовым и Ю. А. Сорокиным под названием «семантического интеграла» [Батов, Сорокин, 1973; Сорокин 1973а, б], восходит также к работам Дж. Кэролла [Кэролл 1972].

Что же измеряется методом СД, претендующим на «измерение значения», пусть когнитивного или прагматического? Несомненно, что это только те аспекты субъективного содержания знакового образа, которые лежат вне инвариантной области, и прежде всего – смысловая окрашенность. Правда, как показывают исследования, в данных, полученных методом СД, отражаются также различие грамматических классов слов [Каримова 1972] и некоторые другие параметры, входящие в коммуникативный инвариант, например, операции вида 3.

Пример на эксперимент *седьмого типа* – исследование А.П. Клименко, кото-

рая предлагала испытуемым дать количественную оценку близости между предъявляемыми словами по десятибальной шкале. Так, *стол* и *год* получили оценку 0,4, а *снег* и *погода* – 7,1 [Клименко 1964 : 35 и сл.]¹⁷. Эта методика фиксирует операции вида 2 и в известной мере также различные виды окрашенности субъективного содержания.

Эксперименты *восьмого типа*, которые могут быть упомянуты здесь, — это хотя бы опыты Бренера [Бренер 1940] и П.Б. Невельского [Невельский 1966] по запоминанию слов, в которых выявилось соответственно различие слов с конкретным и абстрактным значением и обозначающих родовые и видовые понятия. Здесь ответить на вопрос, что именно отражается в эксперименте, очень трудно, так как остается совершенно не выясненным, на что в субъективном содержании знакового образа опирались испытуемые в процессах запоминания и воспроизведения. Не исключено, что, по крайней мере в словах с конкретным значением, на самом деле мы имеем дело не со словами, а с чувственным образом.

Одним из наиболее характерных экспериментов *девятого типа* является методика «семантического радикала» А.Р. Лурия и О.С. Виноградовой, хорошо известная из их публикаций на русском [Лурия, Виноградова 1971] и английском [Лурия, Виноградова 1959] языках. Эта методика условно-рефлекторная, в ней, по-видимому, отражается когнитивный инвариант субъективного содержания и связанные с ним операции вида 2, а также различные виды окрашенности субъективного содержания.

И, наконец, методика десятого типа восходит к классическому эксперименту Выготского–Сахарова [Выготский 1956] и регистрирует очень различные аспекты субъективного содержания – когнитивный инвариант, чувственную окрашенность, потенциальную экспликативность, операции вида 1 и 2 и т. д.

Этот краткий обзор приводит нас по крайней мере к одному, достаточно неутешительному выводу. Пока что нет ни одной психолингвистической методики, которая

позволила бы нам исследовать *в чистом виде* какой бы то ни было аспект значения (субъективного содержания знакового образа). Наиболее «чистые» результаты дают эксперименты второго, третьего и отчасти четвертого типа, но все эти результаты тяготеют лишь к одному аспекту значения – его коммуникативному инварианту. Поэтому возникает задача: либо разработать такие методики, которые позволили бы в эксперименте выделить отдельные стороны значения и исследовать их, так сказать, поодиночке; либо, что более реально, организовать исследование таким образом, чтобы можно было получить сопоставимые результаты по разным методикам и уже таким, косвенным, путем сделать искомые выводы.

Психолингвистика знает попытки создания такой «батареи методик»; ср., например, сопоставление ассоциативных экспериментов по методике К. Нобла и эксперимента по методу СД, в результате чего выявилась корреляция [Статс и Статс 1959], или сопоставление оценок смысловой близости и данных, полученных методом СД [Клименко 1964]. Однако подобные попытки носят характер скорее исключения, чем правила, и обычно лишь демонстрируют сам факт корреляции, не вдаваясь в его объяснение и интерпретацию. Представляется поэтому исключительно важным произвести комплексное исследование психолингвистического аспекта значения различными сопряженными методиками на базе четкого концептуального представления о самих исследуемых процессах и явлениях¹⁸. Именно такого концептуального представления, кстати, не хватает многим американским психолингвистическим экспериментам, носящим, как неоднократно отмечалось в литературе, сильный отпечаток эмпиризма и операционализма; к этим экспериментам как нельзя лучше подходит замечание Альберта Эйнштейна, что «совершенные средства при неясных целях – характерный признак нашего времени» [цит. по Моль 1973 : 27] – с той существенной поправкой, что и сами средства здесь далеко не совершенны, хотя на уровне конкретных экспериментальных

приемов и методик и математической интерпретации результатов, как правило, они прекрасно отработаны.

6.

В нашем предшествующем анализе мы сознательно игнорировали или, во всяком случае, обходили тот факт, что значение или знак выступает не просто в речевой деятельности того или иного конкретного индивида, в той или иной конкретной ситуации (или, соответственно, в какой-то иной деятельности, что сейчас для нас не так существенно, ибо использование языка в любой неречевой деятельности имеет своей необходимой предпосылкой актуальное или потенциальное коммуникативное использование). Это часть процессов *общения* как одной из сторон социального взаимодействия членов группы или общества в целом.

Современная психолингвистика, как правило, упускает из вида эту сторону проблемы, что связано с трактовкой самого общения в зарубежной (и отчасти советской) науке чаще всего как интериндивидуальной коммуникации, направленной на передачу информации [см. Леонтьев 1974]. Именно поэтому акт речи в ней обычно трактуется в духе известной схемы К. Бюлера [Бюлер 1934: 28]; задача говорящего оказывается в том, чтобы передать информацию о каких-то предметах и явлениях реального мира в такой форме, чтобы эта информация была адекватно воспринята слушающим.

«Значение – не в слове, и не в душе говорящего, и не в душе слушающего. Значение является эффектом взаимодействия говорящего со слушающим на материале данного звукового комплекса. ... Только ток речевого общения дает слову свет его значения» [Волошинов 1929]. Эту последнюю мысль можно было бы развернуть и далее, поставив вопрос о целостном *тексте* как содержательной категории. Здесь намечается новый подход к самому тексту, который, на наш взгляд, недостаточно понимать как то, что конституируется лингвистическими характеристиками *связности* [см. Леонтьев].

С другой стороны, положение о до-

минантности различных аспектов значения представляет, видимо, интерес и под еще одним углом зрения – именно для выявления объективных семантических признаков или компонентов (маркеров) значения, не просто выделяемых на той или иной логической основе в результате анализа «словарных» значений, как это обычно делается, а психолингвистически релевантных, выступающих как оперативные единицы в процессе поиска слова в долговременной памяти (при производстве речи) и в процессе его отождествления (при восприятии речи). Мысль о существовании подобных оперативных единиц, высказанная рядом авторов [Анисфелд, Кнапп 1968; Бродбент 1964] обосновывалась нами ранее в других работах [Леонтьев 1969а, 1971], в результате чего возникла несколько парадоксальная формула, что «слово есть его поиск» [Леонтьев 1971: 18]; естественно, следует прибавить – слово как психолингвистическая единица в процессах реального речепроизводства и речевосприятия.

Учитывая принципиально эвристический характер операций производства и восприятия речи [Леонтьев 1972–1973], можно высказать гипотезу, что в различных ситуациях общения этот поиск, направленный на выбор адекватного слова или на отождествление его при восприятии, касается **разных** компонентов, «просматриваемых» **в разной** последовательности, то есть тоже эвристичен. Иными словами, процесс соотнесения слова с эталоном, выступающим как контрольное звено в процессах обоих типов, может требовать разных по качеству и по количеству операций. И что особенно важно – это возможность, по-видимому, использования в качестве такого эталона различных психологических данностей – как субъективного содержания в различных его

аспектах (например, в его коммуникативном инварианте, в его эмоциональной окрашенности – слово считается найденным, если оно совпадает с эталоном по эмоциональной окрашенности, другие же аспекты субъективного содержания оказываются незначимыми), так и соотнесенного с ним чувственного образа, развернутой в текст экспликации значения и т. п.

* * *

Все сказанное приводит нас к выводу, что проблема значения в ее психолингвистическом аспекте, а точнее – в ее онтологическом аспекте (изучение которого есть абсолютно необходимая предпосылка для любого серьезного психолингвистического исследования лексики и семантики), является одной из центральных проблем не только психолингвистики, но и вообще любой гуманитарной дисциплины, имеющей дело с языком и его социальными и психологическими функциями. Но она до сих пор остается **проблемой**. Хуже всего то, что, не осознавая ее действительной сложности, за нее часто берутся со средствами, заведомо непригодными для ее разрешения, и выдают ответ на какой-либо частный вопрос за решение проблемы в целом.

Одной из основных задач настоящей работы и было – попытаться вскрыть реальные истоки сложности и указать возможные пути к адекватному решению проблемы значения на методологическом базисе марксистско-ленинской философии и на той психологической основе, которая заложена в трудах советских ученых школы Л.С. Выготского. Только при этом условии мы можем успешно разрабатывать теоретические и экспериментальные вопросы, связанные со значением как одной из категорий психолингвистики.

Примечания

¹ Оба эти аспекта в советской науке неразрывны; есть единая категория деятельности, лишь рассматриваемая с разных сторон, см. Буюва 1973; А.Н. Леонтьев 1972б.

² В этом смысле совершенно прав И.С. Нарский, когда указывает: «Строго говоря, не существует значения, вводимого в некоторый объект или изымаемого из него, а существуют в этих случаях те или иные объекты, играющие роль значения или же утрачивающие ее» [Нарский 1969 : 19].

³ Ср.: «Само обозначение предметов знаками, которые представляют собой социально сформировавшуюся связь, объективно детерминировано специфическими условиями человеческой деятельности» [Коршунов, Мантатов 1974 : 123].

⁴ Поэтому едва ли верен тезис И.С. Нарского, что «никаких значений как «идеальных сущностей», отличающихся от мыслительных, эмоциональных и волевых процессов не существует» [Нарский 1969: 149]. Более точен здесь Г.В. Колшанский, подчеркивающий принципиальное единство идеального (отражательного, понятийного), субъективного и языкового аспектов значения [Колшанский 1967].

⁵ Здесь мы, во-первых, сознательно не говорим пока **о понятии**, так как этот термин чрезвычайно многозначен – он соотносится, в частности, как с объективным содержанием знака, так и с его субъективным содержанием. Во-вторых, говоря о «теле» знака как материальном субстрате его идеального содержания, мы отнюдь не имеем в виду, что знак во **всех** формах своего существования обязательно имеет чувственно воспринимаемый облик; выступая как знаковый образ, он, в частности, «теряет» и эту свою материальность, превращаясь в полностью идеальное образование, в факт **сознания**.

⁶ Таким образом, мы пришли к идее различных задач (коммуникативных, когнитивных и т. п.), возникающих в разных видах деятельности. См. об этом подробнее Леонтьев 1974: гл. I, § 4.

⁷ «Только несущий на себе все три функции отдельно взятый ... знак языка выражает понятие о предмете» [Щедровицкий 1958 : 66].

⁸ Более подробное изложение психолингвистической теории деятельности, разрабатываемой школой Л.С. Выготского, (на эту теорию мы опираемся в данной и других работах), см. А.Н. Леонтьев 1974, 1972б, 1965 и др.

⁹ Интересно привести здесь слова В.Н. Волошинова, еще в 1929 г. писавшего: «Отделение значения слова от оценки неизбежно приводит к тому, что значение, лишенное места в живом социальном становлении (где оно всегда пронизано оценкой), онтологизируется, превращается в идеальное бытие, отрешенное от исторического становления» (Волошинов 1929 : 126).

¹⁰ О понятии смысла см. подробнее А.Н. Леонтьев 1947; 1965, 1972а: 136–140; Леонтьев 1969б.

¹¹ Это дает основание некоторым исследователям, например, В.Г. Гаку, считать высказывание знаком.

¹² Строго говоря, эта система не всегда полностью отражена в субъективном содержании знака – вернее было бы сказать, она **никогда** не отражена в нем совершенно адекватно: ср. сказанное выше о личностном смысле. Но для простоты рассуждения мы на этом его этапе «выносим за скобки» проблему смысла.

¹³ Можно видеть, что мы пришли к системе, внешне совпадающей с известным различием семантического, прагматического и синтаксического значения [см. Апресян 1963]. Однако содержательная интерпретация этого различия совершенно отлична у нас от его

традиционной интерпретации.

¹⁴В сущности, между «круглый» и «толстый» не было содержательной разницы: но первое «животное» оценивалось позитивно, второе – негативно. Можно сказать, что испытуемые в этом опыте как бы создавали собственную систему шкал типа осгудовских [см. стр. 66].

¹⁵Впрочем, эти последние практически очень трудно отграничить, в свою очередь, от синтагматических.

¹⁶Последний по времени хороший обзор метода СД на русском языке – Супрун, Клименко 1974 : 207–212.

¹⁷ Сюда же относятся методики, описанные в работах: Миллер 1967; Англии 1970; Филленбаум, Рапопорт 1971.

¹⁸ Такого рода комплексное исследование планируется в настоящее время психолингвистами СССР и ГДР.

Список литературы

- Anglin Y.M.* The Growth of Word Meaning. Cambridge (Mass.), 1970.
- Anisfeld M., Knapp A.M.* Association synonymity and directionality in false recognition. «Journal of Experimental Psychology», 1968, v. 77.
- Анресян Ю.Д.* Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. «Проблемы структурной лингвистики». – М., 1963.
- Батов В.И., Сорокин Ю.А.* Применение метода семантического дифференциала для установления авторства текстов. «Общая и прикладная психолингвистика». – М., 1973.
- Brener R.* An experimental investigation of memory span. «Journal of Experimental Psychology», 1940. v. 26.
- Broadbent D.* Perceptual and response factors in the organisation of speech. «Disorders of language». London, 1964.
- Брудный А.А.* К проблеме семантических состояний. «Сознание и действительность». Фрунзе, 1964,
- Брудный А.А.* Коммуникация и сознание. «Изв. АН Кирг. ССР», 1969, № 6.
- Брудный А.А.* Значение слова и психология противопоставлений. «Семантическая структура слова». М., 1971.
- Бучева Л.П.* Проблема деятельности личности в марксистской и буржуазной социологии. «Исторический материализм как теория социального познания и деятельности». – М., 1973.
- Bühler K.* Sprachtheorie. Jena, 1934.
- Вартазарян С.Р.* О репрезентативной функции знака. «Философские вопросы логического анализа научного знания», вып. 2. – Ереван, 1971.
- Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. Л., 1929.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь. – В кн.: Л.С. Выготский. Избранные психологические исследования. – М., 1956.
- Горелов И.Н.* О возможной примарной мотивированности языкового знака. «Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака». – Л., 1969.

- Deese J.* The structure of association in language and thought. Baltimore, 1965.
- Дридзе Т.М.* Некоторые семиотические аспекты психосоциологии языка. Канд. дисс. – М., 1969.
- Зинченко В.П.* Продуктивное восприятие. «Вопросы психологии», 1971, № 6.
- Ильенков Э.В.* Идеальное. «Философская энциклопедия», т. 2. – М., 1962.
- Каримова И.А.* Сопоставительное исследование прагматических значений (на материале русского и французского языков). «Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку». – М., 1972.
- Karcevski. S.* Du dualisme asymetrique du signe linguistique. «Travaux du Cercle linguistique de Prague», v. 1. Prague, 1929.
- Клименко А.П.* О психолингвистической модели семантической микросистемы времени в русском языке. «Уч. зап. филол. ф-та КГУ», вып. 13. Вопросы лексики и грамматики русского языка. Фрунзе, 1964.
- Клименко А.П.* Вопросы психолингвистического изучения семантики. Минск, 1970.
- Колшанский Г.В.* Семантика слова в логическом аспекте. «Язык и мышление». М., 1967.
- Копыленко М.М.* К экспериментальному изучению сочетаемости лексем. — ВЯ, 1965, № 2.
- Коришунов А.М.* Теория отражения и творчество. – М., 1971.
- Коришунов А.М., Мантатов В.В.* Теория отражения и эвристическая роль языков. – М., 1974.
- Кэррол Дж.Б.* Факторный анализ стилевых характеристик прозы. «Семиотика и искусствометрия». – М., 1972.
- Леонтьев А.Н.* Психологические вопросы сознательности учения. «Изв. АПН РСФСР», 1947, вып. 7.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. Изд. 2-е. – М., 1965.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность и сознание. «Вопросы философии», 1972, № 12.
- Леонтьев А.Н.* Проблема деятельности в психологии. «Вопросы философии», 1972, № 9.
- Леонтьев А.Н.* Общее понятие о деятельности. «Основы теории речевой деятельности». – М., 1974.
- Леонтьев А.Н., Гиппенрейтер Ю.Б.* О деятельности зрительной системы человека. «Психологические исследования». – М., 1968.
- Леонтьев А.А.* Возникновение и первоначальное развитие языка. – М., 1963.
- Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности. – М., 1965.
- Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М., 1969а.
- Леонтьев А.А.* Смысл как психологическое понятие. «Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком». – М., 1969б.
- Леонтьев А.А.* Психологическая структура значения. «Семантическая структура слова». – М., 1971.
- Леонтьев А.А.* Проблема глоттогенеза в современной науке. «Энгельс и языковедение». М., 1972.
- Leontiev A.A.* Le principe heuristique dans la perception, la production et la comprehension du langage. «Bulletin de psychologies», v. 304, XXVI, № 5—9 (1972—1973).
- Леонтьев А.А.* Психология общения. – Тарту. 1974.
- Леонтьев А.А.* Признаки связности и цельности текста (в печати).
- Luria A.R., Vinogradova O.S.* An objective investigation of the dynamics of semantic systems. «British Journal of Psychology», 1959, v. 50.

Лурия А.Р., Виноградова О.С. Объективное исследование динамики семантических систем. «Семантическая структура слова». – М., 1971.

Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса. «Вопросы философии», 1968, № 6.

Мамардашвили М.К. Форма превращенная. «Философская энциклопедия», т. 5. – М., 1970.

Маркс К. Капитал, т. 1. – В кн. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23.

Методика семантического дифференциала 1971: «Semantic Differential Technique». Chicago (Illinois), 1971.

Miller G.A. Psycholinguists approaches to the study of communication, «Journal in Science». Albuquerque, 1967.

Miller G.A. The organization of lexical memory: are word association sufficient? «The Pathology of Memory», N. Y., 1969.

Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.

Morton J. Consideration of grammar and computation in language behavior. Cambridge (Mimeo), 1968.

Нарский И.С. Критика неопозитивистских концепций значения. «Проблема значения в лингвистике и логике». – М., 1963.

Нарский И.С. Проблема значения и диалектика. «Проблемы теории познания и логики», вып. I. – М., 1969.

Нарский И.С. Диалектические противоречия и логика познания. – М., 1969а.

Нарский И.С. Проблема значения «значения» в теории познания. «Проблема знака и значения». – М., 1969б.

Невельский П.Б. Запоминание и угадывание видовых и родовых понятий. «Новые исследования в педагогических науках», VI. – М., 1966.

Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М., 1970.

Osgood Ch. E., Suci G., Tanenbaum P. The Measurment of meaning. Urbana, 1957.

Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам. «Семиотика и искусствоведение». – М., 1972.

Полторацкий А., Швырев В. Знак и деятельность. – М., 1970.

Сахарный Л.В. Осознание значения слова носителями языка и типы отражения этого осознания в речи. «Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку». – М., 1970.

Сахарный Л.В., Орлова О.Д. Типы употребления в речи нескольких вариантов одной гиперлексемы. «Живое слово в русской речи Прикамья», вып. 1. – Пермь, 1969.

Селиверстова О.Н. О роли исследования свойств денотатов при выделении семантических компонентов. «Материалы второго симпозиума по психолингвистике». – М., 1968.

Селиверстова О.Н. Опыт семантического анализа группы русских и английских глаголов с общим компонентом «излучать свет». «Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку». – М., 1970.

Sechehaye A. Y a-t-il lieu de completer et d'elargir la motion de l'expressivite par le signifie? «Cahiers F. de Saussure», v. 1. Genève, 1941.

Словарь ассоциативных норм русского языка: «Словарь ассоциативных норм русского языка», ч. 1 (в печати).

Сорокин Ю.С. Смысловое восприятие текста и библиопсихология. Канд. дисс. – М., 1973а.

Сорокин Ю.С. Экспериментальная проверка реальности некоторых признаков текста. «Общая и прикладная психолингвистика». – М., 1973.

Staats A., Staats C. Meaning and m: correlated but separate. «Psychological Review», 1959, v. 66.

Супрун А.Е., Клименко А.Н. Исследование лексики и семантики. «Основы теории речевой деятельности».– М., 1974.

Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. – М., 1966.

Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – М., 1974.

Fillenbaum S., Rapoport A. Structures in the sub-jective lexicon. N. Y. – London, 1971.

Frei H. Ramification des signes dans la memoire. «Cahiers F. de Saus-sure», v. 2. Geneve, 1942.

Церковер Э., Шлиенков А. Жаваруга мамлыне не товарищ. «Неделя», 1965, № 45.

Шехтер М.С. Об образных компонентах речевого мышления. «Доклады АПН РСФСР», 1959, № 2, 3.

Щедровицкий Г.П. О строении атрибутивного знания. Сообщение 1. «Доклады АПН РСФСР», 1958, № 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Кирилина

УДК 81'23

ПЕРЕВОД И ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ В ДИНАМИЧЕСКОЙ СИНХРОНИИ: ПСИХИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА МОСКВЫ) ¹

Статья состоит из двух частей: в первой обсуждаются актуальность динамичной, отличной от структуралистской, модели языка в эпоху глобализации и рассматриваются достижения психолингвистики в этой области – модели ассоциативно-вербальной сети и языкового сознания. Во второй части с позиций теории повседневности (русский язык в повседневности москвича) автор демонстрирует возможности изучения динамики языкового сознания при помощи вводимого понятия «наивный перевод/ адаптация», выявляет его закономерности и предлагает на этой базе термин психические границы языка.

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативно-вербальная сеть, перевод, глобализация, психические границы языка, калькирование, языковые контакты.

Alla V. Kirilina

TRANSLATION / INTERPETATION AND THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS IN THE DYNAMIC SYNCHRONY: THE MENTAL BOUNDARIES OF THE LANGUAGES (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN IN MOSCOW)

The first part of the issue deals with the actually need of a new dynamic non-structuralist language model for the globalization era; two psycholinguistic concepts are being considered: the associative-verbal net and the language consciousness. The second part is devoted to the perspectives of their research. On the base of the everyday life theory some options of the language consciousness investigation are being demonstrated by means of the new concept of “naive interpretation/translation”. Its pattern is being discussed; a new term “mental language boundaries” is offered.

Key words: language consciousness, associative-verbal net, translation/interpetation, globalization, mental language boundaries, loan translation, language contact.

¹ *Статья подготовлена в рамках проекта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009 – 2013 годы (Мероприятие 1.1. «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров»).*

1.1. Моделирование языка в эпоху глобализации

Все более внимательным становится отношение ученых к основному процессу современности – глобализации, понимаемой в большинстве случаев как совокупность процессов, ведущих к созданию социальных и институциональных основ единого человечества [см. Гриценко, Кирилина 2010, Blommaert 2010 и др.]². Глобализация привела в движение большинство языков и обусловила несколько значимых процессов:

- изменение технических условий коммуникации и самой среды функционирования языка;

- повышение интенсивности и рост количества языковых контактов: в контакты вступают языки, ранее не взаимодействовавшие или взаимодействовавшие в ограниченном объеме; усиливается многоязычие; меняются сферы функционирования языков и их социальный престиж; происходит «реформатирование» языковых ситуаций и т.п.;

- формирование новой реальности – в значительной мере через изменение языковой картины мира, перестраиваемой для фиксации новых явлений и создания связей между семантическими областями, для обслуживания новых социальных институтов и т.д.; усиливается роль языковых идеологий, активизируются механизмы социального конструирования; ускоряется динамика языковых изменений.

Стремительные темпы глобализации требуют постоянного мониторинга языковой ситуации и усиленного внимания к тому, как в сознании человека – носителя языка отражается взаимосвязь этих быстрых изменений и их языковой интерпретации.

Еще одна важная особенность сегодняшнего дня состоит в том, что принципы изучения языка все более приходят в соответствие с общими постнеклассическими познавательными установками. Все более

интенсивно в науке – и это свидетельствует об усилении социологического и психологического «акцента» – язык обсуждается как составляющая сознания и составляющая социальных процессов.

В свете сказанного ясна необходимость обновления теоретических моделей языка. В условиях динамической синхронии разработанное для структурализма разграничение языка и речи не позволяет описать процессы и тенденции языкового развития во всей их полноте. Да и само структуралистское определение языка как системной абстракции сегодня, когда речь идет *не столько об удобстве описания структуры, сколько о фиксации признаков развития и изменения* и поиске объяснений этих изменений, не позволяет в рамках такой модели не только изучить, но даже и легитимировать исследование языковой динамики. Динамическая синхрония, на возникновение которой обращают внимание сегодня многие исследователи, требует разработки понятийного аппарата и методов, согласующихся со скоростью изменений языка, с «текучестью» его состояния, а также с требованиями новой эпистемологии.

Новый теоретический конструкт должен, видимо, учитывать социальный и психологический аспекты более, нежели структурный. Это тем более важно, что глобализация ставит на карту судьбы языков, а сама возможность дальнейшей жизни или смерти языка социальна и лежит за пределами его системного устройства [Сводеш, 2001]. Тем не менее и сегодня при обсуждении на научных форумах вопросов развития и состояния, например, русского языка, можно услышать реплики о том, что рассматриваемые явления – это не язык, а речь. Между тем сохранение жесткого разграничения между двумя научными конструктами сегодня не позволяет двигаться вперед при описании современной языковой, социальной да и психологической ситуации.

² Мы не рассматриваем здесь детально взгляды зарубежных лингвистов на глобализацию, понимаемую широко, или узко, или даже как дискурс. Отметим лишь, что все авторы подчеркивают важность фактора глобализации при анализе языковых явлений современности.

На необходимость разработки нового теоретико-методологического аппарата указывают и зарубежные коллеги [Blommaert, 2010].

В отечественной психолингвистике предложен и обоснован ряд новых понятий и методов. Сбор данных и последующая подготовка русского ассоциативного словаря [РАС 1994 – 1998] создали надежную эмпирическую основу для последующих теоретических выводов: «Использование материалов ассоциативного словаря позволяет наметить новые пути в исследовании механизмов речевого воздействия и поведения, а также в изучении семантических законов в языке в целом, принципов соотношения семантики и синтаксиса в речи и языке, закономерностей социализации индивидуальных семантических изменений и установлении новых типов ассоциативных связей» [Уфимцева 2004: 190].

Ю.Н. Караулов [Караулов 1999], обобщив данные, полученные при подготовке РАС, разработал индуктивную динамическую модель: ассоциативно-вербальную сеть, представляющую собой язык в предречевой готовности. Создание ассоциативного тезауруса позволило объективировать этот конструкт: «Ассоциативный тезаурус представляет собой способ фиксации ассоциативно-вербальной сети, лежащей в основе языковой способности носителя языка» [Караулов 1999: 7]. В основе подхода лежит лингвистическое конструирование – метод, предполагающий «создание нового исследовательского объекта, обладающего свойствами изучаемой реальности, а именно – языкового сознания» [Караулов, Филиппович 2009: 5].

Модель языкового сознания, понимаемого как «совокупности образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений,

текстов и ассоциативных полей» [Тарасов, 2000: 27], значительно более четко соответствует специфике динамической синхронии, поскольку само весьма динамично, и позволяет обнаружить и проследить изменчивость ассоциативно-вербальной сети [см. труды Н.В.Уфимцевой 1998; 2000; 2004 и др.];

Данные ассоциативных экспериментов и психолингвистический ассоциативный словарь демонстрируют большую стабильность ядра и высокую динамику периферии ассоциаций, но также и движение ядра. Разделяя приведенные выше взгляды, мы хотим обратить внимание на то, что языковое сознание – и особенно его динамика – могут быть исследованы как при помощи ассоциативных экспериментов, так и иными способами.

Отражение этих процессов, можно проследить в повседневности языка и «захватить» их не только в экспериментально полученном ассоциативном поле, но и в текстах повседневности, в процессе ежедневного контакта с миром – городской средой, Интернетом, телевидением, в бытовом и профессиональном общении и т.д.

1.2. Перевод в динамической синхронии

Наблюдения над происходящими процессами и функционированием языка в городской повседневности (Москва 2008 – 2011 гг.) позволяют говорить, что среди факторов, воздействующих на жизнь языка в динамической синхронии, внимания заслуживает *перевод* – деятельность, которая в нашей стране с последней четверти XX века чрезвычайно расширила свою сферу и вышла за рамки того, что могло считаться институциональным профессиональным занятием, которому специально обучают – как правило, в рамках учебных программ высшей школы на переводческих (и филологических) факультетах³.

Прототипически *перевод* в той или

³ Со времен У. Вайнрайха перевод рассматривается как контакт языков в психике билингва, и это позволяет рассматривать результаты переводческой деятельности как «окно» в языковое сознание и его динамику.

иной мере подразумевает устную или письменную деятельность по перекодированию⁴, осуществляемую лицами соответствующей квалификации.

Традиционная переводческая деятельность включает несколько составляющих, которые обеспечивают названное представление. В случае письменного перевода это: 1) перевод, осуществляемый специалистом, осознающим своеобразие языка оригинала и языка, на который переводится текст; 2) работа корректора и 3) работа редактора⁵. Эта деятельность осуществляется на основе нормативной базы (закон о языке, закон о рекламе и т.п.) или «по умолчанию» сложившихся правил и традиций. Например, устный перевод в большинстве случаев предполагает использование литературного стиля, а перевод в целом представляет собой в значительной мере институционализированный процесс.

Однако подобный регламент доминирует лишь в случае, когда языковые контакты имеют не слишком высокую интенсивность. В период же столь динамичных изменений, какие переживает сегодня русский язык, перевод чрезвычайно расширил сферу действия и доминировать стал иной его регламент – утрата (вернее, выход за рамки) институциональности. Неизбежным поэтому становится прирост в переводческой сфере лиц, лишь в некоторой степени владеющих иностранным языком и не знакомых с основной – принимаемой «по умолчанию» – установкой профессионального перевода – *между двумя языками, с которыми переводчик работает, существует граница, которую необходимо тем или иным способом соблюдать*⁶. Назовем их наивными переводчиками, или адаптаторами.

В истории языкознания и теории язы-

ка уже отмечались ситуации, когда интенсификация языковых контактов порождала потребность в большом количестве людей, владеющим иностранным языком (а также литературной формой родного языка). Такая потребность не может быть, как правило, удовлетворена за счет подготовленных в системе профессионального образования переводчиков, поскольку эта система рассчитана на «традиционные» количественные нормативы и «традиционное» / свойственное профессиональному сообществу и образованным носителям языка понимание перевода, связанное с прототипическими представлениями о базовых задачах и содержании этой профессиональной деятельности.

В данном случае можно провести аналогию с предложенным А. Мейе и М. Соважо еще в 1934 г. разграничением обычного билингвизма и «билингвизма культурных людей». В роли «культурных людей» выступают профессиональные переводчики с должным образованием и навыками. Именно они поддерживают границу между языками, хотя, разумеется, также, не застрахованы и от интерференции, и от переводческих ошибок, и от личных предпочтений. И все же число таких ошибок сознательно контролируется, на что обращали внимание практически все лингвисты, заинтересовавшиеся переводом как видом билингвизма: «Хотя перевод является бесспорным случаем языкового контакта, его следовало бы описывать как предельный случай, редкий со статистической точки зрения, где сопротивление обычным последствиям билингвизма более сознательно и более организованно; случай, когда говорящий билингв сознательно борется про-

⁴ Неслучайно определение понятия в словарях включает, как правило, слово «другой» (см, например, Толковый словарь русского языка [ТСРЯ 1999: 501]: «перевести – предать средствами другого языка»).

⁵ В советское время, если текст имел профессиональную специфику, например, относился к какой-либо научной области и предназначался к публикации в специализированном издании, он мог быть направлен на отзыв рецензенту – специалисту в данной области знания. Не исключено, что так происходит и сегодня, однако не этот процесс определяет общую картину.

⁶ С позиции постнеклассической эпистемологии можно говорить о неявном знании.

тив любого отклонения от лингвистической нормы, против любой интерференции...» [Мунэн 1978, эл.ресурс]. Повторим, что в случае письменного перевода помощь в такой борьбе приходила и со стороны корректоров, редакторов, рецензентов.

Еще одно важное обстоятельство, воздействующее на процесс и результат перевода – это (не)равноправный статус контактирующих языков в сознании говорящего: «Представляется, что цельность двух структур имеет больше возможностей сохраниться, когда два языка, находящиеся в контакте, являются равными или сравнимыми с точки зрения престижа, ситуация, которая не является редкой в случаях, которые мы могли бы именовать индивидуальным билингвизмом или плюралингвизмом» [Martinet 1952; цит. по: Мунэн 1978, эл. ресурс].

Изменилась и цель перевода. Как показывает анализ исследованного материала, *неинституционализированный перевод может рассматриваться сегодня во многих областях как динамический процесс «сближения», адаптации, а не перекодирования.* Именно это делает его интересным для исследования языкового сознания и динамики ассоциативно-вербальной сети.

Мы проиллюстрируем эту мысль на примере контакта языков в Москве, обратившись к фактам перевода и к фактам употребления языка т.н. наивным носителем, сравнив их в ряде случаев с языковой деятельностью тренированного сознания лингвиста-переводчика.

2. Анализ и обсуждение эмпирического материала

Англо-русский контакт языков в Москве, экспансия английского языка зафиксированы во многих исследованиях и не требуют особого обоснования. Так, Е.В. Маринова отмечает: «интернациональный характер процесса заимствования и преимущественно один его источник – американский английский; широту проникновения – затронуты все сферы и варианты языка; особую активизацию калькирования; тесное взаимодействие внутреннего и внеш-

него заимствований; заимствование слова и его производных, т.е. перенос в РЯ целых семантических групп; заимствование аббревиатур» [Маринова 2008: 3].

Отмечаются также высокий престиж и расширение сферы действия английского и снижение престижа, а также сужение сферы функционирования русского языка [Кирилина 2009 а, с]. Следовательно, обсуждаются не «отдельных дефекты» того или иного перевода, а о более глубокий и широкий процессе – изменения в функционировании языка, которые вызваны деятельностью психики «наивного переводчика/адаптора» и той информацией, которую эти изменения дают исследователю о языковом сознании.

Широкое распространение «наивного перевода» / адаптации во всех сферах повседневной (и не только) жизни позволяет получить дополнительные данные о деятельности языкового сознания.

Наш материал, собранный в период 2008 – 2011 гг. в повседневности языка (вывески, этикетки в магазинах; различная реклама, в. т.ч. – листовки, бросаемые в почтовые ящики и под.; устные объявления на объектах торговли; массовая литература и под.) позволил систематизировать закономерности этого перевода. К наиболее ярким проявлениям адаптации мы относим:

Калькирование – перенос слова в том виде, в каком оно существует в иностранном языке; графика может быть как латинской, так и кириллической:

Рид Маккой (название фильма The real McCoy).

Обезьяны ушли в саванну и стали бинедальными (Канал «Культура», фильм «Homo sapiens», 13 апреля 2010.

Особенно активно развивается синтаксическое калькирование:

«Он сделал это» (he did it) вместо более свойственных ранее языку разнообразных конструкций – получилось, забил (гол), свершилось!;

«Счастливы вместе» (название переводного сериала, которое, как представляется, ранее имело бы иную формулировку

– «Счастливое семейство» или нечто подобное) и т.д.

Этому автомобилю повезло стать банкой Heineken (телереклама, июнь 2008 г.).

Вследствие синтаксического калькирования вытесняются продуктивные безличные или неопределенно-личные конструкции, а их место занимают коммуникативно более «настойчивые», персонафицированные и индивидуализирующие призыв императивные модели во втором лице единственного числа: «Выиграй машину!», «Получи приз!», «Узнай больше!» (вместо прежнего «подробности по телефону»), «Устройся на работу в ...», «Управляй мечтой» или конструкции, в которых безличные, неопределенно-личные грамматические структуры уступают место агентивным, «Я уже знаю, как...».

Среди калек встречаем также употребление положительно коннотированного определения с существительными, которые прототипически в русском узусе определенных ранее не имели, например: «Счастливая свадьба» (название журнала; также калька) или «Вкусные подушечки» (корм для кошек).

Присоединение определения лишает имена существительные обобщающего значения, а в данном случае позволяет предположить, что свадьба может быть и несчастливой, а подушечки – невкусными. Прежний русский узус требовал, с нашей точки зрения, назвать журнал «Свадьба» или «Подготовка к свадьбе» и т.п., поскольку имплицитно подразумевается, что типичная свадьба удачна, типичная еда вкусна и т.д.

Еще одно изменение – «перетекание» к определению, выраженному именем прилагательным, функции определения в родительном падеже: ср.: *мясные кусочки* и *кусочки мяса*. Здесь вследствие калькирования меняется соотношение средств передачи вещественного состава и количества веще-

ства: *мясные кусочки* (а не *кусочки мяса*, или *мясо кусочками*, или *нарезное мясо* и т.п.) – логический акцент переносится с вещества на его форму или количество.

Все приведенные выше примеры убеждают в динамичности синтагматических связей лексических единиц⁷.

К замене уже имевшихся номинаций новыми ведет отсутствие фоновых знаний у наивных переводчиков-адаптеров:

«указатель ветра» вместо «флюгер» (этикетка в «Ашане», апрель 2011);

трусы принтованные (этикетка в «Рамсторе», осень 2008).

Вытесняются уже имеющиеся лексические единицы. Особенно это касается наименований в сфере торговли. Например, в сетевых магазинах с 2008 г. на отбивные наклеивается этикетка со словом котлета. Обновляется лексика в области строительных и отделочных материалов.

Калькирование меняет узус и семантику имеющихся языковых единиц. Так, изменяется языковая манифестация человека и его параметров, то есть базовых социальноантропологических конструктов, в частности, гендера. Под влиянием адаптации повышается частотность имен существительных с семантикой пола: мужчины и женщины (несомненная калька с men and women). Ранее в подобном контексте встретилось бы слово люди. Вследствие таких изменений слово «человек» заменяется словом с более четко выраженной принадлежностью по полу:

Вспомним теперь Аристотеля. Это был мужчина с незабываемо гибким умом. Великий грек (ЛГ№7, 18 – 24 февраля 2008).

Помимо изменения сочетаемостных норм в сторону сближения с английским языком, калькирование приводит в противоречие имеющиеся в русском языке коннотированные единицы и новые, не учитывающие столь важное явление, как коннотация, конструкции:

⁷ Сегодня есть, хотя и окказиональные, примеры изменения морфологической синтагматики: *новогодябл*

во власти качества (рекламный слоган) – (ср.: *власть тьмы*)⁸.

Под влиянием калькирования расширяется сфера употребления модальных глаголов, в том числе это объясняется неверным с точки зрения нормативных правил переводом конструкций в сослагательном наклонении с английского языка.

Происходит изменение перспективы, связанное с оппозицией *свое / чужое*, что выражается в смене точки отсчета, принимаемой за «известное», за базу сравнения. Базой сравнения становится «чужое»:

АБВГДЕйка – советская «Улица Сезам» (НТВ, программа «Русские сенсации», 28 марта 2009 г.).

Наблюдается и замена прецедентных имен:

– *Мама, смотри, Санта Клаус и Снегурочка!* (возглас ребенка в магазине, декабрь 2008).

Калькирование ведет и к таким явлениям, как «дружба» с ложными друзьями переводчика: Г. Никопорев-Токигава [2006] отмечает явление вторичного заимствования, ведущее к приобретению уже заимствованными словами новых значений, которые не развиваются в результате ассимиляции заимствованного слова, а также заимствуются. Это, например, расширение значения слова *агрессивный* и появление у него положительно коннотированного значения *дерзкий, наступательный, напористый* (Ср.: *агрессивный дизайн автомобиля*). По нашему мнению, это проявление более широкого процесса вытеснения русской лексики английской, причина которого – широко распространенное сегодня незнание понятия «ложные друзья переводчика».

Отметим и следующие явления:

– осознанные переименования, связанные с символическим капиталом (по Бурдьё), которые также способствуют распро-

странению американских наименований и вытесняют имеющиеся русские: *управление – менеджмент; уборка – клининг*. Это явление иллюстрирует тезис о роли языкового престижа.

– широчайшая экспансия английского языка в научной коммуникации:

Оно ...делает возможным количественно оценить, насколько... (фрагмент кандидатской диссертации);

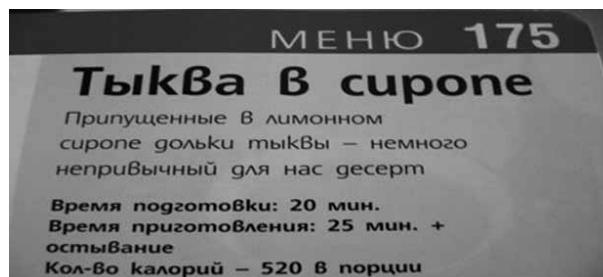
«*Предикаты с пропозициональным компонентом в современном английском языке: предетерминация структуры и семантики придаточной части*» (название кандидатской диссертации)

Интерес представляет и стремительно совершившийся синтез латиницы и кириллицы⁹: *Удовольствия only теперь и в Москве* (Реклама на перетяжках, март 2009).

Заметна и тенденция не склонять названия торговых марок, названий продукции: *Новый год с Кока-кола*. Это обнаруживает тенденцию к ослаблению семантической и логической связи между словами – нарастание явлений изоляции.

В ряде случаев синтез двух графических систем реализуется в виде использования одних и тех же знаков в типографской печати: уже есть издания, в которых для передачи кириллицы используется латинский алфавит в тех случаях, где возможны совпадения знаков. Графика остается латинской $k = \kappa, \beta = в, g = д, m = т, n = п$ (см. рисунок 1):

Рис. 1.

⁸ Примечательно высказывание одного молодого человека при виде рекламы с этим слоганом: «Они бы еще «в лапах качества» написали!»

⁹ Действительно, еще в 2008 г. расширение графических возможностей за счет «удвоения» алфавита обсуждалось как фрагментарное. Сегодня же это свершившийся факт.

Указанные явления могут встречаться в совокупности.

Синтез латиницы и кириллицы часто используется для языковой игры: *правозашитники*; *Духless*; *The телки*; *The офис* – названия книг.

Нередко синтез происходит опосредованно – в виде отклонения (в сторону транслитерации) от уже имеющихся в русском языке кодифицированных норм правописания иностранных слов: *булочка-бриош*; *Мурилло* (*Мурильо*).

Наблюдается и обратный процесс – кириллическое написание английских слов, причина которого, видимо, кроется не только в неумении перевести, невозможности перевода, престижности английского выражения или просто экономии усилий, но и в обходе закона о языке и закона о рекламе. Так, в рекламе напитка REDD'S на остановках общественного транспорта (апрель 2011) имеется перевод, который, однако, представляет собой простой перенос с латиницы на кириллицу:

– Хочешь яблоко? – Redd's me ¹ !
¹ Реддс ми

В этой связи вновь возникает вопрос о психических границах – теперь не только между языками, но и в пределах родного языка: что сегодня есть признак «русскоязычности» текста? Где границы русского языка? Со всей очевидностью, происходит их расширение / размывание в сознании носителей.

Идеал адаптации – полное отсутствие необходимости что-либо переводить. В нашем материале это выражается, помимо указанных явлений, в сужении сферы функционирования русского языка и расширении сферы функционирования английского. Отмечаются несколько «ступеней» этого процесса:

А) гибридные тексты, понимание кото-

рых (пусть и не всегда в полной мере) возможно без знания английского языка:

Афишии Black Eyed Peas

Рекламодатель: Вещательная корпорация Проф Медиа.

Брэнд: Black Eyed Peas.

Виды работ: Афишии Black Eyed Peas.

(информация на сайте рекламного агентства: http://www.brand-city.ru/folio_idP_3_idFT_12.html)

Б) гибридные тексты, понять которые может только владеющий английским языком:

Go с Visa!

Как приготовить яблочный фреш? (реклама ТВ, январь 2009 г.)¹⁰

Это просто новогодabl! (ТВ, январь 2010 г.)

В) полностью английские тексты (электронный авиабилет; распечатки анализов крови, некоторые рекламные щиты и под.; см. рис. 2).

Рис. 2

Заключение и некоторые выводы

Наблюдения над контактом языков в сознании «наивного переводчика/ адаптатора» представляют собой отражение процессов, происходящих в сознании носителей языка, дают возможность систематизировать их и сделать обоснованные выводы о функционировании языкового сознания.

В повседневности русского языка Москвы сегодня преобладает неинституциона-

¹⁰ Для этого примера у нас имеются данные о восприятии фразы четырьмя лицами, не владеющими английским языком: они ее не поняли. То же касается выражений вроде «блэкаут в Подмоскoвье».

лизированный «наивный перевод» / адаптация, который чрезвычайно расширил сферу действия и может рассматриваться как динамический процесс «сближения», а не перекодирования. Цель в этом случае (она не всегда осознается) – сглаживание различий и в идеальном варианте – полное их устранение.

«Наивный перевод» / адаптация указывает на ослабление среди лиц, не относящихся к культурным билингвам чувства различия между языками, что ведет к «сращиванию» контактирующих языков в сознании лица, осуществляющего перекодирование. В языковом сознании «наивного переводчика» четко проявляется факт неосознанного восприятия разных языков как единой сущности.

Это позволяет ввести понятие психическая граница языка, отражающее готовность/ неготовность к поддержанию и воспроизведению различий между родным языком и языком, осуществляющим экспансию. Другой стороной понятия границы являются пределы одного и того же языка, как было показано выше на примере перехода от латиницы к кириллице.

Массовый характер процесса адаптации приводит к нескольким выводам:

1. В языковом сознании наличествует стремление к экономии ментальных усилий, которые необходимы для поддержания различий между языками.

2. Процесс сближения не нейтрален и имеет явную направленность. Сам факт столь интенсивного переводческого/адаптационного процесса свидетельствует о неравноправном языковом контакте и может служить доказательством иноязычной/инокультурной экспансии, тем более что результаты наивного перевода демонстрируют вытеснение структур русского языка и укоренение иноязычных (английских) конструкций. Широкое распространение т.н. «наивного перевода» и его вектор требуют осмысления того, почему языковое сознание москвичей обнаруживает столь высокую готовность принять и воспринять «чужое». Ведь «адаптации» и переносу

подвергаются не только языковые сущности, но и иные семиотические явления (системы записи разрядов чисел; праздники и т.п.).

Представляется, что осмыслиться должны в это связи понятия языкового престижа, символического капитала, а также общая идейно-духовная атмосфера сегодняшнего дня.

3. Многие из обсуждаемых явлений обнаруживаются в сферах со значительной долей занятости слабо владеющих русским языком мигрантов, например, в торговле. С некоторой долей осторожности можно говорить и об их частичном «вкладе» в сближение двух языков. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что в повседневном пребывании в городской среде автора не оставляет чувство, что вербальная составляющая названной области создается людьми, для которых русский язык неродной, что конечно же связано с многочисленными нарушениями узуса. Если это предположение верно, то в ряде случаев мы имеем дело с контактом не двух, а большего числа языковых сознаний, что требует дальнейшего изучения.

4. Перевод-адаптация способствует изменению картины мира – согласованного определения реальности. Факт изменения языковой картины мира вследствие массового «перевода», видимо, слабо осознается «наивным» носителем языка, сознание которого со всей очевидностью стремится к использованию только одного кода.

5. Закономерности функционирования языкового сознания фиксируются в повседневном существовании языка, анализ которого, наряду с ассоциативным экспериментом, позволит обнаружить его динамику и построить прогнозы. Важным методикометодологическим моментом фиксации жизни языка становится, следовательно, мониторинг его повседневного существования.

Для объяснения специфики развития языкового контакта русского и английского языков целесообразно привлекать данные о взаимодействии русского языка и языков малочисленных народов в СССР и на постсоветском пространстве.

Список литературы

- Гриценко Е.С., Кирилина А.В.* Язык и глобализация: задачи и направления социолингвистического анализа // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия Филология, 2010.– №6.– С. 14 – 21
- Гудков Д.Б., Скороходова Е.Ю.* О русском языке и не только о нем. – М., 2010.– 206 с.
- Деягин М.Г.* Кризис человечества. Выживет и Россия в нерусской смуте. – М., 2010. – 416 с.
- Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.– 180 с.
- Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. – М., 2009.– 336 с.
- РАС – Русский ассоциативный словарь; в 6 книгах. – М., 1994 – 1998.*
- Кирилина А.В.* Русский язык в мегаполисе как индикатор изменения языковой ситуации // Русский язык в условиях культурной и языковой полифонии. Под ред. В.В.Ждановой. Verlag Otto Sagner. München – Berlin, 2009a. S.. 75 – 87.
- Кирилина А.В.* Изменение социальной базы русского языка в Москве // Общество – Язык – Культура: Актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке. Доклады Третьей международной научно-практической конференции. МИЛ, 28 ноября 2008 г. – Том 2. – М.: МИЛ, 2009b. – С. 26 – 41.
- Кирилина А.В.* Некоторые признаки проникновения английского языка в функциональное пространство русского // Современные лингвистические парадигмы: фундаментальные и прикладные аспекты. Сб научн. Статей по материалам Третьих чтений памяти О.Н. Селиверстовой (17 октября 2008 г.). – М., 2009с. – с. 92 – 109.
- Мальшиев А.Ю.* Методы и механизмы регионального регулирования трудовой миграции в России // Федеративные отношения и региональная социально-экономическая политика. 2008. N 2. С. 21 – 22.
- Маринова Е.В.* Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв: Проблемы освоения и функционирования. – Автореферат докторской диссертации, – М.2008
- Мунэн Ж.* Теоретические проблемы перевода. Перевод как языковой контакт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 36–41. Эл. Ресурс: дата доступа – 10 апреля 2010 http://sprach-insel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=89
- Никипорец-Токигава Г.* Вторичные заимствования в русском языке XXI века // Integrum: точные методы и гуманитарные науки. – М., 2006.– С. 87–106.
- Сводеш М.* Социологические заметки о языках, выходящих из употребления // Вестник молодых ученых. Серия: Филологические науки.– СПб, 2001.– №1 – С. 61–67.
- Тарасов Е.Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. Сб. статей./ Под ред. Н.В.Уфимцевой, – М., 2000.–С. 24–32
- Уфимцева Н.В.* Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование / Отв. Ред. Н.В. Уфимцева. – М., 1998.– С. 135–170.
- Уфимцева Н.В.* Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. – М., 2000.– С. 207–219.
- Уфимцева Н.В.* Ассоциативный словарь как модель языкового сознания // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты/ Под общ. Редакцией Н.В.Уфимцевой..- Москва – Барнаул, 2004.– С. 189–202
- Фомин Н.Н.* Специфика трудовой миграции в московском регионе // СОЦИСб 2010, №4.– С. 130–133.
- Blommaert Jan A.* The Sociolinguistics of Globalization.– Cambridge University Press, NY, 2010.– 230 P.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой.– 4-изд.. дополн., – М., 1999.– 944 с.*

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ

В статье дается анализ системы речевых деятельности исследователя, педагога и художника-литератора, рассматривается их общность – в установке на творческую активность, на порождение определенной речевой «продукции» (статью, книгу, занятие с учениками, литературно-художественное произведение), осуществляемой разными и, отчасти, общими методами и приемами. Значимыми факторами для этих процессов являются система ценностей и мотивов субъекта, в том числе его стремление к творческой самореализации, активные социальная, эстетическая и просветительская позиции.

Ключевые слова: речь; деятельность; творчество; сферы искусства, науки, педагогики; ценности; универсальность; личность.

Margarita L. Sosnova

UNIVERSAL SUBJECT

The article offers an analysis of speech activity of a researcher, teacher and a man of letters. The system of values and the subject's motives are viewed as essential factors of the speech activity process.

Key words: speech; activity, creativity, the arts, science, pedagogy, values, flexibility, personality

К основным причинам данного исследования и статьи относится желание автора рассмотреть по отдельности и в общей системе творческие деятельности, имеющие разные основания и традиции, проанализировать суждения и позиции некоторых философов, психологов и художников по этой теме, прояснить качества деятельности, полярно отличающихся по «удельному весу» в них рационально-интеллектуального и эмоционально-чувственного компонентов, по типам и формам общения (в рамках устной и письменной речи). Для автора важно и далее развивать начатые теоретические и методические основы формирования у ученика «обобщенного способа» (по В.В.Давыдову) профессиональной и универсальной парадигм обучения «ремеслу» и творчеству.

Первая цель данной статьи связана с исследованием порождения речи в системе научного, педагогического и художественного дискурсов, с изучением системных свойств, связей, появляющихся в результате речевой активности субъекта, реально осуществляющего эти типы общения и деятельности.

Вторая цель связана с предложением отнестись к статье как к *материалу* для других исследователей. Автор предлагает свой вариант некой творческой многосоставной реальной парадигмы, в которой есть место написанию статей и книг научного и учебно-научного жанра, проведению и созданию авторских учебных курсов, созданию литературно-художественных произведений (стихотворений, басен, эссе, пьес и пр.).

В статье используется деятельностный подход, принятый в психолингвистике, и отчасти прием интроспекции.

Мотивацией к написанию статьи стал реальный познавательный интерес автора к объединению предрасположенности к научному, педагогическому и художественному творчеству у *одного* человека, к некой универсальности, которая в социуме давно уступила свое место жесткой специализации.

Дополнительная мотивация состоит в том, что по нашему мнению, в исследовательской и образовательной среде недооценивается многоаспектный, многоцелевой, системный, развивающий подход к развитию мышления, воображения и речи учащихся.

О роли чувственного и умственного компонентов в процессе формирования знаний писал И. Кант: «*Между эстетическим и логическим совершенствами нашего знания всегда, конечно, остается противоборство, не устранимое полностью. Рассудок хочет изучать, чувственность – оживлять; первая хочет пронизательности, вторая – наглядности... Мы, насколько это возможно, должны придавать эстетическое совершенство тем знаниям, которым оно вообще может быть свойственно, и... логически совершенное знание популяризировать посредством эстетической формы*» [Кант 1997, 311-312]. Однако, по нашему мнению, у «эстетической формы» есть не только способности популяризировать уже имеющиеся знания, но и создавать новые. Для примера достаточно упомянуть воспоминание А. Эйнштейна о его полете в воображении на солнечном луче через вселенную, об образе, сыгравшем важную роль в его открытии. В истории науки подобных примеров не счесть.

И. Бродский заметил, что не язык – орудие поэта, а поэт – орудие, «средство существования» языка. Если продолжить аналогию, исследователь – «средство» добывания истинного (проверяемого, приближающегося к объективной реальности) знания, новых методов исследования, подходов, парадигм и пр. Педагог – «средство» социализации ученика, средство передачи культуры новым поколениям, средство заражения их ценностями гуманизма и культуры, медиатор, способствующий усвоению учеником навыками и умениями. Все трое сходятся в том, что объектом их воздействия является **человек**, его истинное, его должное, его духовный и материальный «космос», типическое и индивидуальное в нем; связи и конфликты «технологической» со-

ставляющей его деятельности с его наличными ценностями; сам самый сложный процесс присвоения общественно приемлемых ценностей, идеалов, идей и технологий.

Драматизм ситуации нашего времени усугубляется тем, что Россия находится на переломе эпох, цивилизационных «горячих» и вялотекущих конфликтов мирового и национального уровня. Культура, которая считается спасительной, охранительной для человека от дикости и варварства, которая способна сделать его терпимым, толерантным, разумным и стойким, сама нуждается в помощи и спасении. Задачей деятелей культуры, исследователей, педагогов-практиков является работа «на уровне искусства», т.е. создание талантливых и хорошо работающих методик по вовлечению юных в деятельность самотворчества.

В «пространстве» искусства

Если в освоении или собственном добывании научных знаний человек все более и более сближает свои представления о действительности с ней самой (что почти никогда не бывает абсолютным), то в качестве реципиента или творца художественных произведений он устанавливает особые **отношения** (по Ю.М. Лотману) с ней и по отношению к ней («Над вымыслом слезами обольюсь»). Человек не может жить не осмысливаемой жизнью, он стремится познавать других людей через себя и – наоборот, именно это ему предлагает искусство.

Одной из парадигм изучения феномена искусства является парадигма «игры как свободного действия» (Платон, Й.Хёйзинга, Г.-Г. Гадамер и др.). В теории деятельности искусство рассматривается как «*трансляция личностных смыслов*» (А.Н.Леонтьев), как обучение общению через образ и т.п. «Перемолвка», переработка, в которую вольно или невольно попадает реципиент произведения искусства, а тем более его творец, осуществляется в двух основных направлениях: во «внутреннем» и во «внешнем» для него мирах. Во-первых, он меняется сам как личность, «очеловечиваются» его способ-

ности восприятия, понимания действительности и самого себя. Через это меняется для него и окружающий его мир природы и Другого человека, социума (контекст), поскольку, «*как содержание, вкладываемое художником в произведение, представляет собой ответы на вопросы, которые ставит перед ним жизнь, так и то, что извлекает (и что не извлекает) из произведения реципиент (читатель, зритель, слушатель), также прямо обусловлено контекстом его жизни*» [Леонтьев Д.А. 2007: 423].

Реципиент и творец все более и более совершенствуются в умении ставить «*задачу на смысл*» (по А.Н.Леонтьеву), что превращается в «*задачу на жизнь*» (по Д.А. Леонтьеву) [там же: 427]. Художественная коммуникация становится потребностью и при определении внутренних и внешних обстоятельств самого реципиента развивается, придавая особое качество жизни, обогащаемой способностью «шестого чувства» (метафора Николая Гумилева). В нем повышается умение строить «смысловые обобщения» (по А.Н. Леонтьеву), «теоретические обобщения» (по В.В. Давыдову), особенно в случаях активного переноса «смысловых обобщений» и установок (по Д.Н. Узнадзе), подходов из одной сферы познания и деятельности в другую (из практики обыденной жизни в искусство, из науки в практику и пр.).

Выращенный в опытном реципиенте, а тем более в творце художественного произведения «функциональный орган» (или «шестое чувство») во многом меняет природу индивида, делает его восприимчивее, тоньше, эмпатийнее, увеличивает способности адаптации, делает в целом более стойким к жизненным неурядицам и бедам. Разумеется, если начинающего творца в исполнительских жанрах подвергают исключительно дрессировке, почти не меняя его ментальности, когда доминирует метод показа, трудно ожидать от него личностного роста. Абсолютизация техники в искусстве ни одного творца не может сделать полноценным художником. Такая

цель возможна только при условии его содержательного роста, его философского и личностного масштаба. («Влечение к философским обобщениям – одна из отчетливейших особенностей творчества гениев, как естествоиспытателей, так и художников» [Гончаренко 1991: 61], и гуманитариев-исследователей, можно добавить).

Проблема универсальности субъекта

Н.В. Гончаренко выделяет следующие «измерения универсализма гения», «теснейшим образом связанные между собой. Первое – это глубина проникновения в различные сферы деятельности и способность к различным видам творчества, дополненные широтой его кругозора и объема знаний»: «второе измерение универсализма – такое качество мировоззрения и творчества, которое характеризуется способностью уловить ритм, гармонию и дыхание мироздания, постичь часто скрытую закономерную связь причин и следствий, определить доминирующее направление и развитие науки, искусства и духовной жизни вообще и ответить на все это своим творчеством» [Гончаренко 1991: 52, 55-56]. Под «универсализмом» автор предлагает понимать не только энциклопедические познания, но и «глубину познания истины и одновременно многогранность отражения последней, раскрытие особенностей явления в его широчайших связях, в результате чего и достигается такая полнота понимания его сущности, которая приобретает общечеловеческий смысл» [там же: 56]. «Универсального человека», естественно, и гения, «привлекает не только гармония, но и дисгармония, асимметрия», у него «повышенный интерес к противоречиям, сознательный их поиск придает ту глубину и объективность его идеям, которая возвышает его над установившимися мнениями»; он умеет «схватить главное, существенное в проблеме... в отдельном элементе увидеть целое»; «умеет уловить в текущем – непреходящее, во временном – вечное, в мимолет-

ном – устойчивое, что неизменно приводит его к обнаружению закономерного, а в людях (в создаваемых им образах) – то общечеловеческое, что делает для нас его образ «знакомым незнакомцем» (Белинский)» [там же: 58, 59, 60].

О «пути в глубь явлений» как о способе постижения истины во всех ее формах говорят не только исследователи, но и современный писатель, недавно ушедший, которого еще при жизни считали классиком, – Джон Фаулз. Он считал, что очень важен **выбор объекта** исследования художника (или ученого), что «все великие ученые в каком-то смысле – художники, а все великие художники в каком-то смысле – ученые, поскольку у них одна и та же человеческая цель: приблизиться к реальности, выразить реальность, передать реальность через символ, обобщить реальность, довести реальность до сознания» [Фаулз 2008: 232]. Писатель говорит о свободе, которая «внутренне присутствует истинному искусству, как и истинной науке. И искусство, и наука по самой своей сути являются ниспровергателями тирании и догматизма, плавильщиками интеллектуального окаменения, взломиками затверделой ситуации» [там же: 239]. Он озабочен и системой образования, в которой «сосредоточивают слишком большое внимание на науке об искусстве... и слишком малое внимание уделяют личному творчеству, созданию артефактов... **Бесполезно предоставлять людям бесконечные возможности наслаждаться искусством других, если нет таких же возможностей создавать свое**» (выделено Д. Фаулзом) [там же: 238].

Об «универсалиях глубинного общения» писал Г.С. Батищев, включая в них такие «векторы-указания», как «мироутверждение», «со-причастность», «смысловую иерархичность», «доминантность на всех Других», «предваряющее утверждение достоинства каждого другого (в его инаковости), «творчество как свободный дар встречи, дар межсубъектности», «сотворчество» [Батищев 1995: 126-128]. В каждом из этих

«векторов» содержатся «гены» анализируемых в статье деятельностей (в сфере искусства, науки, преподавания-учения).

Проблема вхождения в эти сферы – занятие не простое, при этом необходим медиатор, посредник. В.П. Зинченко, к работам которого мы неоднократно обращаемся, приводит слова Р.-М. Рильке о человеке, «отесанном деятельностью». Сам Рильке пишет начинающему поэту: *«Признайтесь себе, действительно ли Вы бы умерли, если бы Вам запретили писать. Это – прежде всего: спросите себя в тишиайший час Вашей ночи: должен ли я писать? Поройтесь в себе до глубокого ответа... Если Ваш день покажется бедным, не вините его, вините себя, скажите себе, что Вы недостаточен поэт – вызвать его сокровища: ибо для творящего нет бедности, нет такого бедного безразличного места на земле... Ибо творящий должен быть для себя целым миром и все находить в себе и в природе, с которой он соединился...»* И приведем важную мысль в другом письме *«Я хочу так страстно, так нетерпеливо найти работу, рабочие будни, потому что жизнь может стать искусством, только если она станет сначала работой»* [Рильке 1971: 184-185, 217]. Поэт сотрудничал, и учился искусству у Родена, о котором написал замечательное произведение «Огюст Роден». Общась с ним, он убедился в значении **труда**, которому посвятил себя великий скульптор без остатка. Для нашей статьи понятия «труда» и «страсти» к нему очень значимы.

Искусство и наука как «функциональные органы» человека и человечества

Такие сферы, как искусство, наука, образование могут быть отнесены к «функциональным органам», которые с большим трудом вырабатывает человечество на протяжении тысячелетий. Они являют каждому из нас возможность формировать и развивать свои собственные «функциональные органы» профессионала, коммуниканта и т.д. (например, актера [Соснова 2008а], ре-

кламиста [Соснова 2009] или оратора [Соснова 2010]). Именно эти «органы» создают «виталистические порывы», имеющие **«функции формообразования и порывообразования»** [Зинченко 1997: 73]. И то, и другое возможно при сознательном вхождении в сферы искусства, науки, педагогики. «Порыв» роднит нас с эмоциями и заставляет (возможно) возвращаться к определенной деятельности, закладывая потребность, а «форма» как таковая нас приучает действовать по определенным направлениям, алгоритмам, матрицам, паттернам и пр. А состоит профессионал, владеющий ремеслом и творчески состоятельный при одном условии: если что-то он будет делать сам, все более и более самостоятельно и независимо от педагога-поводыря.

Ученик, для которого ясен СМЫСЛ его учебных действий с его целями, ценностями, и ЗНАЧЕНИЯ понимает так, как надлежит в данном контексте, поскольку *«понятие смысла выражает укорененность индивидуального сознания в бытии человека, а понятие значения – подключенность этого сознания к сознанию общественному, к культуре»* [Там же: 101]. Внешние и внутренние формы культуры тесно связаны между собой, взаимно превращаются друг в друга («превращенные формы»). Невозможно переоценить роль как одних, так и других, для жизнедеятельности человека. *«Внешние формы – действие, деятельность, поступок – порождают внутренние формы: самосознание, сознание, личность. Столь же справедливо и обратное. Внутренние формы – самосознание, сознание, личность – порождают внешние формы: деятельность, поступок, деяние»* [там же: 183]. И далее – **«сознание взрывается поступком»** [там же: 184]. При обучении творческим деятельностям литератора, исследователя, актера, режиссера, журналиста, педагога, рекламиста, менеджера, управленца, врача и т.д., сознание обучаемого должно планомерно и последовательно осваивать навыки «ремесла» профессии, а также «взрываться» творческим деянием, пусть

поначалу в каких-то фрагментах. Именно это строит творческий опыт, самосознание и направленность ученика. (Это же происходит в процессе самообразования «с помощью» – через посредство текста, картины, музыки – у какого-то великого Учителя [см. Соснова 2008, 2009]).

Говоря о подготовке поступка, В.П. Зинченко вслед за М.К.Мамардашвили пишет о «*ТОЧКЕ или МОМЕНТЕ ПОВЫШЕННОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ, в которой человек как бы отрывается от привычного течения обстоятельств и отношений к ним. В этот-то момент только и можно говорить об истинно человеческом бытии, когда с полной нагрузкой работает сознание и активизируется личность*» [Зинченко 1997, 187]. Если мы не можем напрямую повлиять на поступок нашего ученика «в жизни», то мы, если постараемся, и нам повезет с ним, его способностями и ценностями, можем помочь ему совершать «творческие поступки» в процессе обучения, в аудитории. (Могу в этом сослаться на собственный тридцати с лишним летний опыт обучению мастерству ораторской речи, театра, рекламы, педагогики, социально-культурной деятельности и т.д.). Если же знаниевая, сознательная часть совместной деятельности принадлежит почти исключительно педагогу-художнику, тогда ученик превращается в «глину», которую лепит «творец».

Для нашей статьи значима и такая мысль выдающегося психолога: «*Искусство порождает иное знание. Наука расчленяет, анатомирует, дробит мир на мелкие осколки, которые не склеиваются в целостную картину... Искусство сохраняет человеческий мир целостным*» [там же: 42]. Однако по-настоящему целостным мир становится, если у человека наращивается опыт вхождения в постепенно постигаемые и все более близкие и любимые Науку, Искусство, собственную практику осознанного Поступка (деяния).

ВСЁ, любая деятельность потенциально несет свою свободу и свои ограничения. Например, если вы с детства привыкли к

художественному творчеству, для вас авторитетным и необходимым является своеобразие, необычность, индивидуальность вашего «продукта». (Вспомним мысль А.С.Пушкина о том, что судить произведение надо по законам, самим его творцом установленным.) Спонтанность, страстность, импровизация, яркость чувственной палитры, – все это тоже качества художника и начинающего, и опытного. На определенном этапе эти качества могут пригодиться и исследователю, но наступит момент, когда понадобится точность, скрупулезность в деталях, трезвый расчет, стратегическое и тактическое планирование и пр. Если вы романист или драматург, вам эти качества тоже подойдут, но внутренняя форма их и проявления будут иными.

В пространстве МЕЖДУ (по М.Буберу и В.П.Зинченко)

На «нейтральной полосе» между наукой и искусством растут «цветы необычайной красоты» (В. Высоцкий) в том смысле, что благодаря этим «гибридам» окружающие (ученики и не только) могут стряхнуть с себя часть штампов, стереотипов, блокирующих творческое начало в них. В качестве собственных орудий саморазвития, а затем и развития других, они приобретают новое отношение и применения слова, знака, образа, мифа (по В.П. Зинченко и др.), что становится их посредниками, помощниками в необъятном мире культуры и природы. Художественное произведение также «взрывает» внутреннее культурное пространство более или менее подготовленного субъекта, поскольку этому способствуют многочисленные «психологические средства», такие, как «тематика», «хроника», «метафорика», «хронотопика», «семантика», «символика», «архетипика», «архитектоника» [Леонтьев Д.А. 2007]. Разумеется, главный эффект от произведения мы получаем благодаря целостности восприятия, но это происходит ярче тогда, когда, с одной стороны, в нем все названные параметры «сработаны» глубоко, ярко и своеобразно, а с другой наше

«духовное оборудование» позволяет чувствовать и понимать произведение на близкой к автору волне, в общем эмоционально-интеллектуальном резонансе.

В рамках философской парадигмы А.К. Маркова в своей работе анализирует творчество произведений в науке и искусстве, через проблему их истоков и начал, опираясь на широкий круг авторов (Т. Куна, Ж. Делеза, Х. Патнэма, Р. Рорти, В.С. Библера, В.В. Кандинского и др.): *«Для В.С.Библера и наука, и искусство в XX веке в равной степени могут (и должны) быть поняты как элементы культуры, что означает для него **сближение** этих двух столь различных с позиций Нового времени сфер человеческой деятельности»*. Библер пишет о **«самодетерминации и диалогических отношениях»** как *«характеристиках... особенностях, индивидуальности, уникальности, свойственных **произведению**, будь то произведение искусства или произведение – результат научной деятельности... Феномен культуры (произведение искусства, результат научного творчества, культура определенного исторического периода, нравственные принципы, человеческая личность... – понимаемые именно как культура)... самобытен, уникален, обязан своими свойствами самому себе, самодостаточен»* [Маркова 2008: 247-248]. Важно изучать любой феномен со всех сторон и, *«чтобы понять феномен как особенный, уникальный, необходимо наличие **другого**, от которого он отличается»*. И далее автор приводит мысль Ж.Делеза о том, что *«и наука, и искусство возникают из хаоса принципиально разными способами, что и лежит в основании их различия друг от друга. Актуализированные в действительность наука и искусство остаются различными, и никакое их взаимодействие, никакая форма этого взаимодействия не может изменить их природу»* [там же: 251]. Ученый использует иной инструментарий, нежели художник, хотя обоих их роднит феномен **творческого процесса** с его напряженной работой, поиском, редкими открытиями, сложностями

перевода своих интенций в идеи и образы для Другого, с тоской и драмой их распространения и сомнениями на счет их значимости.... Но вся целостная система дает возможность человеку, который является и ученым, и художником, использовать арсенал обеих сфер для создания определенного «продукта», как это делал Леонардо да Винчи, в своих картинах, изобретениях, рисунках, баснях, схемах-классификациях, заметках на близкие ему (и нам) темы.

И здесь уместно вспомнить о «взаимоотношениях» мышления и бытия, об их сложных взаимопроникновениях и влияниях. Обратимся к философской рефлексии на эту тему: *«Тождество мышления и бытия рассматривается как вызывающе парадоксальный тезис, несовместимый со здравым смыслом... Тождество мышления и бытия встает как проблема соответствия способа существования в мире, его образа жизни «образу жизни» самого этого мира. Осмысленное существование в отличие от бессмысленного, скотского, предполагает разум и волю, активное построение стратегии жизни, цели, ценности. Соответствует ли мой образ жизни моему разуму? Соответствует ли мой разум универсальной закономерности этого мира? (...) Согласуется ли желаемое с сущим, мое «хочу» с «могу»? «Живи так, как мыслишь» – вот первая заповедь античной мудрости. «Мысли так, как действует Космос» – вот вторая заповедь античной мудрости. Человек может действовать в соответствии в универсальной, вселенской закономерностью, «Логосу внимая» (как говорит Гераклит), но может действовать и вопреки ей, следуя индивидуальным иллюзиям и капризам... Таким образом, в поведении человека просматривается два ряда законов. Первый – это целесообразное поведение, соотносящее действие человека с целями, полагаемыми мыслью. Вторым – целесообразное поведение, согласующее сами эти цели с универсальным целым, с его законами. Во втором случае мы имеем дело с тождеством мышления и бытия, ибо законы целеполагающей мысли*

и есть законы универсального целого, бытия» [Науменко 2005: 142]. Именно стремление к *«целосообразному поведению»* (плюс, естественно, чувствование, переживание) заставляет автора этой статьи прибегать к исследованию и написанию научной работы, учебно-научного пособия или – к написанию пьесы, стихотворения, басни. Оно же порождает минуты вдохновения за письменным столом или в учебной аудитории, если он видит понимание и интерес у настоящего, а не формального ученика. «Пространств», контексты этих творческих процессов и «продуктов» имеют свой ракурс рассмотрения иногда одного объекта (но *разных предметов* в нем в рамках научного или художественного исследования, учебной лекции или семинара), свои цели, своего адресата, свои средства и методы, свои эмоциональные и интеллектуальные состояния. Мной руководит желание «разбудить» ученика (или читателя) для осмысленной жизни, и делаю это я всеми доступными способами.

Ценностное ориентирование в педагогическом, научном и художественном процессах

Педагогическая деятельность своей важнейшей составляющей включает так называемое «ценностное ориентирование» ученика. Результат ослабления воспитательного компонента в постперестроечный период ощущает наше общество крайне болезненно, если не сказать трагически. Р.П. Шульга рассматривает *«ценностное ориентирование как воздействие на важнейшие элементы личностной структуры, определяющие направленность деятельности человека»* [Шульга 1989: 28]. Л.Н.Толстой сетовал на то, что детей не учат главной науке – *«науке – жить»*, Дж.Фаулз пишет о том, что *«хороший учитель никогда не ограничивается преподаванием только своего предмета»* [Фаулз 2008: 224]. Много говорится и пишется о личностно-ориентированном преподавании, но реализация такого процесса возможна только при широком дея-

тельностью контакте ученика с преподавателем, в их самостоятельном и совместном творчестве, при условии человеческой и профессиональной открытости.

Одним из тех, кто долгие годы пытался всестороннее воздействовать на нашу систему образования, был В.В. Давыдов, смотревший на *«деятельность как на открытую, становящуюся, самодетерминированную целостность, которая своими внутренними противоречиями сообщает импульс развития всему субъективному миру человека»*. *«Школа Давыдова»... определяет специфический вектор становления растущей детской и зрелой взрослой личности: движение к вершинной полноте человеческого бытия через «самонесовпадение», саморазвитие, самостроительство, самопреображение»* [Кудрявцев, Уразалиева 2005: 46, 59]. Воспитывать в ученике познавательные потребности, вооружать его стремлением к формированию **«общего способа действий»** для решения насущной задачи, развивать его умение видеть сущностные связи в предмете, – это и многое другое далеко не всегда становится приоритетными целями обучения. Чаше, как писал Г. Гессе, ставятся цели *«поскорее и поосновательнее натаскать студента для какой-нибудь насущной профессии и убить в нем всякое представление о свободе и универсальности»* [Гессе 1984: 284]. (Если бы, действительно, – «поосновательнее»!) Как всем нам не хватает той мудрой «веселости», царившей в Кастилии и, которая есть *«высшее знание и любовь, есть приятие всей действительности, бодрствование на краю всех пропастей и бездн, есть доблесть святых и рыцарей... есть тайна прекрасного и истинная суть всякого искусства»* [там же: 298]. **«Глаголом жечь сердца людей»** особенно необходимо в школьной и вузовской аудитории, поскольку именно в детстве и юности возможна закладка основ человеческой личности, а роль яркого слова в этом процессе невозможно переоценить

«Работа со словом», порождающим поэтическое, творческое начало в человеке,

в частности, «работа с метафорой», далеко не всегда является достаточной и эффективной в педагогическом процессе. Чаще всего в рамках дисциплин языкового цикла учащиеся знакомятся с определением этого понятия и с имеющимися в литературе примерами. Реального погружения в стихию метафоры, которое может быть осуществлено только при собственном творчестве, не достаточно, ведь даже в школьных сочинениях осуществляется почти исключительно литературоведческий подход, а не художественно-литературный. Но ведь *«являясь моделирующей идеей, метафора нацеливает учащегося на восприятие целостности. Две разнородные сферы трансформируются в компоненты нового, систематизированного, целостного значения. Метафоры – это не иллюстрации эмпирических фактов, а скорее визуальные образы отвлеченных, теоретических связей, и, следовательно, отражения. Служа посредниками между объектом и субъектом, метафоры связывают также эмоции и познание, видение и суждение, инсайт и интуицию»* [Fichner 1999: 323, – Цитир по Д. Роббинс, 2005: 122]. Метафора, рождаемая учащимся сначала в репродуктивном, подражательном варианте, а потом и самостоятельно, совершает важную революцию в его сознании. Она приучает его к восприятию прекрасной сложности мира, человека, слова, искусства.

Поэзия (в широком и в узком смысле этого понятия) в человеке выражает его целостность, знакомит его с самим собой, застаёт его в новом для него моменте его внешней и внутренней жизни. Поэзия, творчество строит «мосты» к Другому, пытается его предостеречь от ошибок, делая это либо через «лирическое Я» либо через персонажей в пьесах, рассказах, баснях и пр. «Искусство в нем» ставит его в ряд тех, кто совершенствует свою мысль и особую, специальную, претендующую на образность и художественность, речь. «Остановленное мгновение» первого варианта произведения и ему тоже дает материал для его дальнейшей обработки с ориентировкой на идеал.

На этом пути открывается все новое и новое в мысли и в языке, осуществляется «единственно возможный» вариант выражения конкретного мысле-образа. «Искусство в нем» (и – во мне) ведет летопись душевной и духовной биографии, заставляет докапываться до глубин, фиксирует новое (событие, оценку, мысль), заставляет сформировать сегодняшнее видение прошлого во мне и в окружающем меня мире.

Иосиф Бродский считал, что писать необходимо, поскольку это является «катализатором роста личности». Как преподавателю мне очень заметно, что «пишущие студенты», ведущие дневник, создающие стихи, рассказы, сказки и пр., отличаются интересом к жизни, к своему становлению, к другим людям, к профессиональному росту. Именно они создают и интеллект-карты (по Т. Бьюзену), откликаются на задания в различных видах творчества. Они представляют собой более открытые, по сравнению с остальными, «системы», в них выше потенциал доверия, креативности, упорства, трудолюбия и пр. (Вполне возможно, что более закрытые студенты, возможно, сумели бы открыться при иных методах и способах педагогического влияния, с иными качествами личности педагога). Учащиеся всех речевых дисциплин должны получить возможность собственного языкового, речевого творчества, поскольку их новая речевая способность сможет стать для них «лекарством», «преобразователем «сора» (по А. Ахматовой) во что-то лучшее (эффект сублимации), «внутренним советчиком, другом», «каналом связи с миром», «субкультурным переводчиком», «языковым изобретателем, шутником» и т.д.

У М.К. Мамардашвили (и не только у него) есть идея о том, что язык не только связывает, открывает, но и перекрывает, ограничивает мысль философа, художника. Это же руководило и Г. Гачевым, М. Хайдеггером и другими в их поисках нового выражения новой мысли, когда они создавали свои слова и словосочетания. Важно помнить, что наряду с ценностями националь-

ного языка, который, конечно, нельзя бездумно коверкать и портить, есть и ценности **новой мысли и нового образа**, которые тоже имеют право на существование при условии ответственной речевой деятельности их создателя. Кстати, и речевая игра, будучи, как будто, «безответственной», например, среди членов семьи, друзей или коллег, может способствовать их сближению, наведению необходимого контакта, улучшению атмосферы и пр. Адекватность ситуации и приоритет целей субъекта – вот закон, которому следуют талантливые коммуниканты. Д. Фаулз, предложивший некоторые необычные слова в своем философском произведении, например, «*никтожество*», подтверждает свою же идею о том, что «*наилучший метод – это наиболее результативный в данной конкретной ситуации метод, а не самый эффективный в теории*» [Фаулз 2008: 225]. Так создается и функционирует ЖИВОЕ мышление, живое сознание и живая речь в отличие от формальных, догматичных, окостеневших.

Открытость и проблемность образования и самообразования

Необходимость проблематизации учебного процесса, на первый взгляд, давно и глубоко осознается исследовательским и педагогическим сообществом на практике. Однако более пристальный взгляд и наблюдения говорят о том, что это не так. Настоящая проблемность требует от педагога умения создавать и участвовать в Диалоге с учениками, входить порой в столкновение мнений, требует выдержки и творческой щедрости, необъятного терпения.

Сознание и жизненное проживание человека взаимосвязаны. Жизнь человека самоценна, что не часто и далеко не всеми, в частности, педагогами понимается и разделяется в нашем обществе, в котором цена человеческой жизни доводилась до цены «щепки», летящей во время «рубки леса». Нельзя не согласиться с О.В. Долженко с его мыслью о том, что «*образование (и самообразование – М.С.) приобретает смысл*

и значение лишь через призму этой самоценности, взятой вне всякой связи с утилитарно понимаемой пользой. Образование связано со становлением и жизнью человека для него самого, и в этом его высшая ценность» [Долженко 1995: 65].

Исследование, «наука», удовлетворяют мой, «мыслящего субъекта» (надеюсь, и моих учеников, коллег и читателей), познавательный интерес, реализуют любознательность, дают возможность напряженной работы интеллекта, тешат надеждой, что удастся сказать нечто новое о предмете исследования, объединяет с людьми Разума, с уникальной, умной человеческой традицией. А эмоционально-образное, «искусство», вовлекает меня в иные сферы, объединяет все во мне, мое настоящее, прошлое и будущее в нечто единое, целостное. Художественные деятельности литератора, актрисы, чтеца-исполнителя, режиссера своеобразно используют и «научный инструментарий», хотя осознанно (но не всегда и не полностью) «продукция» и получается различной.

Разумеется, внутри мне далеко не все видно, что происходит в моем «плавильном» творческом «котле». Важно лишь сказать о том, что я считаю напрасным избегать открытости и искренности в сообщениях ученикам, коллегам-педагогам, читателям и исследователям о своих находках. Расширение диапазона внутренних и внешних ролей, накопление их методов, переносы из одной в другую подходов и решений, перевоплощение и вдохновение, – все это не может не обогатить самые разные речевые ситуации, разные деятельности, людей, а значит, и общество в целом.

Вслед за В.П. Зинченко, мне хочется вспомнить грустные и одновременно оптимистичные строки И. Бродского:

**«От всего человека вам
Останется часть речи».**

Наша речь – дома, в аудитории, на улице, в книге или статье, в стихотворении или рассказе – это часть нас самих. Если у

нас есть достаточный опыт, мы обязаны ему придать КУЛЬТУРНУЮ ФОРМУ, и чем разнообразнее она и талантливее, тем лучше.

Несколько лет назад я вдруг стала писать «странные» произведения наряду с «нормальными»: например, среди «нормальных» стихов и басен, у меня появились «образовательные», «научно-просветительские» стихотворные произведения. На самом деле ничего странного нет, в античности, например, так называемая «дидактическая поэзия» была очень распространена. Очень хорошо известно «Поэтическое искусство» Буало и др. Сегодня эта традиция почти утеряна, но, видимо, стоит возобновить.

Размышления вместо выводов

Как говорили многие великие люди, в частности Леонардо да Винчи, «ВСЁ СВЯЗАНО СО ВСЕМ». Жизнедеятельность

субъекта, весь его прямой и косвенный (от других людей и произведений) опыт, его пристрастия, образование и самообразование, его уровни и виды, жанры общений, – всё взаимно отражается – одно в другом. Все отражения так или иначе влияют на сознание и жизнь других людей, с кем он входит в контакт.

«Функциональные органы» человечества, выраженные в искусстве и науке как в уникальных сферах человеческого гения, истинно человеческих способностей, нуждаются в талантливых посредниках (родителях, педагогах, просветителях-журналистах и пр.) для передачи их подходов, ценностей и методов новым поколениям людей. Следовательно, нужно и самим посредникам расширять по возможности свой творческий репертуар деятельностей, постигать и совершенствовать ремесло, обнаруживать секреты мастерства и искусства разных «высоких» сфер.

Список литературы

- Батищев Г.С.* Особенности культуры глубинного общения // Вопросы философии. 1995, № 3.
- Бибихин В.В.* Внутренняя форма слова. – СПб.: Наука, 2008. – 420 с.
- Гессе Г.* Игра в бисер // Избранное. Сборник. Пер с нем. / Составл. и предисл. Н.Павловой. – М.: Радуга, 1984, с. 77–472.
- Гончаренко Н.В.* Гений в искусстве и науке. – М.: Искусство, 1991. – 432 с.
- Давыдов В.В.* Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального психологического исследования. – М.: 1986. – 240 с.
- Давыдов В.В.* Теория развивающего обучения. – М.: ИНТОР, 1996. – 544 с.
- Долженко О.В.* Очерки по философии образования. Учебное пособие. – М.: Промо-Медиа, 1995. – 240 с.
- Зинченко В.П.* Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началу органической психологии. – М.: Новая школа, 1997. – 336 с.
- Ильин В.В., Калинин А.Т.* Природа науки. Гносеологический анализ. – М.: «Высшая школа», 1985. – 230 с.
- Кант И.* Логика. Пособие к лекциям // Логика и риторика. Хрестоматия. Перев. с нем. / Сост. В.Ф.Берков, Я.С.Яскевич. – Мн.: НТООО «Тетра Системс», 1997. – С. 286–409.
- Кудрявцев В.Т., Уразалиева Г.К.* В.В.Давыдов: творение «нового всеобщего» // Вопросы философии. 2005, № 9. – с. 45 – 60.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – 3-е изд., доп. – М.: Смысл, 2007. – 511 с.

Маркова Л.А. Человек и мир в науке и искусстве / Л.А.Маркова. – М: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2008. – 384 с.

Науменко Л.К. Эвальд Ильенков и мировая философия // Вопросы философии. 2005, № 5. С. 132 -144.

Рильке Р.-М. Письма. Пер. с немец. М.Цветаевой // Ворпсведе, Огюст Роден, Письма, Стихи. Перевод с немец. – М.: Издательство «Искусство», 1971. – с.167 - 311.

Рубинштейн С.Л. Эмоции // Психология эмоций. Тексты. / Под ред. В.К.Вилюнаса, Ю.Б.Гиппенрейтер. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. с. 152 – 161.

Соснова М.Л. Искусство актера: Учебное пособие для вузов. – 3-е изд. – М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2008а. - 432 с.

Соснова М.Л. Креативные приемы конструирования сознания // Вопросы психолингвистики. 2008б, № 7. - с. 26 -36.

Соснова М.Л. Технологии креативных решений (в рекламе и не только). –Калуга, 2009. – 218 с.

Соснова М.Л. Тренинг коммуникативного мастерства: Учебно-практическое пособие. – М.: Академический проект, 2010. – 265 с.

Тимофеев Л.И. Слово в стихе. – М.: Советский писатель, 1982. – 343 с.

Фаулз Дж. Аристос / Джон Фаулз; пер. с англ. И.Бессмертной. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 347 с.

Шульга Р.П. Искусство и ценностные ориентации личности / АН УССР. Ин-т философии. – Киев: Наук. Думка, 1989. – 120 с.

Fichtner B. Metaphor and learning activity // Engstrom Y., Miettinen R., Punamaki R.L. Perspectives on activity theory. Cambridg, England: Cambridg University Press, 1999.

О ПОЗИТИВНОМ МЫШЛЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АНГЛОСАКСОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕГО ОТРАЖЕНИИ В ЯЗЫКЕ И КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматривается понятие позитивное мышление (*positive thinking*) и приводятся факты его отражения в сознании представителей англосаксонской культуры, в их коммуникативном поведении, а также в лексико-фразеологической системе английского языка. Цель статьи – показать, что позитивность является одной из ценностей англосаксонской культуры и в очередной раз продемонстрировать системный характер культуры и взаимосвязь культуры, сознания, языка и коммуникации. Признавая тот факт, что английский язык существует в различных вариантах, мы, вслед за А. Вежбицкой (Wierzbicka 2006), будем понимать под ним Anglo English, объединяющий основные варианты английского языка и являющийся частью Anglo culture, для обозначения которой в данной статье мы используем термин англосаксонская культура.

Ключевые слова: позитивное мышление, менталитет, культурные ценности, коммуникативные ценности, коммуникативное поведение, стратегии вежливости, стиль коммуникации.

Tatiana V. Larina, Vladimir I. Ozyumenko, Dilbar G. Ishankulova

POSITIVE THINKING OF THE PEOPLE OF ANGLO CULTURE AND ITS REFLECTION IN LANGUAGE AND COMMUNICATION

The present paper deals with the notion of *positive thinking* (Peale 1952) and analyses some facts of its manifestation in English vocabulary, phraseology, grammar and communication, both verbal and nonverbal. The paper argues that positive thinking is one of the values of Anglo culture which yet again confirms the systematic nature of culture and the interdependence between cognition, language and communication. In view of the fact that the English language exists in its variations, we consider Anglo English (Anna Wierzbicka, 2006), which includes 'inner circle' variations of the English language and which is an essential part of Anglo culture, which we translate into Russian as Anglo-Saxon culture in order to avoid confusion in its interpretation.

Key words: positive thinking, mentality, communicative values, communicative behavior, politeness strategies, communicative style.

Позитивное мышление (*positive thinking*) – одна из важнейших особенностей менталитета представителей англосаксонской культуры, в первую очередь американцев, предполагающая позитивный, оптимистичный взгляд на жизнь и доброжелательное отношение к окружающим. Как отмечает Линн Виссон [Виссон 2003: 30], одним из первых на данную особенность американцев обратил внимание протестантский священник Норман Винсент Пил, книга которого *The Power of Positive Thinking* («Сила позитивного мышления»), впервые изданная в 1952 году, стала бестселлером, а ее название – крылатой фразой. Согласно автору этой книги, в американцев с раннего детства закладывается вера в силу позитивного мышления, в то, что все образуется (*Everything will work out*) и все будет хорошо (*Everything is going to be all right*). Позитивное мышление не было изобретением протестантского пастора, он только увидел и правильно назвал то, что прочно сидит в подсознании американцев, привыкших в любых обстоятельствах демонстрировать хорошее расположение духа, то есть мыслить позитивно [Виссон 2003: 31]. ‘*Think positive and everything will work out*’ (Думай позитивно и все образуется), ‘*Stay positive*’ (Оставайся позитивным), ‘*Hope for the best*’ (Надейся на лучшее) – вот жизненные девизы американцев.

Данная ментальная установка находит отражение в голливудских фильмах с их счастливым концом (*happy end*), в литературе, в повседневной жизни. Она находит отклик в умах представителей других культур и в последнее время широко пропагандируется. Так, в Интернете есть сайт <http://www.affirmationsforpositivethinking.com>, на котором даются советы о том, как развивать позитивное мышление и как распространять позитивную энергию. В опубликованной на нем статье «The

power of positive thinking and how to get affirmations to work for you» (Сила позитивного мышления и как его заставить работать на вас) автор (Karim Hajee) подробно останавливается на том, что такое позитивное мышление и кто такой позитивно мыслящий человек. В обобщенном виде основные постулаты можно сформулировать следующим образом: «Если у вас позитивное мышление, вы всегда находите ответы на самые сложные вопросы. Тот, у кого позитивное мышление, думает позитивно и всегда ориентирован на успех, счастливое разрешение любой проблемы, благоприятный исход в любой ситуации. Если человек ориентирован на позитив, его разум находит правильное решение и подсказывает путь к достижению позитивного результата. Такой человек распространяет позитивную энергию и притягивает к себе таких же позитивно настроенных людей, что и ведет его к успеху».

Мыслить позитивно призывают многие известные люди. Американский писатель Н. Jackson Brown Jr., прославившийся книгой *Life's Little Instruction Book* (1991), пишет: “*Your mind can only hold one thought at a time, make it positive and constructive one*” (Одновременно вы можете держать в голове только одну мысль, пусть она будет позитивной и конструктивной).

У. Черчилль называл себя оптимистом: ‘*For myself I am an optimist – it does not seem to be much use being anything else*’ (Для себя я – оптимист. Быть кем-то другим просто не имеет смысла). Еще он говорил: ‘*A pessimist sees the difficulty in every opportunity; an optimist sees the opportunity in every difficulty*’ (Пессимист видит трудность в каждой возможности; оптимист видит возможность в каждой трудности).

Аналогичную мысль высказывали и другие английские и американские деятели (см. <http://www.quotationspage.com/>):

“*When you have seven percent unemployed, you have ninety-three percent working* (John A. Kennedy) – Когда у вас семь процентов безработных, девяносто три процента имеют работу (Дж. Кеннеди).

“*Once you replace negative thoughts with positive ones, you'll start having positive results*” (Willie Nelson) – Как только вы замените негативные мысли позитивными, вы начнете получать позитивные результаты (Вилли Нельсон, американский певец).

Элен Келлер, американская писательница и активный политический деятель, призывала: “*Keep your face to the sunshine and you never see the shadow*” – Поверни голову к солнцу – и ты никогда не увидишь тени. Глубина этих слов, как и сила духа их автора, становятся особенно поразительными, если учесть, что сама Элен Келлер с полутора лет была слепой.

Как отмечает О.А. Леонтович, американцы считаются «неисправимыми оптимистами», верят в способность личности «ковать свою судьбу», изо всех сил стараются быть счастливыми и рассматривают счастье как императив... В США быть несчастным неестественно, ненормально и неприлично – при любых обстоятельствах надо сохранять видимость успеха, процветания, благополучия и улыбаться» [Леонтович 2003: 215].

Этой жизненной позиции учат английские пословицы и поговорки, что не случайно, поскольку пословичная картина мира является фрагментом языковой картины, причем, как подчеркивают исследователи, фрагментом, связанным с той частью национальной концептосферы, которая представляет базовые культурные ценности [Алефиренко, Семененко 2010: 312]. Не зря их называют «компактной монографией по культурным ценностям» [Samovar, Porter & Stefani 1998: 39], «автобиографией народа», «зеркалом культу-

ры» [Dundes 1980]. В ценностной картине мира, как отмечает В.И. Карасик, существуют наиболее значимые для данной культуры смыслы, *культурные доминанты*, «совокупность которых образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [Карасик 2002: 169]. Позитивность можно отнести к одной из таких культурных доминант.

Пословицы, представляющие собой когнитивные языковые знаки, в которых фиксируется «знание стереотипов поведения, норм морали» [Иванова 2002: 141], являются одним из средств объективизации данной культурной ценности. Сравните, например:

If you cannot have the best, make the best of what you have (Если нет ничего лучшего, используй наилучшим образом то, что имеешь).

It's a great life if you don't weaken (Для того жизнь прекрасна, кто не падает духом).

While there is life there is hope (Пока есть жизнь – есть надежда).

Fortune favours the brave (Удачу получит храбрый).

It is no good crying over spilt milk или There is no use crying over spilt milk (О пролитом молоке не плачут, в русском языке – Слезам горю не поможешь).

Как нельзя лучше позитивное мышление представителей англосаксонской культуры отражается в пословице *Every cloud has a silver lining* (букв.: У каждого облака есть светлая сторона). Перефразируя ее, Т. Вора раскрывает суть позитивного мышления следующим образом: «Positive thinking is about seeing the silver lining behind the every dark and gloomy cloud» (Думать позитивно – это видеть светлую сторону у каждого темного и мрачного облака) (<http://www.tigweb.org/youth-media/panorama/article.html?ContentID=4078>).

Позитивность объективируется в лексике английского языка, пре-

жде всего в самом слове *positive* и его производных. Прилагательное *positive* многозначно. Одно из его значений – ‘believing that good things will happen or that a situation will get better’ (букв.: верящий в хорошее, в то, что ситуация улучшится): *You have every reason to be positive about the future / Try to think positive thoughts* (MED). В данном значении *positive* является синонимом прилагательного *optimistic* (оптимистичный), о чем свидетельствуют следующие словарные дефиниции: ‘showing confidence and hope’ (демонстрирующий уверенность и надежду) (LDELС); ‘marked by optimism’ (отмеченный оптимизмом) (MWALD), ‘thinking about the good qualities of someone or something: thinking that a good result will happen: hopeful or optimistic’ (думающий о хороших качествах чего-л., кого-л., о хороших результатах; имеющий надежду, оптимистичный): *You've got to have a positive attitude/outlook to do well in life. / You should try to be more positive about the whole situation. / On the positive side, you will be making more money. / To end on a positive note, we are seeing an increase in sales this month* (MWALD).

Существительное *positive* имеет значение ‘a good aspect of something’ (хорошая сторона чего-л.). Наречие *positively* также содержит сему оптимизма и означает ‘in a way that is likely to have good results’: *We need to approach this problem positively*. В русском языке ему трудно подобрать однозначный эквивалент. Словосочетание *to think positively* (думать позитивно) означает «верить в хорошее, в то, что ситуация улучшится» (‘to believe that good things will happen or that a situation will improve’) (MED): *I want people to know how I survived as an objective lesson to other people that they can get through it. I never gave up; it was positive thinking and I never lost my enthusiasm* (BNC).

Для выражения оптимистично-

го взгляда на жизнь в английском языке существуют также выражения *to be disposed to look on the bright side, to be sanguine about smth.* – быть «оптимистически настроенным по отношению к чему-л., ожидать лучшего» (be quite hopeful, expecting the best) (LDELС), *sanguine view* – жизнерадостный, оптимистический взгляд; *sanguine hopes* – радужные надежды. Позитивный, приподнятый настрой передается выражением *to be enthusiastic about smth.*, которое не имеет точного эквивалента в русском языке (быть полным энтузиазма, энергии; быть в восторге от чего-л., кого-л.): *They were fairly enthusiastic when they started off. / The response was enthusiastic* (BNC). Для характеристики жизнерадостного и оптимистичного человека используется слово *Pollyanna* – имя героини одноименной повести Элеаноры Портер (1913), которая постоянно верила в то, что должно произойти что-то хорошее. Существует также прилагательное *Panglossian*, означающее «чрезмерно оптимистичный», выражение *to take a Panglossian view* означает «смотреть радужно (на что-л.), видеть, представлять себе (что-л.) в радужном свете» (это прилагательное произошло от имени одного из героев Вольтера по имени Pangloss, который был носителем позитивной идеи).

Позитивный жизненный настрой представителей англосаксонской культуры ярко проявляется в их коммуникативном поведении и может быть назван среди важнейших коммуникативных ценностей, являющихся регуляторами общепринятого коммуникативного поведения, характерного для членов определенного этнокультурного социума. Данная ценность декларируется в поговорке *Laugh and the world laughs with you: weep and you weep alone* (Смейся – и весь мир будет смеяться с тобой, плачь – и ты будешь плакать один). Тот факт, что в процессе общения представители

англосаксонской культуры демонстрируют хорошее настроение и оптимизм, не является случайным. Как известно, *be optimistic* (будьте оптимистом) – одна из важнейших стратегий английской вежливости, названных П. Браун и С. Левинсоном в их хрестоматийной монографии [Brown, Levinson 1987]. Английская вежливость предписывает демонстрировать хорошее настроение, оптимизм, бодрость духа независимо от внутреннего состояния человека, т.е. *keep smiling* в любой ситуации.

Неизменная улыбка, которую англичане и, в еще больше степени, американцы посылают всем окружающим, несмотря на то, как они к ним относятся и что при этом чувствуют, является проявлением данной стратегии на невербальном уровне. На ее социальный, эмотивный характер неоднократно указывалось исследователями [Тер-Минасова 2000; Стернин, Стернина 2001; Стернин, Ларина, Стернина 2003; Виссон 2003; Ларина 2003, 2006, 2009; Леонтович 2003 и др.], и мы не будем здесь подробно на этом останавливаться. Отметим лишь, что в англосаксонском мире (в некоторой степени во всех западных культурах) улыбка является обязательным коммуникативным сигналом, который выполняет социальную функцию, или функцию общественного взаимодействия. Данная коммуникативная особенность также находит отражение во фразеологии – *A smile opens many doors* (Улыбка открывает многие двери) / *You are not fully dressed until you wear a smile* (Вы полностью не одеты, пока не надели улыбку). Интересным примером, объективирующим эту коммуникативную норму, являются также выражение *to smile away vexation (grief), to force a smile*. Фраза *She forced a polite smile* (букв.: Она заставила себя вежливо улыбнуться, выдавила из себя вежливую улыбку) приведена в словаре MED как иллюстрация вежливого поведения.

Для описания человека, демонстрирующего приподнятое настроение, в английском словаре существуют многочисленные идиоматические выражения. Вот некоторые примеры:

be all smiles – казаться счастливым и дружелюбным ('to seem very happy or friendly');

be of good cheer – быть веселым, жизнерадостным, полным жизни, неунывающим;

be in fine feather или be on the high ropes – быть в приподнятом настроении;

be sunny side up – быть веселым, жизнерадостным;

be in a fat city – (амер. студ. жарг.) быть в отличном настроении;

feel like a million dollars – чувствовать себя здоровым и счастливым.

Выделяется представительная группа сравнительных оборотов со значением «быть веселым, жизнерадостным, счастливым, полным жизни»: *be (as) cheerful (gay) as a lark / bright as a button / jolly as a sandboy / merry as a cricket / merry as a marriage-bell* или *as the maids, a также be (as) chirpy (lively) as a cricket*. Среди них – ряд синонимических оборотов с прилагательным *happy*: *to be happy as a clam / happy as a lark / happy as a sandboy / happy as a Larry / happy as a king / (as) happy as a possum up a gum-tree*.

В английском языке существует большое количество идиоматических выражений со значением «не падать духом, не унывать, стойко переносить невзгоды», многие из которых употребляются для подбадривания: *Cheer up! Chin up!* – «не падай(те) духом, не унывай(те); выше голову!; выше нос!». Последнее происходит от выражения *keep one's chin up* – «не падать духом, крепиться, не унывать, не вешать носа, держаться молодцом»: *Come on! Chin up! We've survived a lot worse than this* (MED); *take smth. (right) on the chin* – «стойко переносить жизненные невзго-

ды, не унывать, не падать духом»; *come up smiling* – «не падать духом, не унывать, стойко переносить невзгоды», также *keep smiling, keep a good heart, keep up heart; hang it there* (амер. разг.) – «не падать духом, держаться твердо, стойко, не отступать, стоять на своем».

Отдельно следует остановиться на выражениях *stiff upper lip, to carry a stiff upper lip, to keep a stiff upper lip*. Часто они употребляются для указания на чопорность, надменность, холодность англичан и имеют отрицательную коннотацию. Однако, как свидетельствуют словари, данные выражения означают способность сохранять спокойствие, не показывать своих чувств в сложных и неприятных ситуациях, не терять мужества, сохранять присутствие духа, не вешать носа, проявлять выдержку – ‘a quality of remaining calm and not letting other people see what you are really feeling in a difficult or unpleasant situation’: *Through all these tragedies he kept a stiff upper lip* (MED); *The stiff upper lip is a barrier against the trembling which could lead to tears* (BNC).

Еще одно интересное устойчивое выражение – *Never say die* (Не падай духом! Держись! Не отчаивайся!): “*Never say die, buddy. I’ve been in worse scrapes than this.*” Данное выражение может употребляться в качестве определения: *a never-say-die spirit* (непреклонность, несгибаемое мужество), *a never-say-die attitude: But it was not just long service that endeared him to Palace fans, for Billy was an enthusiastic player, full of pep and fight, with the «never say die» attitude that supporters love to see* (BNC).

Говоря о языковых средствах со значением «подбадривать», следует упомянуть глагол *encourage* (ободрять, вселять надежду, воодушевлять, поощрять, поддерживать) и его производные. Этот глагол имеет несколько значений, в каждом из которых содержится сема позитивности, но в первую очередь

к позитивному мышлению относится значение ‘to give someone confidence and hope’ (давать уверенность и надежду): *His optimism encouraged me / Frank had encouraged Diana in her ambition to become a model*. На высокую интенсивность данного действия указывают наречия, с которыми сочетается этот глагол: *to encourage actively, greatly, positively, strongly*. Кроме глагола *encourage*, существуют также существительное *encouragement* (ободрение, воодушевление, поощрение, поддержка), прилагательное *encouraging* (ободряющий, обнадеживающий, поощряющий), а также существительное *encourager*, называющее того, кто подбадривает, оказывает поддержку, вселяет надежду. Русские переводы данных слов не являются их полными эквивалентами, что часто вызывает трудности при переводе: *Mum always encouraged us to discuss our problems / He encouraged me to apply for the job / It’s encouraging that so many young players are coming into the team*.

Обратимся к вербальной коммуникации, которая дает нам многочисленные примеры отражения «социальной улыбки», демонстрации оптимизма и позитивного отношения в межличностном общении. Прежде всего, позитивность проявляется в приветствиях, оценках, выражении мнения, в пожеланиях, ответах на приглашение, а также во многих других речевых актах, где применяется стратегия «будьте оптимистом».

Так, согласно коммуникативным нормам, ответ на вопрос *How’re you?*, который, как правило, является не столько вопросом о состоянии и самочувствии партнера по коммуникации, сколько приветствием, при любых обстоятельствах является кратким и позитивным: *Fine / I’m well / I’m very well и даже I’m really very well / (I’m) very well indeed / Perfectly well / I’m great / I’m grand* (IrE.):

'How are you all?'

'Perfectly well, thank you. How are you?'

'Never better.' (приветствие преподавателя и студентов). Подобные оптимистичные ответы обязательно сопровождаются жизнерадостной улыбкой и приподнятой интонацией. Они произносятся настолько автоматически, что их можно услышать от людей, находящихся в весьма драматичных и даже трагических ситуациях, что свидетельствует о практически полной семантической опустошенности данных речевых формул. Как с легким юмором пишет К. Фокс, если вы смертельно больны, на вопрос *How are you?* допустимо ответить *'Not bad, considering'* [Фокс 2005: 44].

В качестве иллюстрации данной коммуникативной особенности можно привести эпизод из романа J. Asher *The Longing*, где главный герой узнает о смерти жены.

He stopped, still watching, spellbound, then bent over and slumped into one of the chairs that lined the corridor and put his head in his hands. A passing nurse stopped and came over to him, leaning down to put a hand on his arm.

'Are you all right? Can I help you?'

'I'm fine,' Michael gasped, leaning his head back against that wall, and trying to catch his breath. *'Yes, thank you, I'm fine'* (J. Asher).

Так же ведут себя люди и в реальной коммуникации. Женщина упала на улице:

'Are you hurt?'

'I'm perfectly fine.'

Для сравнения ответные реплики русских коммуникантов на вопрос *Как дела?* – *Хорошо, спасибо / Нормально / Как всегда / Ничего и даже Так себе / Похвастаться нечем / Неважно / Лучшие не спрашивай / Хуже некуда* и др.

Следует отметить, что оптимистичный ответ представителей англосаксон-

ской культуры на вопрос *How are you?* является отражением не только позитивности, но и другой ценности англосаксонской культуры – дистантности, или личной автономии (*privacy*), что подтверждает мнение В.В. Дементьева о том, что коммуникативная ценность производна от одной или нескольких культурных ценностей и существует только под общим зонтиком культуры и ее базовых установок [Дементьев 2010].

В англосаксонской культуре не принято жаловаться на жизнь, проблемы, плохое самочувствие и т.д., следует в любых ситуациях демонстрировать благополучие и успешность. Как замечает А. Gladkova, говоря о различиях в коммуникативном поведении представителей русской и австралийской культур, в Австралии, в отличие от России, люди не жалуются на головную боль, тогда как в России такие жалобы можно часто слышать и дома, и на работе, и в транспорте, они воспринимаются даже не как жалобы, а как неотъемлемая составляющая речевого общения. [Gladkova 2007: 141]. В австралийской культуре, напротив, следует «звучать позитивно» (*sound positive*) и как можно меньше говорить о негативных чувствах – *Do people here have headaches less often? Maybe. But they definitely speak about them less often* [там же].

Ориентированность на успех и хорошее настроение звучит в пожеланиях, являющихся практически обязательной частью ритуала прощания: *Have a nice day! / Have a nice time! / Have a relaxing afternoon! / Have a great evening! / Have a lovely week-end! / Enjoy the party! / Enjoy your holiday! / Enjoy your stay in London! / Enjoy yourself!* и т.д.

Ярким примером позитивности в коммуникации является гиперболизируемая оценочность – тенденция давать завышенные оценки как собеседника, так и всего происходящего и наблюдаемого, что соотносится с другой страте-

гией вежливости – *exaggerate* (преувеличивайте): *How absolutely marvelous! / You're being extremely kind (благодарность) / That's brilliant. I'm delighted you are coming, that's fantastic* (реакция на принятие приглашения) / *Your daughter is absolutely fantastic. She is a genius* (учитель – родителям о их ребенке) и т.д. Преувеличение, или использование стратегии переоценки, прежде всего проявляется в частом использовании разнообразных экспрессивных эмоционально-оценочных единиц: *great, excellent, perfect, gorgeous, wonderful, brilliant, superb, fantastic, fabulous, marvelous, divine, ravishing, terrific, delighted, enjoyable* и др. При этом они часто употребляются при оценке довольно прозаичных вещей, повседневных поступков: *That's an absolutely splendid example* (учитель, оценивая ответ ученика).

Гиперболизированная оценочность широко используется в различных ситуациях общения: комплименте (*You look incredible. Your dress is perfection on you*), в ответе на приглашение (*Would you like to come to my birthday party? – I'd love to. That would be great*), в похвале (*You are a great little worker* – ребенку за помощь в уборке комнаты) и особенно часто при выражении благодарности, в том числе по малозначительному поводу: *You're absolutely fantastic* (за помощь в мытье посуды) / *Oh my God, it's gorgeous. It's absolutely marvelous. I really love it* (благодаря друга за подарок) / *You are a dream come true* (преподаватель – студентке за принесенную чашку чая).

Подобные эмоционально-оценочные реплики нацелены не столько на передачу информации об эмоциональном состоянии говорящего, его мнении, сколько на передачу доброжелательного отношения к собеседнику. Как и улыбка, они являются своеобразными коммуникативными подарками,

которыми собеседники щедро обмениваются. Получив такой подарок, адресат в ответ посылает собеседнику свой, как в следующих ситуациях:

приглашение на обед: *Would you like to come to dinner next Sunday? – That would be lovely. Thank you very much. – Great. I look forward to seeing you;*

после оказания помощи: *That's fantastic. You did an excellent job. – I'm delighted to be able to help.*

Регулярное использование стратегий, нацеленных на оказание коммуникативной поддержки собеседнику, сказывается на стиле коммуникации и формирует такую его черту, как коммуникативная аттрактивность, или демонстративная приветливость [Ларина 2009].

Ориентированность на позитив проявляется, на наш взгляд, в нелюбви представителей англосаксонской культуры к отрицанию, что особенно наглядно видно при сопоставлении английского языка с русским (см. [Ларина, Озюменко 2010а, б]). Данная особенность проявляется как в языке, так и в коммуникативном поведении, особенно при сопоставлении. Ср.: *немало-численный – rather numerous* (довольно многочисленны); *на недалеком расстоянии – at a short distance* (на коротком расстоянии), *в недалеком будущем – in the near future* (в близком будущем), *он недалек от истины – he is very near the truth* (он близок к истине) (РАС). То, что для русского *недурно, неплохо, немало*, для носителя английского языка – довольно хорошо (*rather well, quite good*) и довольно много (*quite a lot* или *much* с неисчисляемыми существительными, *quite a few* или *many* с исчисляемыми). Ср.: *Он перечитал немало книг – He has read many (quite a few) books* (Он прочитал много книг) (РАС). Английское словосочетание *least beautiful* (наименее красивый) на русский язык переводится как «самый некрасивый», а фраза *a*

pity girl is so plain – «жаль, что девочка так некрасива» (НБАРС). Как видим, в английском языке акцент делается на позитивное качество (*beautiful*) или нейтральное (*plain*), а не на негативное (некрасивая).

Приведенные факты соответствуют общей стратегии английской коммуникации делать акцент на позитивные, а не негативные качества, даже когда речь идет о последних. В английских учебниках для иностранцев есть специальные упражнения, которые формируют навык употребления *not very* с позитивным прилагательным вместо негативного, что более вежливо: *John looks so miserable. – Hmm, he is not very happy / His sister is so stupid. – Well, she is certainly not very clever.* Отрицательная оценка дистанцируется от человека, являющегося объектом характеристики, более того, в коммуникации отрицательное слово *not* может отойти от объекта оценки к субъекту, т.е. к тому, кто дает данную оценку, что в еще большей степени смягчает ее. Ср.: Она такая некрасивая – *She is not very beautiful* (Она не очень красивая) – *I don't think she is very beautiful* (Я не думаю, что она очень красивая).

Некоторые проявления нелюбви представителей англо-саксонской культуры к отрицанию можно заметить и на грамматическом уровне, в частности в конструкциях с глаголом *wish* (Ср.: Как жаль, что его здесь нет. – *I wish he was here* (букв.: Я желаю, чтобы он здесь был) / *Зря я не послушал твоего совета – I wish I had followed your advice*), а также в недопустимости в отрицательных предложениях двойного и тем более множественного отрицания (Ср.: *Я никогда не скажу – I will never ever tell anything to anybody*).

Как показал сопоставительный анализ, многим русским отрицательным предложениям в английском языке

соответствуют утвердительные: *Не забудь взять зонт – Remember to take the umbrella / Не болей – Stay well / Не унывай – Keep (up) heart / Не спеши – Take your time.* В русских отрицательных высказываниях внимание фокусируется на негативных действиях или состояниях (забыть, болеть, унывать), в то время как в английских – на позитивных. Интересный пример находим у Л.Виссон: «Приводя своего маленького сынишку на детскую площадку, американская мама не говорит ему: «Смотри не падай!», «Осторожно, не пачкайся», а отпускает его с пожеланием: *Have fun* («Развлекайся!»), *You can do it!* («Давай!») [Виссон 2003: 31].

О нелюбви к отрицанию убедительно свидетельствуют английские информативно-регуляторские тексты, в которых акцент делается на то, что надо делать и как себя вести, а не на то, чего делать нельзя, как в русском языке. Ср.: *Please keep off the lawn – По газонам не ходить / Please, refrain from taking photographs – Не фотографировать / Mind the gap – Не стойте у края платформы / Stand clear of all doors (в поезде метро) – Не стойте у дверей* и т.д.

Интересно, что эту же тенденцию наблюдаем и во фразеологии, где также отражается позитивное мышление представителей англосаксонской культуры. Если многие русские фразеологизмы строятся по формуле «Не делай плохо», то английские – по формуле «Делай хорошо». Ср.: *Не плюй в колодец – пригодится воды напиться. – Let every man praise [speak well of] the bridge he goes over* (Пусть каждый человек хвалит мост, по которому идет) / *Не лезь (не суйся) не в свое дело. – Mind you own business!* (Занимайся своим делом) или *Keep your breath to cool your porridge* (Дуй на свою кашу) / *Не поминай (поминайте) лихом. – Think well (kindly) of smb.; remember us kindly* и т.д. Последний пример представляется особенно

интересным: помимо отрицания, в русском фразеологизме содержится также пессимистичное звучание, ориентированность на негатив (Не поминай лихом), в то время как в английском – призыв к позитиву (букв.: «Думайте о нас хорошо, вспоминайте по-доброму»). Ср. также: *Не ударить лицом в грязь* – *Show oneself at one's best*, т.е. если русский обеспокоен тем, чтобы не потерять лицо, не опозориться, англичанин стремится показать себя с лучшей стороны. Фразеологизмам *На всех не угодишь* и *На весь мир мягко не постелешь* в английском языке соответствует *It's hard to please all parties*, т.е. если англичанину угодить всем сложно, но можно, то русскому это представляется невозможным.

Возвращаясь к коммуникативному поведению, отметим, что представители англосаксонской культуры проявляют тенденцию делать акцент на позитив во многих речевых актах, что также хорошо видно при сопоставлении с поведением русских. Сравните: *Вы не знаете, здесь есть поблизости почта?* – *Do you happen to know if the post office is near here?* (запрос информации), *Не поможете?* – *Can you help me?* (просьба). (Следует отметить, что отрицание в подобных русских высказываниях связано с особенностями русской вежливости.) Русские более прямо и категорично выражают свое отрицательное мнение или несогласие (ср.: *Ничего подобного* – *It's far from it*), более прямо говорят Нет.

В англосаксонской культуре сказать прямо НО в ответ на приглашение, просьбу, предложение или, например, заявление на работу воспринимается как «нанесение урона лицу». Чтобы сохранить лицо, как свое, так и адресата, отказ делается в мягкой форме, на первый план ставится благодарность (за приглашение или обращение), готовность помочь (в просьбе), выражается

сожаление в связи с невозможностью дать утвердительный ответ, объясняются причины, которые препятствуют этому, предлагаются другие варианты, намечаются иные перспективы: *Would you like to go out to the cinema tonight?* (приглашение друга) – *Oh, I'd love to. That sounds brilliant. But I'm afraid I can't make it tonight. I have to prepare for my exam. Another time perhaps.* Отказ на обращение по поводу работы, как правило, является столь косвенным и ориентированным на позитив, что русские часто истолковывают его неверно, сохраняют надежду на положительный исход в ближайшем будущем. Обычно он начинается с благодарности за проявленный интерес, часто содержит признание достоинств обращающегося, его ценности для компании и надежду на будущее, и даже скорое, сотрудничество. Ярко выраженная ориентированность на партнера по коммуникации, характерная для представителей англосаксонской культуры, о которой свидетельствуют, в частности, данные примеры, позволяет говорить о том, что для них в целом характерен тип речевого поведения, который психолингвистиками определяется как кооперативный (см. [Горелов, Седов 2001: 158]).

В данной статье мы привели лишь часть собранного материала, но и он, на наш взгляд, наглядно свидетельствует о том, что ментальная установка представителей англосаксонской культуры на позитив, так называемое *positive thinking*, является элементом их психологической идентичности, культурной ценностью, которая объективируется в лексике и фразеологии английского языка. Данная ценность может быть отнесена к разряду коммуникативных, так как она во многом определяет коммуникативное поведение, как невербальное, так и вербальное, является его регулятором и формирует стиль коммуникации, для которого характерны

такие черты, как оптимизм, коммуникативная поддержка собеседника, гиперболизированная оценочность и в целом – коммуникативная аттрактивность, или демонстративная приветливость [Ларина 2009].

Закрепление позитивного мышления в языке, в поведенческих нормах и

стереотипах, а также его проявление в различных жизненных ситуациях в очередной раз свидетельствует о том, что культура – это система, она определяет мировидение народа, формирует его менталитет, который в свою очередь определяет жизненные ориентиры и стратегии поведения.

Список литературы

Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиология: Уч. пособие. – М.; Флинта: Наука, 2009.

Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. Пер. с англ. – М.: Р.Валент, 2003.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 2001.

Дементьев В.В. Коммуникативные ценности в зеркале медиа: «задушевность» vs. «светскость» vs «гламурность» в современной русской прессе // *Stylistyka XIX*. 2010. Opole, 2010. S. 23-66.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.

Иванова Е.В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2002.

Ларина Т.В. A smile opens many doors: эмоции в коммуникации и переводе // *Мосты. Журнал переводчиков.* – 2006. – №4 (12). – С. 50 – 55.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 512 с. – (Язык. Семиотика. Культура)

Ларина Т.В., Озюменко В.И. Да и нет в языковом сознании англичан и русских // *Жизнь языка в культуре и социуме* // Материалы конференции, посвященной 75-летию проф. Е.Ф.Тарасова. – М., 2010а. С. 168 – 171.

Ларина Т.В., Озюменко В.И. «Да, наверное, нет»: русское отрицание в сопоставлении с английским // *Guzman Tirado, R., Sokolova, L., Votyakova, I. (eds.) II Congreso Internacional “La lengua y literature ruras en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas”.* Tomo II. Granada, 8-10 de septiembre de 2010б. – P. 1261 – 1267.

Леонтович О.А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию. – Волгоград: Перемена, 2003.

Стернин И.А., Стернина М.А. (ред.) Американское коммуникативное поведение. – Воронеж: ВГУ – МИОН, 2001.

Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. – Воронеж: «Истоки», 2003.

- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000
- Brown, Jackson H. Jr.* Life's Little Instruction Book Rutledge Hill, 1991
- Brown Penelope and Stephen D. Levinson.* Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Fox, Kate.* Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. – Hodder & Stoughton, 2005.
- Gladkova, Anna.* The journey of self-discovery in another language// Besemers M., Wierzbicka A. (eds.) Translating lives: Living with Two Languages and Cultures. Australia, 2007. P. 139 – 149.
- Peale, Norman V.* The Power of Positive Thinking, New York, 1952.
- Samovar, Larry A., Richard E. Porter and Lisa A. Stefani.* Communication between Cultures. – Belmont: Wadsworth Publishing Company, 1998.
- Wierzbicka, Anna.* English: Meaning and Culture. – Oxford: Oxford University Press, 2006.
- BNC – British National Corpus <http://corpus.byu.edu/>
- LDELС – Longman Dictionary of English Language and Culture. – Addison Wesley Longman, 1998.
- MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners: International Student Edition. – Macmillan Publishers Limited, 2002.
- MWALD – Merriam-Webster's Advanced Learner's Dictionary <http://www.merriam-webster.com/dictionary>

И.А.Бубнова

УДК 16.21.29

**МАССОВАЯ КУЛЬТУРА
И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА МИРА СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ**

В статье рассматриваются изменения, происходящие в сознании современных молодых людей под влиянием массовой культуры, ценности которой, успешно «конкурируя» с культурными ценностями этноса, ведут к деструкции личности и постепенно деформируют образ мира народа, складывавшийся веками. Описываются результаты экспериментальных исследований.

Ключевые слова: образ мира, этно-культурные доминанты, массовая культура.

Irina A. Bubnova

**MODERN RUSSIAN STUDENTS' VIEW
OF THE WORLD
AND MASS CULTURE**

The article is devoted to the changes that are taking place in modern Russian students' view of the world and the influence of mass culture on Russian ethno-cultural dominants. The results of certain research work is also described.

Key words: image of the world, ethno-cultural dominants, mass culture.

Исследования образа мира русско-го этноса – это не просто одно из наиболее актуальных направлений современной отечественной психолингвистики, в частности, ее динамично развивающейся области - этнопсихолингвистики. Данная тематика имеет непосредственное отношение к общей теории межкультурной коммуникации, т.к. в настоящее время стало совершенно очевидно, что даже блестящее знание языка без знания специфики национального поведения, обусловленного этническими константами, не является гарантом успешного общения. Это правило действует и в обратном направлении: понимание основ русского образа мира оптимизирует процесс взаимодействия и позволяет его участникам достичь своих целей и в тех случаях, когда словарный запас коммуникантов либо их владение грамматическим строем языка с точки зрения профессионала представляется недостаточным.

Благодаря работам, выполняемым в рамках московской психолингвистической школы [Уфимцева 2003 и др.] и ставящим своей целью изучение языкового сознания народов мира, культурные архетипы русских описаны достаточно детально. Причем, что кажется особенно важным, это касается не только эксплицитно выраженных в языке ядерных концептов культуры, но и неосознаваемых архетипов, передающих своеобразие национальной психологии и интегрированных в языковое сознание этноса, роль которых заключается в детерминации национального видения мира, в объединении и одновременно отграничении представителей одного этнического сообщества от другого.

Результаты данных исследований доказывают, что в сознании членов каждого лингвокультурного сообщества существует некоторый комплекс базовых идей, понятий, ключевых для образа мира народа, в которых «закодированы» его главные культурные ценности.

Если кратко суммировать результаты

данных работ, то необходимо подчеркнуть следующее.

Прежде всего, дух культуры русско-го этноса проявляется в том, что, несмотря на происходившие в течение столетий перемены, порой достаточно драматические, русские продолжают оставаться нацией, «направленной во внешний мир, во Вселенную», на другого человека (одно из самых значимых понятий в русском языковом сознании – это понятие *друга*), духовными приоритетами которых остаются общинность/коммунитарность, единство «любви и свободы», не имеющее никаких внешних гарантий [Бердяев 1990: 87]. Наиболее значимые ценности русского народа лежат именно в области социального целого, а «наш социум, наша группа — это средостение, связующее звено между нами и этим миром. Чтобы стать личностью, самостоятельной относительно космоса, мы должны стать соборной личностью» [Касьянова 1994: 180].

Во-вторых, зависимость русских «от групповой эмоциональной поддержки и морального руководства» [Stephen, Abalakina-Паар 1996: 375], как одна из основных этнических черт, ведет к тому, что индивидуальные права в России часто подчиняются общественному благу, поэтому русские очень высоко ценят согласие и единую превалирующую над всем правду [Richmond 1996: 14].

В-третьих, доминирование положительного отношения к окружающему миру определяет еще одно важное качество русских – доброту, которая входит в число самых типичных характеристик, выделяемых в этническом автостереотипе. Сам смысл жизни с точки зрения русской культуры состоит в том, чтобы «быть причастным к чему-то «доброму», «вечному» в мире, к чему-то непреходящему» [Касьянова 1994: 183].

Главными отличительными чертами русских как нации по сей день остаются:

- «созерцающее сердце» [Ильин 2007: 54];

- высокая ценность личностных взаимоотношений;
- ориентировка на групповые ценности в противовес индивидуальным;
- крепкие семейные узы.

Именно эти характерные особенности народа являются своего рода антитезой протестантской этики «с ее приоритетом личности и индивидуальной самореализации и совершенствования» [Сикевич 1996: 47].

В целом можно сказать, что «таинственная жизнь духа», воплощаемая в соборности, в общинности и противопоставляемая многими русскими философами западному механистическому коллективизму [О России и русской философской культуре 1990], во многом определяла и продолжает (возможно, на бессознательном уровне), определять русский менталитет.

Однако образ мира народа, а, следовательно, и субъективный образ мира каждой личности, формируется не только традиционной культурой, «врастающей» в сознание человека по мере освоения языка и, тем самым, определяющей его мировоззрение и мировосприятие. Не меньшую роль в данном процессе играет культура массовая, главная функция которой заключается в социальной адаптации человека посредством предъявления ему упрощенной системы ценностей и стереотипизированных моделей жизнедеятельности в социуме.

Как полагает подавляющее большинство исследователей, массовая культура сравнима с коммерческим проектом, направленным на широкую аудиторию и неприятельные вкусы. Идеалы ее недолговечны и изменчивы, формируются потребностями постиндустриального общества и отвечают стремлению «маленького» человека уйти от насущных жизненных проблем, требующих размышлений над ценностями и смыслом жизни. И в этом смысле массовая культура представляет собой определенного рода «индустрию» сознания, цель которой состоит в «унификации духовной жизни человека и стандартизации интеллектуальных реакций в рамках усложнившейся в совре-

менном обществе социальной структуры» [Гуревич 2001].

В силу того, что в цели нашей работы не входит детальный анализ массовой культуры как современного явления, мы ограничимся лишь констатацией факта, что, по мнению значительного числа ученых, единая «выхолощенная» культура лишила человека свободы, изуродовала его духовный мир и уничтожила его систему ценностей [Ellul 1971]. Многие ученые, как в нашей стране, так и за ее пределами, подчеркивают «сноподобный» характер массовой культуры, которая стала настоящей «индустрией грез», превращающей индивида в пассивного наблюдателя за иллюзорной действительностью. Выполняя в обществе наркотическую функцию, массовая культура питает общество вымышленными «картинками», все больше погружая его в летаргический сон и возвращая человека на оральную стадию его развития.

Функцию порождения и распространения эталонов чувств и моделей поступков в современном мире взяли на себя кино, определенные жанры литературы, в частности «дамские» романы, романы-катастрофы, детективы, и, конечно же, телевидение. Именно последнее является в России мощнейшим источником формирования идеалов и ценностей, в корне отличающихся от ценностей славянской культуры, которые на современном этапе развития общества агрессивно внедряются в сознание людей.

С целью проследить, насколько сильно воздействием массовой культуры опосредовано закрепление в сознании российского социума ценностей западного мира, нами была проведена серия пилотажных экспериментальных исследований, в ходе которых сделана попытка выявить степень влияния некоторых популярных телешоу и личностей их ведущих на образ мира современных российских студентов.

Основными методиками, использовавшимися в ходе эксперимента, являлись метод семантического дифференциала и свободный

ассоциативный эксперимент (АЭ).

В экспериментальный список, предъявленный испытуемым в ходе АЭ, вошли следующие стимулы: *мой идеал человека, мой идеал жизни, удачливый человек, неудачник, мой образ (я сам/а)*.

Полученные результаты анализировались количественно и качественно, а также использовались для построения семантических универсалий исследованных феноменов в групповом сознании сегодняшнего поколения студентов.

Участники эксперимента. В первом эксперименте приняли участие 40 человек в возрасте от 17 до 21 года, студенты московских ВУЗов.

Материалом для исследования послужили три популярные телевизионные передачи: *Блондинка в шоколаде, Дом-2 и Наша Russia*.

Такой выбор был мотивирован высоким рейтингом данных передач и их длительной «жизнью» на телевидении, что свидетельствует о высокой популярности вышеперечисленных телевизионных шоу среди самых различных групп населения.

Несмотря на существующие различия, первые две передачи можно определить как «руководство» к действиям, в котором предлагаются определенные модели социального поведения в отдельных сферах (цель телепроекта *Дом-2*, декларируемая его создателями, – «построение любви») либо в жизни в целом (*Блондинка в шоколаде* – передача, посвященная «светской львице», «бренду» современной российской гламурной жизни К.Собчак).

Собственно, именно это и заявляет сама ведущая *Блондинки в шоколаде* и *Дома-2*: «Для меня важно, в частности в данном проекте [имеется в виду *Дом-2*, комментарий наш – И.Б.], подтягивать людей до себя. Человек должен стремиться взять от другого **все самое лучшее**. Я и сама так делаю. Мне нравится общаться с людьми, которые намного старше меня. Например, с друзьями моих родителей. Я люблю и давать и брать! В телепроекте

«Дом» – может быть, это звучит нескромно – я больше даю. Делюсь жизненным опытом, **учу ребят**. И считаю, что благодаря мне они вырастут» [выделено нами – И.Б.].

Оставляя в стороне саму «ценность» подобного опыта, отметим только представления К.Собчак о самой себе и аудитории, на которую, собственно, и направлены данные шоу.

«У нас не любят успешных людей. Чужое благосостояние всегда режет глаза. И еще хуже, если человек сделал себя сам, много заработал сам. Надо его за это «опустить». Пока это, к сожалению, данность. Уютно мне в этой данности или нет? Нет. Но – таков наш народ».

«Я вообще не понимаю, откуда в вас столько ненависти ко мне? Это называется «быдло». Такие вот люди называются быдлом – которые завидуют, ненавидят меня... И эта черта, кстати, свойственна именно русским, поэтому я люблю евреев».

«если человек ни к чему не стремится и пьет водку в Мухоморске, то на такого человека мне насрать. У нас люди любят ничего не делать и завидовать таким, как я».

«Я человек, который эпатирует, – богатый, не урод, и мысли связно излагает, и диплом МГИМО имеется, всё это очень не нравится окружающим. Наверное, проблема в том, что во мне соединяются несоединимые вещи. Если бы я была полной дурой, мне бы простили светскую жизнь. Если бы я была горбатая и хромоногая, мне бы простили громкую фамилию и высокие заработки. Но когда человек амбициозен, неглуп и при этом успешен, всеобщего порицания ему не избежать» [<http://porco.ru/content/view/732/>].

В отличие от *Блондинки в шоколаде* и *Дома-2*, *Наша Russia* – это, на первый взгляд, вполне безобидная юмористическая программа, весьма успешный проект канала ТНТ, который, как замечают многие критики, является плагиатом Британского комедийного скетча Little Britain. Поми-

мо главных действующих лиц – Ровшана и Джумшута, балбесов-гастарбайтеров из Чучукистана, в шоу появляются многие другие персонажи: склонные к сексуальным извращениям депутаты Пронин и Мамонов, бомжи Сифон и Борода, подростки Славик и Димон, фрезеровщики нетрадиционной ориентации Иван Дулин и Михалыч, учительница престижной школы, берущая взятки, проститутка Эльвира и т.д. Эти люди, по мнению создателей сериала, олицетворяют сегодняшнюю Россию. По крайней мере, именно так они воспринимаются многочисленными телезрителями, у которых герои шоу пользуются популярностью и симпатией. Помимо высокого индекса цитирования и подражания речи главных героев, что само по себе является значимым показателем, телешоу с восторгом обсуждается молодыми людьми на интернет-форумах, причем комментарии участников не оставляют сомнений в том, какой образ своей страны и ее народа формируется (или сформирован?) телепередачей у ее жителей.

В ходе эксперимента проверялись следующие **гипотезы**:

Гипотеза 1: популярные телевизионные шоу оказывают непосредственное негативное влияние на языковое сознание, формируя образ мира, основанный на базовом комплексе идей, не соответствующих этническим константам, которые веками транслировалось через культуру нашего народа.

Гипотеза 2: личность ведущего популярных телевизионных шоу оказывает скрытое влияние на формирование смысла таких основополагающих для образа мира понятий как идеал жизни.

Полученные результаты и их обсуждение.

На первом этапе исследования респондентам было предложено оценить исследуемые телешоу при помощи метода семантического дифференциала.

Полученные данные позволяют прий-

ти к следующим выводам.

Блондинка в шоколаде

Эксперимент показал, что данная передача оценивается большинством наших респондентов резко отрицательно. В групповом мнении доминирует оценка *глупая* (22), *грязная* (20), *плохая* (16), *откровенно слабая* и *тупая* (по 14), соответственно.

Дом-2

Подобные тенденции просматриваются и в отношении опрошенной аудитории к передаче Дом-2. Наши респонденты характеризуют телепроект как *грязный* (30), *глупый* (30), *тупой* (30), *ненавистный* (26), *гнилой* (26), *тяжелый* (24), *противный* (22), *унылый* (18), *холодный* и *напряженный* (по 16) соответственно, *дешевый* (14), *темный* (12).

На первый взгляд, полученные данные дают основания заключить, что пропагандируемый ведущей стиль жизни не находит одобрения у зрителей. В этом случае объяснение результатов эксперимента может быть предложено с позиций социологии и психологии, утверждающих, что одним из сильнейших источников избирательности индивидуального сознания по отношению к навязываемым ему эталонам и образцам является действие норм, ценностей и установок социальной группы, к которой индивид принадлежал ранее. В данном случае представляется возможным говорить о влиянии этнических констант, проявляющихся на уровне ядерного слоя индивидуального образа мира, что не позволяет интериоризировать предлагаемые модели поведения уже на индивидуальном уровне. Вполне возможно, что именно в этом выявляемом экспериментально отношении проявляется социальность и этническое своеобразие народа, в целом не принимающего ту идеологическую составляющую влияния, которое направлено на его языковое сознание.

Однако возможна и иная интерпретация данных. Достаточно велика вероят-

ность того, что неприятие вызывают не сами предлагаемые в телепередачах модели, а личность их ведущей. И это предположение косвенно подтверждается многочисленными откликами и критикой в адрес К.Собчак, которыми наполнен не только интернет-издания, но и печатная периодика. Более того, на оценки наших респондентов могло повлиять обращение депутатов комиссии по здравоохранению и охране общественного здоровья Мосгордумы, обратившихся к генпрокурору РФ с требованием закрыть телепроект *Дом –2* на телеканале ТНТ и привлечь ведущую данного шоу Ксению Собчак к уголовной ответственности за сутенерство. И в этом случае могла проявиться еще одна основополагающая черта русских – зависимость от морального руководства и ориентировка на групповые (в данной ситуации скорее декларируемые, чем реально пропагандируемые, т.к. передача не была снята с эфира) ценности.

В пользу второго предположения свидетельствуют два, как нам представляется, важных факта. Во-первых, несмотря на подавляющее большинство отрицательных оценок, все участники эксперимента в ходе личных интервью подтверждают, что регулярно смотрят как *Блондинку в шоколаде*, так и *Дом–2*. Они хорошо знакомы с биографиями действующих лиц, активно обсуждают ход событий, делают прогнозы, переживают за судьбы участников, многие из которых стали за время существования передачи на экране их любимцами. Не менее детально известна им и биография К.Собчак, а подробности ее поведения в самых разных ситуациях довольно часто становятся поводом для дискуссий. Вторым фактом являются результаты оценки передачи *Наша Russia*, речь о которых пойдет далее.

Наша Russia

Итак, *Наша Russia*, согласно групповому мнению наших респондентов, является *радостным* (22), *приятным* (18), *расслабленным* (18), *легким* (16), *свежим* (14),

жизнерадостным (12), *хорошим* (12) шоу. Отрицательных оценок в этом случае значительно меньше: *грязное* (16), *холодное* (16), *злое* (14), *темное* (12).

Очевидно, что несмотря на совершенно открытое издевательство над собственной страной, передача практически не вызывает негативных реакций. Это позволяет предполагать, что транслируемый в телешоу образ России совпадает с образом России, уже сформированным в групповом сознании молодежи, а государство действительно ассоциируется у молодого поколения с бескультурьем, ленью, тупостью, неумением говорить на родном языке, стяжательством, нечестностью, невозможностью получить достойное образование и т.д.

Следует отметить, что данная передача активно рекламируется и, в отличие от *Блондинки в шоколаде* и *Дома–2*, она никогда не была предметом официальной критики, а потому наши респонденты выражают свое мнение совершенно открыто, не опасаясь осуждения окружающих:

«Равшан со своими «секасами, майфунами, поколодниками, раскривушками и молдовашками»- это просто убиться можно. :rzhu: Вот собираюсь бежать, смотреть»

«Да, Дулин – вне конкуренции! :yes:»

«так же очень нравятся гибэдэдэшник и ночная бабочка Эльвира, только их нечасто показывают»

«для меня вне конкуренции Дулин у нас в кругу знакомых даже и приказка теперь такая в ходу – «От оно чё, Михалыч»»

«нам тоже нравится, да и друзьям всем тоже, рулит равшан, как и у всех, потом бедный инспектор, в жизни шутки часто вспоминаюся оттуда» [forum.aromarti.ru/archive/index.php] (везде сохранена орфография оригинала. – И.Б.).

На втором этапе исследования был проведен ассоциативный эксперимент, по результатам которого были построены семантические универсалии феноменов *мой идеал человека, мой идеал жизни, удачливый человек, неудачник, мой образ (я сам/а)*

в групповом сознании сегодняшнего поколения студентов.

Идеал жизни – *обеспеченность* (8), *семья* (4), *успех* (2), *спокойствие* (2), *веселье* (2), *свобода* (2);

Идеал человека – конкретное имя кумира (14);

Удачливый человек – везучий (14), конкретное имя кумира (8);

Неудачник – двоечник (4), бомж (2), пессимист (2);

Мой образ (я сама) – преобладают положительные качества, такие как: добрая, умная, светлая, теплая, творческая.

Как можно заметить, для подавляющего большинства *идеал жизни* – это безбедное существование. Семья еще присутствует, хотя и уходит на второй план, остальные вещи рассматриваются как атрибуты материального достатка. *Идеал человека* вполне

конкретен, это чаще всего одно из лиц, постоянно мелькающих на телеэкране. Эти же люди фигурируют в качестве примера *удачливых людей*, а *неудачниками* считаются те, кто по каким-то параметрам не соответствует требованиям социума. Зато в описании самих себя выделяются только положительные качества, что заставляет задуматься о способности значительной части молодежи к рефлексивной деятельности.

Таким образом, полученные результаты не просто подтверждают выдвинутые гипотезы, но достаточно ярко демонстрируют, что в последние десятилетия массовая культура вполне успешно манипулирует сознанием людей, «конкурируя» с культурными ценностями этноса, приводя к деструкции личности и неуклонно изменяя тот образ мира народа, которые складывались веками.

Список литературы

Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С. 43 – 272.

Гуревич П.С. Философия культуры: Учебник для высшей школы. – М.: Nota Bene, 2001. – 352с.

Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга – XXI век, 2007. – 464 с.: ил. – (Духовное наследие).

Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: Институт национальной модели экономики, 1994 – 267 с.

О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – 487 с.

Сикевич З.В. Русские: «образ» народа (социологический очерк). – СПб: Изд-во СПб.

Уфимцева Н.В. Архетипы языкового сознания русских на пороге XXI века // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. ст. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2003, изд. 2-е. – 256 с. – С. 139–176.

Ellul J. Autopsy of revolution. – N. Y. – A. Knopf, 1971.

Richmond Y. From Nyet to Da: Understanding the Russians. – Yarmouth, Maine: Intercultural Press, 1996. – 191 p.

Stephen W.G., Abalakina-Paap M. Russia and the West // Handbook of Intercultural Training / ed. Dan Landis and Rabi S. Bhagat. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1996. – 460 p.
ун-та, 1996. – 552 с.

<http://porco.ru/content/view/732/>
forum.aromarti.ru/archive/index.php

Т.А. Полякова

УДК 158.3 (075.8)

СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛИНГВИСТИКА В ИЗУЧЕНИИ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ

Статья посвящена анализу некоторых православных ценностей из области обыденного сознания по результатам ассоциативного эксперимента. Обыденное сознание как понятие психолингвистики отграничивается от массового сознания как понятия социологии. Учитывается поколенческая временная периодизация социологов.

Ключевые слова: групповое обыденное сознание, временная периодизация поколений, вера, Бог, целомудрие, ассоциативный эксперимент, православная культура.

Tatiana A. Polyakova

SOCIOLOGY AND PSYCHOLINGUISTICS IN THE STUDY EVERYDAY CONSCIOUSNESS

Sociology and psycholinguistics in the study of everyday consciousness. Article is devoted to the analysis of some Orthodox values of the ordinary consciousness as a result of the association experiment. Everyday consciousness as a concept of psycholinguistics is distinguished from the mass consciousness as a concept of sociology. Generational temporary periodization of sociologists is taken into account.

Key words: group everyday consciousness, the time periods in generations, faith, God, chastity, association experiment, Orthodox culture.

Социологи полагают, что язык достаточно полно фиксирует взаимоотношения между явлениями действительности, отраженные сознанием, а потому отдают должное психолингвистам, собравшим огромное количество материала, позволяющего судить о менталитете носителей разных культур: «Языковая ментальность – это способ деления мира с помощью языка, достаточно адекватный существующим у людей представлениям о мире» [Ментальность россиян 1997: 20]. При этом они считают, что в языке отсутствует возможность установления причин, побуждающих людей придавать значимость одним аспектам явлений, игнорируя при этом другие. Забежав немного вперед, отметим, что, на наш взгляд, такая возможность имеется, если рассматривать культуру в ее системности.

В качестве перспектив при изучении менталитета ученые называют необходимость всестороннего экспериментального анализа норм и ценностей, социальных установок, стереотипов сознания и поведения, а также **«культурно обусловленного содержания понятий»** (выделение наше – Т.П.), т.е. социальных смыслов» [Там же: 22]. Однако они полагают, что ввиду сложности изучаемого явления, в настоящее время говорить о выделении в предложенном наборе феноменов некоего системообразующего признака еще рано. В данном случае мы позволим себе не согласиться с мнением социологов, тем более что они сами признают за такими составляющими общественного сознания, как идеология или религиозное сознание и системность, и структурность. (См., например: [Грушин 1987: 97-98]).

На наш взгляд, такой системообразующий признак имеется, а именно: рассмотрение иерархии ценностей носителей русской культуры (а в данном случае речь пойдет именно о них) с точки зрения православия, ибо именно оно, с точки зрения В.Ф. Чесноковой, за последнее тысячелетие в значительной степени сформировало русскую культуру. О формировании русской культуры

в лоне православия, помимо В.Ф. Чесноковой, писали В.В. Мавродин, М.И. Коялович, Г.В. Флоровский, С.Л. Франк, Н.Я. Данилевский, Н.О. Лосский, Ф.Ф. Аристов, Н.С. Трубецкой, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский. Опираясь на этот тезис, а также на мнение ученых московской психолингвистической школы о становлении личности в процессе «присвоения» ею культуры общества [Сорокин, Тарасов, Уфимцева 1982], мы разделяем точку зрения В.Ф. Чесноковой о принадлежности человека к культуре по факту своего рождения (и – добавим – становления, социализации) в ее ареале [Чеснокова 2005].

Предметом нашего исследования явилось изучение нравственного идеала русской православной культуры. Нравственный идеал является одной из форм регулирования общественной жизни, одной из культурных констант, определяющих содержание образа мира и его отображение в языковом сознании современных носителей русской культуры.

В настоящее время большое количество исследований посвящено теме межкультурных сопоставлений. В частности, отмечается большое влияние культуры США на мировую и – уже – российскую культуру, говорится об угрозе русской национальной идентичности, о разрушении традиционного сознания и утрате основных ценностей [Федченко 2005, Бызов 2003]. С другой стороны, происходящие в современном мире процессы глобализации, обезличивания культур вызывают к жизни стремление к выявлению своих национальных начал [Павловская 2007]. В связи с этим намечается интерес к исследованию православных ценностей, их влиянию на жизнь человека [Касьянова 1994; Чеснокова 2005; Анашкина 1997; Ведерникова, Третьякова 1997; Гафуров 1997].

Список стимулов для проведения АЭ включал 60 слов: безнравственность, бескорыстие, благо, ближний, Бог, боль, вера, верность, верный, взаимопомощь, грех, долг, дружба, духовность, душа, Евангелие, жертвовать, жизнь, кайф, любовь, молитва, нравственность, опора, поддержка, осужде-

ние, отец, очищение, покорность, порядочность, пост, преодолеть, прощать, радость, самоограничение, самоотвержение, секс, скорбь, служба, служение, смерть, смирение, совесть, спасение, страдание, страх, стыд, счастье, тело, терпение, терпеть, труд, трудолюбие, усилие, целомудрие, церковь, человек, честность, честь, чистота, я.

Одной из причин выбора для проведения эксперимента и последующего анализа именно этих слов явилось обращение к системе христианской этики, определяющей правила поведения, обязанности людей к Богу и ближним. Так, например, в наши обязанности, согласно заповедям, входит вера в Бога, потому что **вера** является добродетелью и вместе с тем обязанностью каждого православного христианина. Без веры невозможно угодить **Богу**. Мужу и жене вменяется в обязанность хранить взаимную **верность** и **любовь**, а неженатым – соблюдать **чистоту** мыслей и желаний, быть **целомудренными** в делах и в словах, в мыслях и желаниях. Добрая христианская семейная жизнь есть источник личного и общественного **блага** [Закон Божий 2003].

Благодаря Православию, человек поворачивается лицом к людям и Богу, становится духовным существом [Чеснокова 2005: 46].

Материалом исследования послужили результаты свободного ассоциативного эксперимента с 497 русскими испытуемыми в возрасте от 18 до 60 лет, словарные статьи русских толковых, энциклопедических и ассоциативных словарей [Даль 2003; СОШ 1999; ППБЭС 1992; РАС 2002].

Проводя эксперимент, мы ставили себе задачу изучить языковое сознание среднестатистического русского на предмет выраженности у него православных ценностей. Здесь необходимо отметить тот факт, что нас интересовало групповое обыденное сознание, в отличие от сознания массового, которое определяется как «особый случай безусловно общественного сознания», как «сознание определенных общностей» [Грушин 1987: 255-256] – масс – самых разнообразных по своим характеристикам «множеств людей,

демонстрирующих совместное, но не групповое поведение» [Там же: 162] и которым (=массовым сознанием) занимаются социологи. К массам Б.А. Грушин относит, например, участников различных массовых политических и социокультурных движений; аудитории отдельных средств и каналов массовой информации; потребителей тех или иных товаров и услуг; болельщиков футбольных команд и поклонников кинозвезд и т.д. [Там же].

Носителями же группового сознания являются разнообразные большие группы, образующие те или иные структуры отдельных обществ: классы, нации, профессии, региональные, социокультурные и т.п. группы или малые группы (рабочая бригада) [Там же: 129]. К малым группам можно также отнести и студенческую группу, и школьный класс.

Поскольку нас интересовали носители русской культуры, в анкете был задан вопрос о национальности. Обработались лишь те из них, которые были заполнены русскими респондентами. Всего было обработано 497 анкет.

Все полученные анкеты мы разделили на три возрастные группы: студенты (возраст 18-20 лет), взрослые (условное название респондентов от 28 до 42 лет) и респонденты 50-60 лет. Время проведения эксперимента – 2005 год. Среди студентов и взрослых эксперимент проводился в г. Пензе и Москве, среди респондентов от 50 до 60 лет – только в г. Пензе.

Количество опрошенных в разных группах испытуемых: пензенские студенты – 115 человек (60 юношей и 55 девушек); московские студенты – 119 человек (42 юноши и 77 девушек); взрослые пензяки – 131 человек (64 мужчины и 67 женщин); взрослые москвичи – 75 человека (33 мужчины и 42 женщины); группа 50-60-летних – 57 человек (21 мужчина и 36 женщин).

В эксперименте приняли участие студенты Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова, Московской государственной академии приборостроения и ин-

форматики, Университета Дружбы народов, Пензенского государственного университета. Помимо того факта, что социализация данных возрастных групп происходила при разных исторических условиях и разным отношении к вере и храму, необходимо еще и отметить социологическую временную периодизацию ныне живущих поколений российского общества. По мнению В.В. Семеновой, за точку отсчета границ поколения принимается крупное историческое событие или процесс, оставшийся центральным в его памяти. Упомянутыми при опросе ключевыми событиями оказались: война; застой, доперестроечное время; переход, связанный с перестройкой и послепереходное время [Семенова 2005: 88].

Таким образом, были выделены: *околовоенное поколение* (время рождения 1920–1940-е годы, возраст сейчас: 60-80 лет); *доперестроечное поколение* (время рождения 1940–1960-е годы, возраст сейчас от 40 до 60 лет); *поколение переходного периода* (время рождения – 1960–1970-е годы, возраст сейчас от 30 до 40 лет); *послеперестроечное поколение* (время рождения – после середины 1980-х годов, возраст сейчас от 18 до 25 лет (молодежь в широком смысле)) [Там же: 89].

Для нашего исследования из описанной выше периодизации интерес представляли последние три поколения.

Рассмотрим несколько примеров полученного анализа.

ВЕРА

В словаре В.И. Даля **Вера** интерпретируется как уверенность, убеждение, твердое сознание, понятие о чем-либо, особенно о предметах высших, невещественных, духовных; // верование; отсутствие всякого сомнения или колебания о бытии и существовании Бога; безусловное признание истин, открытых Богом; // совокупность учения, принятого народом, вероисповедание, исповедание, закон (Божий, церковный, духовный), религия, церковь, духовное братство. // Уверенность, твердая надежда, упование, ожидание [Даль 1978, т.1: 331-332].

В СОШ **Вера** интерпретируется как

убежденность, глубокая уверенность в ком-чем-н., а также как убежденность в существовании Бога, высших божественных сил и как вероисповедание [СОШ 1999: 74].

Толкование веры В.И. Далем и С.И. Ожеговым расходятся несущественно. Можно лишь отметить, что у В.И. Даля оно шире и включает в себя еще и 'религию, церковь, духовное братство'. Согласно ППБЭС, вера – это уверенность в невидимом, как бы в видимом, энергическое, горячее и полное убеждение в существовании Бога. Вера есть добродетель и вместе с тем обязанность [ППБЭС 1992, т.1: 584].

Во всех группах ВЕРУ связывают с *надеждой* (20% и 24,4% студентов; 30,5% и 25,3% взрослых; 7% в самой старшей возрастной группе) и *Богом* (10,4% и 16,8% студентов; 8,4% и 10,7% взрослых; 21,1% людей старше 50 лет). ВЕРА ассоциируется с *любовью* (3,4% и 10,1% студентов; 2,3% и 5,3% взрослых), *религией* (3,5% и 3,4% студентов; 4,6% взрослых пензенцев), *именем* (5,2% и 1,7% студентов), *доверием* (2,6% пензенских студентов и 4% взрослых москвичей), *церковью* (5% московских студентов и 2,3% взрослых пензяков). ВЕРА может быть *в Бога* (10,4% и 2,5% студентов; 4,6% взрослых пензенцев и 3,5% людей старшего возраста), *в себя* (4,3% пензенских студентов; 1,7% московских студентов и 4,6% взрослых пензяков), *в любовь* (1,7% и 1,5% пензенских студентов и взрослых), *в лучшее* (3% взрослых пензяков и 5,3% людей старше 50 лет). Для 1,7% московских студентов ВЕРА связана с *православием*.

Определение веры как *религии*, данное В.И. Далем, встречается в реакциях у пензенских и московских студентов (\approx по 3,5%) и у пензенских взрослых (4,6%); как *церкви* – у московских студентов (5%) и пензенских взрослых (2,3%). 5,3% в самой старшей возрастной группе воспроизводят ожеговское толкование веры как *убежденности*.

Наши данные в целом совпадают с данными экспериментов, представленными в РАС: *надежда, любовь, в любовь, в Бога, в себя, имя*. Процент расхождений между ними

Стимул	Студенты (Пенза)	Студенты (Москва)	Студенты РАС	Взрослые (Пенза)	Взрослые (Москва)	50-60 лет (Пенза)
вера	надежда 20 Бог 10,4 в Бога 10,4 имя 5,2 в себя 4,3 религия 3,5 доверие 2,6 в будущее 1,7 в любовь 1,7 в человека 1,7 жизнь 1,7 знание 1,7 любовь 1,7 единич реакции 32,2	надежда 20 Бог 10,4 в Бога 10,4 имя 5,2 в себя 4,3 религия 3,5 доверие 2,6 в будущее 1,7 в любовь 1,7 в человека 1,7 жизнь 1,7 знание 1,7 любовь 1,7 единич реакции 32,2	надежда 13,8 Надежда / Любовь 11,9 любовь 8,3 в Бога 7,3 в любовь 6,4 маленькая 3,7 в светлое будущее 2,8 в себя 2,8 имя 2,8 в будущее 1,8 в жизнь 1,8 в коммунизм 1,8 в человека 1,8 мама 1,8 человек 1,8 единич. реак- ции 24,8	надежда 30,5 Бог 8,4 в Бога 4,6 в себя 4,6 религия 4,6 в лучшее 3,1 душа 3,1 любовь 2,3 церковь 2,3 в любовь 1,5 духовность 1,5 единич. реакции 33,6	надежда 25,3 Бог 10,7 любовь 5,3 доверие 4 хорошо 4 светлое 2,7 сила 2,7 единич. реакции 45,3	Бог 21,1 надежда 7 в лучшее 5,3 убежден- ность 5,3 будущее 3,5 в Бога 3,5 верую 3,5 св я т о е 3,5 единич. реакции 47,4

Таблица 1. (Данные в процентах)

невелик, кроме реакций *любовь* и *в любовь*, актуализированными пензенскими студентами.

В сознании средневекового человека вера являлась и религиозной и этической категорией, апеллирующей к нравственности человека, к понятиям добра и зла [Вендина 2002: 197]. В сознании наших современников, как мы можем видеть, вера также связана не только с религией.

БОГ

В словаре В.И. Даля понятие **Бога** толкуется следующим образом: Творец, Создатель, Вседержитель, Всевышний, Всемогущий, Предвечный, Суший, Сый, Господь; Предвечное Существо, Создатель вселенной [Даль 1978, т.1: 103].

В СОШ Бог определяется как: *в религии*: верховное всемогущее существо, управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ; *в христианстве*: триединое божество, творец и всеобщее мировое

начало. – Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой. Наконец, имеется еще одно значение с пометой «переносное, устаревшее, книжное», означающее предмет поклонения, обожания [СОШ 1999: 52]. «Настоящей лакуной в языковом сознании современных русских» по материалам РАС называет отношение наших современников к Богу Н.В. Уфимцева [Уфимцева 2005: 215].

Таким образом, в словарных статьях В.И. Даля и С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой представлено лишь одно общее значение, а именно понимание Бога как Творца. Эта ассоциация (*творец*) в незначительном количестве имеется у всех пензенских респондентов. Далевское толкование Бога как *Всевышнего*, как *Создателя* встречается в виде ассоциата во всех группах испытуемых, кроме взрослых москвичей. Реакция *вселенная* (4% взрослых москвичей и 3,5% самых старших респондентов) отправляет нас, на наш взгляд, к далевскому определению ‘Созда-

Сти-мул	Студенты (Пенза)	Студенты (Москва)	Студенты РАС	Взрослые (Пенза)	Взрослые (Москва)	50-60 лет (Пенза)
Бог	вера 19,1 есть 6,1 создатель 6,1 Всевыш-ний 5,2 церковь 4,3 небо 3,5 религия 3,5 Иисус 2,6 высшее 2,6 господь 1,7 духов-ность 1,7 Отец 1,7 отказ 1,7 творец 1,7 единич. реакции 38,3	вера 19,3 небо 5,9 религия 5 церковь 5 Всевыш-ний 4,2 есть 4,2 Библия 4 миф 4 Бог 2,5 любовь 2,5 создатель 2,5 всё 1,7 душа 1,7 дьявол 1,7 Иисус 1,7 молитва 1,7 единич. реакции 32,8	есть 4 на небе 3,7 мой 2,7 церковь 2,4 черт 2,4 Господь 2 знает 2 небо 2 нет 2 ангел 1,7 Зевс 1,7 Иисус 1,7 Иисус Христос 1,7 отец 1,7 весть что 1,3 поможет 1,3 религия 1,3 творец 1,3 Бог 1 всемогущий 1 икона 1 один 1 вера 0,7 Всевышний 0,7 единич.реакции 38	вера 19,3 Всевыш-ний 12,3 Отец 5,3 вселенная 3,5 высшее 3,5 отказ 3,5 свет 3,5 создатель 3,5 творец 3,5 единич. реакции 42,1	надежда вера 18,7 небо 9,3 церковь 5,3 вселенная 4 душа 4 дух 2,7 есть 2,7 Иисус 2,7 отец 2,7 судьба 2,7 человек 2,7 единич. реакции 41,3	Бог 21,1 надежда 7 в лучшее 5,3 убежден-ность 5,3 будущее 3,5 в Бога 3,5 верую 3,5 святое 3,5 единич. реакции 47,4

Таблица 2. (данные в процентах)

тель вселенной'. Далевское толкование Бога как *Господа* воспроизводится в реакциях 1,7% пензенских студентов.

Ожеговское определение Бога как Отца, Сына и Святого Духа воспроизводится, на наш взгляд, в виде реакций *Отец* (студенты из г. Пензы, взрослые из обоих городов и самые старшие по возрасту респонденты) и *дух* (взрослые москвичи) (см. Таблицу 2).

БОГ во всех группах прежде всего ассоциируется с *верой* (19,1% и 19,3% у студентов; 17,6% у взрослых пензяков; 18,7% у москвичей; 19,3% в группе 50-60-летних). Бог – это *Создатель* (6,1% и 2,5% у студентов; 3% у взрослых пензяков; 3,5% среди 50-60-летних), *Всевышний* (5,2% и 4,2% реакций среди студентов; 6,9% у взрослых пензенцев; 12,3% у 50-60-летних), *Отец* (1,7% у пензенских студентов; 3% и 2,7% у взрослых

пензяков и москвичей; 5,3% у 50-60-летних), *Иисус* (2,6% и 1,7% у студентов; 2,3% и 2,7% у взрослых пензяков и москвичей соответственно), *Творец* (только у пензяков по два упоминания, что составляет: 1,7% студенты; 1,5% взрослые и 3,5% 50-60-летние). Бог также ассоциируется с *церковью* (4,3% и 5% у студентов; 3% и 5,3% у взрослых) и с *небом* (3,5% и 5,9% у студентов; 9,3% у взрослых москвичей), с *любовью* (2,5% московских студентов и 3% взрослых пензяков) и с *религией* (3,5% и 5% студентов; 3% взрослых пензяков). Во всех группах, кроме 50-60-летних считают, что *Он есть* (6,1% пензенских студентов, далее по порядку следования колонок таблицы: 4,2%; 3%; 2,7%). 5,5% московских студентов ассоциируют Бога с *мифом*, 1,7% дают реакцию *дьявол*. Между нашими данными и словарем РАСа имеются некоторые расхождения:

Таблица 3. (данные в процентах)

Ассоциации	Студенты (Пенза)	Студенты (Москва)	Студенты РАС
есть	6,1	4,2	4
небо	3,5	5,9	2
на небе	-	-	3,7
церковь	4,3	5	2,4
Всевышний	5,2	4,2	0,7
вера	19,1	19,3	0,7
Иисус	2,6	1,7	1,7
религия	3,5	5	1,3

Наиболее существенное расхождение – позиция ассоциации *вера*. У студентов г. Москвы и г. Пензы эта ассоциация занимает первое место (чуть более 19% в обеих группах). В материалах РАС процент этой ассоциации очень незначителен: всего 0,7%.

Остальные расхождения невелики. Можно отметить наличие в материалах РАС ассоциаций, не встречающихся в нашем исследовании (например, *мой, черт, знает, Зевс, весть что* и т.д.). Однако их процент также незначителен.

ЦЕЛОМУДРИЕ

В.И. Даль: «Целомудрый, целомудренный, сохранивший себя в девственной или в брачной чистоте, непорочный. **Целомудренность**, добродетель эта, плотская чистота, **целомудрие**» [Даль 1978, т.4: 578].

СОШ: «Целомудрие. 1. То же, что девственность. 2. перен. Строгая нравственность, чистота» [СОШ 1999: 873].

Только плотская чистота у В.И. Даля и телесная и духовная у С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. Напомним, что прелюбодеяние считается в православии одним из смертных грехов.

ЦЕЛОМУДРИЕ ассоциируется со своими синонимами – *чистой, девственностью, невинностью, непорочностью, честью*.

Чистота: 9,6% и 3,4% студентов; 13% и 8% взрослых; 24,6% 50-60-летних людей. Эта реакция, занимающая первое место у людей от 30 лет и старше, не столь частотна у московских студентов.

Девственность: 2,6% и 10,1% студентов; 6,1% и 5,3% взрослых.

Невинность: 2,6% пензенских студентов; 3,8% и 4% взрослых.

Непорочность: 3,5% и 5,9% студентов.

Честь: 2,5% студентов-москвичей и 3% взрослых пензяков. 5,3% респондентов 50-60 лет дают определение целомудрию: *отсутствие внебрачных связей*.

Целомудрие связывается в сознании также с *умом* (6,1% и 14,3% студентов; 2,3% взрослых пензяков) и *мудростью* (5,2% и 2,5% студентов). Иногда это *верность* (2,6% и 5% студентов; 5,3% взрослых пензяков). 2,5% студентов-москвичей связывают целомудрие со *старостью*, а 2,3% взрослых пензяков считают, что это *хорошо*.

Целомудренными могут быть *девушка* (2,6% пензенских студентов; 3,8% и 5,3% взрослых; 5,3% людей 50-60 лет) или *монах / монахиня* (4,2% студентов-москвичей).

Достаточно много *отказов* отвечать, особенно среди пензенских студентов: 11,3% пензенских студентов; 4,2% московских студентов; 5,3% взрослых москвичей. С.Г. Воркачев предположил, что отказ означает прежде всего «интимный» характер понятия: ведь «человек делает публичными свои представления о жизненном идеале, о смысле жизни и о самых сокровенных жизненных ценностях» [Воркачев 2004: 102].

Максим Первозванский, священник, редактор журнала «Наслѣдник» говорит об огромном количестве разводов в нашей стране (7-8 на десять браков) и связывает это с нарушением целомудрия до брака, приводящего впоследствии к опустошенности. По мнению отца Максима, истинная любовь (не страсть и не влюбленность) возможна только в браке, когда люди научатся жить вместе, по-настоящему узнают друг друга [Первозванский 2007: 99].

Наблюдения священнослужителя полностью подтверждаются исследованиями ученых о внутрисемейных отношениях современных русских. Так, отмечаются высокие требования к эмоциональной (в частности, интимной) стороне супружества, что

Таблица 4. (данные в процентах)

Сти-мул	Студенты (Пенза)	Студенты (Москва)	Студенты РАС	Взрослые (Пенза)	Взрослые (Москва)	50-60 лет (Пенза)
целомудрие	отказ 13 чистота 9,6 ум 6,1 мудрость 5,2 непорочность 3,5 верность 2,6 девственность 2,6 девушка 2,6 невинность 2,6 благо 1,7 бред 1,7 женщина 1,7 нравственность 1,7 честь 1,7 единич. реакции 43,5	ум 14,3 девственность 10,1 непорочность 5,9 верность 5 монах(иня) 4,2 отказ 4,2 чистота 3,4 мудрость 2,5 старость 2,5 честь 2,5 девочка 1,7 старый 1,7 умный 1,7 единич. реакции 40,3	чистота 13 девственность 6,1 верность 5,3 девушка 3,8 невинность 3,8 честь 3,1 духовность 2,3 порядочность 2,3 ум 2,3 хорошо 2,3 глупость 1,5 дева 1,5 женщина 1,5 отказ 1,5 разум 1,5 единич. реакции 46,6	чистота 13 девственность 6,1 верность 5,3 девушка 3,8 невинность 3,8 честь 3,1 духовность 2,3 порядочность 2,3 ум 2,3 хорошо 2,3 глупость 1,5 дева 1,5 женщина 1,5 отказ 1,5 разум 1,5 единич. реакции 46,6	чистота 8 девственность 5,3 девушка 5,3 отказ 5,3 невинность 4 вера 2,7 дева 2,7 духовность 2,7 монах 2,7 ум 2,7 хорошо 2,7 честность 2,7 единич. реакции 53,3	чистота 24,6 девушка 5,3 отсутствие внебрачных связей 5,3 дева 3,5 нравственность 3,5 ум 3,5 единич. реакции 54,4

привело к росту количества разводов и увеличению доли неполных семей: более 50% опрошенных считают, что не следует сохранять брак, если супруги разлюбили друг друга [Анашкина 1997: 210].

Реакции наших респондентов воспроизводят толкование слова, встречающееся как у В.И. Даля, так и у С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой: *чистота, девственность*. Реакция *непорочность* (студенты из обоих городов) отсылает нас к толкованию целомудрия В.И. Далем, реакция *нравственность* (пензенские студенты и группа старше 50 лет) – к толкованию С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой.

Удивительным нам представляется то, что в целом ряде случаев семантическое наполнение того или иного слова в языковом сознании наших испытуемых совпадает со словарными дефинициями, данными в словаре В.И. Даля. В этом смысле «замечатель-

ный для своего времени словарь Даля» [Щерба 1974: 275] оказывается замечательным не только для своего времени: представления, жившие в далекие дооктябрьские времена, сохраняют свою актуальность (например, анализ слов ДУХОВНОСТЬ, ЧЕСТЬ, ЧЕСТНОСТЬ, ЦЕЛОМУДРИЕ.) [Подробнее см. Полякова 2009]. По этой причине вывод социологов о том, что «нынешние поколения русских едва ли не столь же далеки от своих культурных корней, как современные греки от Древней Греции» [Бызов 2003: 75], представляется нам не вполне справедливым.

Зачастую, несмотря на стремительное и бесповоротное разрушение традиционного общества в России XX века [Бызов 2003: 75], мы констатируем сохранение языковым сознанием современников тех значений, которые были присущи словам на протяжении многих веков. Речь идет, заметим, только о

тех словах, которые принадлежат области православной культуры. В этом смысле времени неподвластны не только религиозные установки, но и значения слов, до какой-то степени обусловленные типом культуры [Панова 2000: 169].

Ассоциативные поля многих слов-стимулов, построенные по данным ассоциативного эксперимента, имеют достаточно большое количество пересечений при их сопоставлении со словарными дефинициями В.И. Даля (см. приложение). Так, наши испытуемые представляют нравственность как чистоту, честность, совесть. Вера связывается с религией и церковью. Бог ассоциируется со Всевышним, Создателем, вселенной, Господом. Очищение мыслится как освобождение от греха или грехов, избавление,

покаяние, прощение. Именно такие дефиниции этих слов дает В.И. Даль.

На наш взгляд, культурное ядро семантического поля «Нравственный идеал» оказалось единым для всех наших испытуемых благодаря русской традиционной культуре, сформированной православием.

Как мы видим, языковое сознание одновременно и консервативно, и изменчиво. Проследив его связи в диахроническом и синхроническом аспектах, можно констатировать достаточно многочисленные совпадения, обусловленные культурной традицией.

Кроме того, объединив свои возможности, обе науки (социология и психолингвистика) могут получить достаточно объективные данные при изучении обыденного сознания россиян.

Приложение

Данные сопоставительного анализа словарных дефиниций и результатов АЭ

В таблице № 5 мы приводим данные сопоставительного анализа словарных дефиниций и результатов АЭ.

В графе «Реакции (В.И. Даль)» приводятся ассоциации наших испытуемых, совпавшие с толкованием понятия в словаре В.И. Даля.

В графе «Реакции (СОШ)» – ассоциации, совпавшие с толкованием понятия в СОШ.

В графе «Реакции (оба словаря)» приводятся ассоциации, имеющиеся в толкованиях понятия как у В.И. Даля, так и у С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой.

Цифра после каждой реакции означает ее совокупный процент (из расчета на количество респондентов, отреагировавших на данный стимул – как правило, 497 человек).

Стимул	Реакции (В.И. Даль)	Реакции (оба словаря)	Реакции (СОШ)
1	2	3	4
нравственность	Чистота 7,1% Честность 2,2% Совесть 1,8%		
вера	Религия 3,2% Церковь 2,2%		Убежденность 0,6% Убеждение 0,6%
духовность	Вера 11,7% Церковь 7,4% Бог 2,6% Вера в Бога 2 %		Нравственность 4,6%
Бог	Всевышний 5,6% Создатель 3,4% Вселенная 1,4% Господь 0,8%	Творец 1,2%	Отец 2,2% Дух 0,6%
любовь			Чувство 8% Секс 3,4%
счастье	Покой 1,2% Благополучие 1,2%	Удача 2,2%	
верность	Преданность 10,5% Надежность 1,2%		
стыд	Срам 8,5% Совесть 7,6%	Позор 15,5%	Смушение 1,4% Вина 0,8%
спасение	Помощь 12,5% Души 8,5% Душа 2,6% Вера 2,4% Бог 1,8%		Избавление 1,4%
целомудрие	Непорочность 2,6%	Чистота 10,5% Девственность 5,4%	Нравственность 1,2%
чистота	Блеск 3,2% Душа 3% Души 2,4% Духовная 1,2%		Аккуратность 1,4% Грязь 1,4% Нравственность 1,2%
честь	Достоинство 11,9% Совесть 18,1%	Почет 0,4% Отдать 0,4% Отдавать 0,8% Иметь 1,2% Смолоду 2,6%	Уважение 1,2% Гордость 2,4%

Таблица 5.

Список литературы

- Анашкина Г.П.* Современные нормы внутрисемейных отношений родственных связей у русских. // Этническая психология и общество: Материалы I-ой конференции секции этнической психологии при Российском Психологическом Обществе. – М.: «Старый сад», 1997. – с. 205-214.
- Бызов Л.Г.* Социокультурная трансформация российского общества и перспективы формирования неоконсервативной субъектности // Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2003 – с. 45-96.
- Ведерникова Т.И., Третьякова Н.В.* Процесс развития самоидентификации этноконфессиональных групп степного Заволжья. // Этническая психология и общество: Материалы I-ой конференции секции этнической психологии при Российском Психологическом Обществе. – М.: «Старый сад», 1997. – С. 139-145.
- Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М.: Индрик, 2002. – 336с.
- Воркачев С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236с.
- Гафуров А.М.* Некоторые аспекты этноконфессиональной идентификации основных этносов Республики Башкортостан (на примере этносоциологических исследований) // Этническая психология и общество: Материалы I-ой конференции секции этнической психологии при Российском Психологическом Обществе. М.: «Старый сад», 1997. – С. 242-249.
- Грушин Б.А.* Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. – М.: Политиздат, 1987. – 368с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз. – 1978–1980.
- Закон Божий для семьи и школы // Составитель протоиерей Серафим Слободской. СПб.: Братство Новомученика Архиепископа Илариона Верейского, 2003. – 724с.
- Касьянова К.* О русском национальном характере. – М.: Институт национальной модели экономики, 1994. – 368с.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287с.
- Ментальность россиян: Специфика сознания больших групп населения России // Под ред. И.Г. Дубова.– М.: «Имидж-контакт», 1997.
- Павловская А.В.* Особенности национального характера. – М., 2007. – 172с.
- Панова Л.Г.* Грех как религиозный концепт // Логический анализ языка: Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – с. 167-177.
- Первозванский Максим.* Переступить черту. – Наследник № 13-14. – 2007. – С.98-101.
- Полякова Т.А. Особенности языкового сознания русских (на материале семантического поля «Нравственный идеал»). // Автореф. дисс. канд. филолог. наук. – М., 2009.
- ППБЭС: Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1, 2. – Репринтное издание. М., 1992.
- РАС: Русский ассоциативный словарь. В 2т. т.1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784с.
- Семенова В.В.* Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – с.80-107.

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В. “Культурный знак” Л.С. Выготского и гипотеза Сепира – Уорфа. // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. – М.: «Наука», 1982. – с.5-12.

СОШ – Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944с.

Уфимцева Н.В. Археология языкового сознания: первые результаты. // Язык. Сознание. Культура. Сборник статей. / Под ред Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М. – Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2005. С. 205-216.

Федченко А.В. Этнокультурная специфика формирования языкового сознания русских и американцев в школьном возрасте. // Автореф. дисс. канд. филолог. наук. – М., 2005.

Чеснокова В.Ф. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. – М.: Академический Проект, 2005. – 304с.

Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1974. – с. 265-304.

Ядов В.А. Стратегия социологического исследования : описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М.: Изд-во «Омега-Л», 2009. – 567с.

Л.М.Терентий

УДК 81'23:005

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ УСПЕШНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

В статье рассмотрены закономерности психолингвистического анализа дипломатического дискурса в аспекте его интенциональности. Установлены трехуровневый характер интенциональной структуры и пять типов референциальных объектов дипломатического дискурса, а также ряд культурно обусловленных вербальных особенностей дипломатических переговоров.

Ключевые слова: психолингвистика, дипломатический дискурс, интенциональная структура, референциальный объект

Liviu M. Terentyi

PSYCHOLINGUISTIC ANALYSIS OF INTENTIONAL STRUCTURE OF SUCCESSFUL NEGOTIATIONS

The article deals with patterns of psycholinguistic analysis of the diplomatic discourse in the aspect of intentionality. A three-level scheme of intentional structure is being introduced and five types of referential objects of diplomatic discourse as well as a number of culturally conditioned verbal features of diplomatic negotiations are identified.

Key words: psycholinguistics, diplomatic discourse, intentional structure, referential object.

Данная работа является частью исследования интенциональной структуры дипломатического дискурса, в ходе которого его участники достигают поставленных целей.

Согласно развиваемой в работе гипотезе достижение главной цели дипломатического общения – защиты интересов своей страны – непосредственно зависит от образа мира коммуникантов. Основным фактором, опосредующим речевое и невербальное поведение дипломата, является содержание прагматического уровня в структуре языковой личности, формирующееся в процессе жизнедеятельности в ходе присвоения ценностей своей национальной культуры. Другими словами, мы полагаем, что речевое и невербальное поведение дипломата в процессе дипломатического общения определяется не просто системой личностных смыслов, но, прежде всего, чувством гражданской и культурной самоидентификации, т.е. теми образованиями, которые относятся к ядерному слою образа мира.

В настоящей статье представлены результаты психолингвистического анализа интенциональной структуры дипломатического дискурса научного типа, к которому, как было показано нами ранее, относится любая дипломатическая коммуникация, закрытая для широкой публики: переговоры, аналитические записки, беседы и т.д.

В силу того, что основным содержанием такого типа дипломатического общения является анализ и обсуждение какой-либо проблемы, оно имеет много сходных черт с научным дискурсом. Участники переговоров, как и участники научной дискуссии, излагают факты и свое видение обстоятельств, причем определяющим для данного вида дискурсивной практики является стремление к выработке совместного решения, основанного на объективной оценке существующей ситуации.

Таким образом, можно предполагать, что, как и в научном дискурсе, основной интенциональной направленностью дипло-

матического дискурса научного типа должна быть направленность на изучаемую действительность.

В то же время во многих работах, посвященных изучению научного дискурса, отмечается, что одной из существенных его особенностей является фиксируемое в ходе эмпирических исследований расхождение между формулируемыми нормами научного общения: постижение истины, получение нового беспристрастного и объективного знания, – и их реализацией на практике. Данная черта проявляется в наличии у ученых как субъектов общения не только познавательных, но и иных коммуникативных интенций [Бос, Майер 1993; Гилберт, Малкей 1987; Кирилина, Маслова 2007; Кубрак 2009 и др.]. Иначе говоря, наряду с направленностью на изучаемую действительность, в научном дискурсе оказываются актуальными направленности субъекта на себя и на своего коммуникативного партнера. Так, доказано, что направленность на себя субъектов общения проявляется в связи с обсуждаемой темой и выражается в том, что ученые могут что-то говорить о себе, о своих действиях, заслугах, продвигать себя. Более того, в ходе обсуждения научных фактов ученые склонны, во-первых, выражать отношение к партнеру по коммуникации и, во-вторых, пытаться оказать воздействие на аудиторию, убеждая ее в достоверности и обоснованности полученных выводов [Кубрак 2009].

Полученные при исследовании научного дискурса данные полностью подтверждают интенциональную модель дискурса, в которой обобщен накопленный опыт изучения интенциональных оснований речи (см. об этом: [Павлова 2000; Ушакова, Павлова и др. 2000; Ушакова, Цепцов, Алексеев 1998 и др.]). Согласно этой модели, интенциональное пространство дискурса образуют не только интенциональная направленность на любую действительность и соответствующие ей конкретные интенции – анализ, обобщение, оценка и т.п., но и направленность субъекта на себя, а также направленность на партнера общения (аудиторию).

Близость научного и научного типа дипломатического дискурсов позволяют сделать допущение, что все эти интенциональные направленности могут быть актуальными и для последнего. Направленность на себя может проявляться либо в связи с обсуждаемой темой, т.е. переговорщик может подчеркивать свои собственные заслуги, оценивать свой личный вклад в решение проблемы, либо в попытках оказать влияние на других участников для достижения каких-то индивидуальных целей.

Однако совершенно очевидно, что замена интенции защиты интересов государства – главной цели в дипломатическом общении – своими личными целями, проявляемыми в интенции самопрезентации, является прямым свидетельством перестройки всей системы смысложизненных ориентаций индивида, указывает на кардинальные изменения в прагматическом уровне структуры языковой личности и утерю субъектом общения чувства гражданской самоидентификации.

Это предположение стало основой эмпирического исследования, в задачи которого входило описание интенциональной структуры успешных дипломатических переговоров и выявление интенциональных направленностей, связанных с интенцией самопрезентации, если таковые имели место.

Материалом для исследования послужили стенограммы переговоров между СССР и США, имевшие место в 1969-1972 годах. Советская сторона была представлена, наряду с первыми лицами государства, Министром иностранных дел СССР А.А. Громыко, помощником Генерального секретаря ЦК КПСС А.Александров и рядом других государственных чиновников высшего ранга, в том числе Послом СССР в США А.Ф.Добрыниным. С американской стороны, помимо президента США Р.Никсона, практически постоянными участниками переговоров были государственный секретарь США У. Роджерс, помощник президента США по вопросам национальной безопасности Г. Киссенджер, сотрудники аппарата

национальной безопасности США, а также Посол США в СССР Дж. Бим.

Методика исследования. Основной методикой анализа экспериментального материала в нашей работе был избран интент-анализ – теоретико-экспериментальный подход к изучению интенций субъекта по речи. Как отмечалось выше, этот подход разрабатывается коллективом лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН (см.: [Психологические исследования... 2002; Проблемы психологии ... 2005; Ситуационная и личностная ... 2007; Ушакова, Павлова и др. 2000; Ушакова, Цепцов, Алексеев 1998 и др.]) и активно применяется в современной психолингвистике при изучении проблем, связанных с коммуникацией, структурой взаимодействия, методами убеждения, влияния и рядом других вопросов, касающихся коммуникативной практики.

При проведении исследований в дискурсивной парадигме основные принципы интент-анализа предполагают:

- а) интерпретативный анализ речевого материала, опирающийся на коммуникативную компетенцию исследователя;
- б) учет всей коммуникативной ситуации;
- в) рассмотрение дискурса как единого семантического целого;
- г) валидизацию получаемых результатов [Ушакова, Павлова и др. 2000 и др.]

В нашей работе в ходе анализа материала процедура интент-анализа включала:

- а) выделение основных объектов референции в высказываниях;
- б) определение приписываемых этим объектам характеристик (дескрипторов);
- в) построение типологии дескрипторов;
- г) квалификацию соответствующей типу дескриптора основной интенциональной направленности;
- д) дальнейшую детализацию интенциональной структуры дипломатического дискурса определенного типа с учетом всего коммуникативного контекста, в том числе и возможных прагматических целей его участников;

е) выявление вариантов интенциональной структуры дипломатического дискурса в зависимости от ведущей интенциональной направленности и набора референциальных объектов.

ж) валидизацию результатов с помощью метода экспертной оценки, предполагавшую предъявление полученных в ходе анализа данных в виде утверждений типа «Говорящий стремится...», представленных на бланке, группе экспертов. Наряду с истинными в перечень были внесены и ложные утверждения, не обнаруженные в текстах. Экспертами выступили 5 человек – специалистов в области психолингвистики и психологии, имеющие опыт проведения интен-анализа. После прочтения материалов эксперты заполняли соответствующий бланк, в котором отражали степень своего согласия с каждым утверждением.

Основные результаты и их обсуждение

В каждом случае сначала анализировалась интенциональная составляющая речи каждого из участников переговоров, затем полученные результаты суммировались и делались выводы значимости данной интенциональной направленности в общей структуре дискурса.

В результате анализа стенограмм было выявлено следующее.

Основными объектами референции в ходе переговоров являлись:

1. Обсуждаемая ситуация либо проблема.
2. Своя страна, ее интересы.
3. Партнеры по переговорам.
4. Другие страны, международная ответственность.
5. Совместная деятельность и интересы обеих стран.

Основные интенциональные направленности в этом случае были квалифицированы как:

1. Направленность на действительность.

Конкретными интенциями в этом случае являлись:

- а) уточнение уже достигнутых согла-

шений, полученных результатов:

советская сторона – 19 (Л.И. Брежнев – 11, А.Н. Косыгин – 5, Н.В. Подгорный – 3)
американская сторона – 11 (Р. Никсон – 8, У. Роджерс – 3).

Л.И.Брежнев: «Мы высоко ценим наше сотрудничество по ряду вопросов, которое у нас было в прошлом и которое может послужить хорошим примером для будущего. Мы имеем в виду соглашение по Западному Берлину и высоко оцениваем Вашу роль в достижении этого соглашения, а также в деле ратификации договоров между ФРГ и СССР... например, в вопросе о замораживании стратегических вооружений, переговоры по которому идет около двух лет, а также по другим вопросам, которые будут завершены в ходе наших переговоров...» [Советско-американские отношения: 374]

Л.И.Брежнев: «Вчера мы упомянули такую цифру – семикратное или даже десятикратное уничтожение...» [там же: 375]

Р. Никсон: «...что касается положения дел с двусторонними документами, то, к счастью, мы достигли прогресса по целому ряду вопросов...» [там же: 375].

б) анализ ситуации:

советская сторона – 33 (Л.И. Брежнев – 25, А.Н. Косыгин – 8, Н.В. Подгорный – 0)

Л.И.Брежнев: «То, что мы не торговали долгое время – это огромная потеря. Ради чего это делалось, трудно себе представить... Это Советский Союз – огромная территория, огромные богатства и огромный рынок...» [там же: 378].

американская сторона – 26 (Р. Никсон – 21, У. Роджерс – 5).

Р. Никсон: «Даже если иметь в виду только возможность достижения соглашений о сотрудничестве..., то и это уже было бы значительным достижением. А сейчас мы имеем возможность, если устраним остающиеся трудности, выработать соглашение по всем этим, а также и по другим существенным вопросам...» [там же: 374].

«...То, что мы делаем сейчас, те соглашения, которые мы собираемся заклю-

чить, это только начало, и мы лишь строим фундамент, на котором можно было бы возвести такой же прекрасный зал, в каком проходит сейчас наша встреча. Например, договор об ограничении систем ПРО будет огромным сюрпризом для всего мира, так как впервые самые сильные державы достигли широкого соглашения...» [там же: 375].

г) объяснение своего видения ситуации или проблемы и путей их решения либо своей позиции

советская сторона – 33 (Л.И. Брежнев – 21, А.Н. Косыгин – 8, Н.В. Подгорный – 4):

Л.И. Брежнев: «Нет. Процесс модернизации и замены не должен вести к модификации шахтных пусковых установок. Мы готовы снять слово «значительное» из формулировки, если вы...» [там же: 405].

Н.А. Косыгин: «Каждое соглашение, особенно экономическое, это канва, на которой надо нарисовать хорошую картину. При этом надо взаимно доверять друг другу и проводить в жизнь достигнутые соглашения. Мы все – Л.И. Брежнев, Н.В. Подгорный и я – твердо стоим за выполнение тех соглашений, под которыми мы подписываемся. Поэтому с одной точки зрения с нами трудно вести переговоры, а с другой точки зрения – легко» [там же: 378].

американская сторона – 23 (Р. Никсон – 20, У. Роджерс – 3).

Р. Никсон: «Конкретные формулировки пусть вырабатывают наши эксперты...» [там же: 380].

Р. Никсон: «За этим столом нас свело вместе то, что обе наши страны являются сильными странами, что они взаимно уважают друг друга, а также то, что каждая сторона признает, что, независимо от нашего желания, ни та, ни другая из наших стран не может позволить другой получить над собой преимущество с точки зрения военной мощи. Временами то одна, то другая страна выходит вперед, но оба наши народы – это сильные народы, обладающие большими производительными ресурсами, и они по велению своей судьбы должны будут

в течение многих лет вести дела друг с другом на равной основе» [там же: 376].

д) выяснение точки зрения партнеров по переговорам

советская сторона – 16 (Л.И. Брежнев – 8, А.Н. Косыгин – 6, Н.В. Подгорный – 2)

Л.И. Брежнев: «Может быть, мы могли бы условиться о том, чтобы поручить...» [там же: 374].

Л.И. Брежнев: «Зачем вы поднимаете этот вопрос?» [там же: 405].

американская сторона – 8 (Р. Никсон – 5, У. Роджерс – 3).

2. Направленность на свою страну, защиту ее интересов

а) сформировать представление о своих установках в переговорах

советская сторона – 7 (Л.И. Брежнев – 5, А.Н. Косыгин – 2, Н.В. Подгорный – 0)

Л.И. Брежнев: «Исходя из вашего желания решать вопросы путем переговоров, а не конфронтации, мы приняли решение провести эту встречу...» [там же: 374].

Л.И. Брежнев: «Мы будем вести деловые переговоры» [там же: 376].

Л.И. Брежнев: «Мы готовы говорить откровенно и честно, чтобы достичь лучшего взаимопонимания и лучших решений» [там же: 376].

американская сторона – 5 (Р. Никсон – 4, У. Роджерс – 1).

Р. Никсон: «Мы надеемся, что наше личное знакомство укрепит, взаимопонимание возрастет.... Что мы сможем положить начало прогрессу, по сравнению с которым достигнутые соглашения покажутся не столь уж значительными».

Р. Никсон: «Любые вопросы, касающиеся самого существования нации, неизбежно занимают первое место, и поэтому переговоры об ограничении стратегических вооружений следовало бы вести очень тщательно» [там же: 378].

б) Подчеркнуть, что деятельность является отражением воли всего народа, направлена на служение его интересам и подотчетна:

- советская сторона – 8 (Л.И. Брежнев – 7, А.Н. Косыгин – 1, Н.В. Подгорный – 0);

Л.И. Брежнев: «Хотелось бы подчеркнуть, что высокая оценка этому сотрудничеству дана не только руководством, но и партией, и народом нашей страны» [там же: 374].

Л.И. Брежнев: «Они близки народу. Народ чувствителен к ним» [там же, с. 378].

Л.И. Брежнев: «Я бы согласился с таким вариантом... Трудно будет объяснить нашим военным, если мы не получим преимущества в 7 единиц. Если вы хотите сказать, что наших военных очень устраивает такой вариант, то могу сказать только одно: они недовольны» [там же: 405].

- американская сторона – 6 (Р. Никсон – 6, У. Роджерс – 0).

Р. Никсон: «Я хочу в заключение сказать, что у моих советских друзей я, возможно, пользуюсь репутацией твердолобого сторонника холодной войны, твердолобого антикоммуниста...

На земном шаре должно быть место для наших двух стран, для наших народов с их различными системами. Но мы не можем достичь этой цели, будучи чувствительными и лакируя наши разногласия. Мы можем достичь этой цели...путем переговоров...» [там же: 377].

Р. Никсон: «Есть еще вопрос, по которому я попрошу сказать несколько слов Роджерса. Этот вопрос касается американского конгресса, а Роджерс часто встречается с лидерами конгресса... Сейчас мы можем получить поддержку конгресса, но только при условии, что мы продвинемся вперед и в других областях» [там же: 378].

3. Направленность на партнеров по коммуникации

а) уточнение своей позиции и позиции партнеров, внесение предложений

- советская сторона – 25 (Л.И. Брежнев – 17, А.Н. Косыгин – 3, Н.В. Подгорный – 2, А.А. Громыко – 3)

Л.И. Брежнев: «Не скрывая своего резко критического отношения к ряду момен-

тов внешней американской политики мы, тем не менее, видим в наших с Вами переговорах возможность плодотворного влияния на всю международную обстановку» [там же: 368].

Л.И. Брежнев: «Если мы пытаемся обманывать друг друга, то зачем нам вообще какая-то «филькина грамота»? Мы играем честно. Конечно, любая модернизация предполагает улучшение. Так зачем вы поднимаете этот вопрос? Подход к делу по принципу «кто кого подловит» совершенно недопустим» [там же: 405].

Л.И. Брежнев: «Значит, у вас есть информации о числе наших подводных лодок. Предложение американской означает, что вы можете строить подводные лодки для замены старых. Вы хотите полной свободы, чтобы обновить весь ваш флот и заменить «Посейдонами» «Поларисы». Но мы не можем согласиться с заменой вами всего вашего флота» [там же: 405].

- американская сторона – 19 (Р. Никсон – 16, У. Роджерс – 3).

Р. Никсон: «Нас беспокоит не то, что касается шахтных пусковых установок, а модернизация, ведущая к изменению объема ракет. Изменение объема невозможно про- верить» [там же, с. 405].

б) оценка деятельности партнеров в конкретной ситуации переговоров:

- советская сторона – 23 (Л.И. Брежнев – 17, А.Н. Косыгин – 6, Н.В. Подгорный – 0, А.А. Громыко – 0);

Л.И. Брежнев: «Вы выразили пожелание самому подписать соответствующее соглашение, и мы это приветствуем» [там же: 380].

- американская сторона – 19 (Р. Никсон – 14, У. Роджерс – 5);

Р. Никсон: «Я считаю, что мысль о том, чтобы день за днем согласовывать и опубликовывать одно соглашение за другим – это очень хорошая мысль» [там же: 375].

в) выражение отношения к своим партнерам по переговорам:

- советская сторона – 17 (Л.И. Брежнев – 13, А.Н. Косыгин – 4, Н.В. Подгорный – 0,

А.А. Громыко – 0);

Л.И. Брежнев: «Мы высоко ценим наше сотрудничество по ряду вопросов, которое у нас было в прошлом и которое может послужить хорошим примером для будущего» [там же: 373].

Л.И. Брежнев: «Поскольку Вы наш гость и у нас такая традиция, мы хотим предоставить Вам слово, чтобы Вы высказали свою точку зрения по всем вопросам переговоров, которые были подняты» [там же: 374].

Л.И. Брежнев: «Перед тем, как высказать ряд соображений по существу тех вопросов, которые нам предстоит обсудить, хотел бы спросить, как Вы себя чувствуете?» [там же: 366].

- американская сторона – 15 (Р. Никсон – 14, У. Роджерс – 1).

Р. Никсон: «Со своей стороны я хотел бы сказать, что я крепко верю в свою систему, но я уважаю своих советских друзей за то, что они также крепко верят в свою систему» [там же: 377].

г) обращение с пожеланием, предложением:

- советская сторона – 22 (Л.И. Брежнев – 13, А.Н. Косыгин – 4, Н.В. Подгорный – 0, А.А. Громыко – 0).

Л.И. Брежнев: «Мы придаем большое значение нашим переговорам с Вами и имеем в виду вести эти переговоры, какие бы вопросы в них не затрагивались – в духе полной откровенности, открытого и честного изложения наших позиций и взглядов. Мы надеемся, что и Вы со своей стороны ответите тем же» [там же: 366 – 367].

А.Н. Косыгин: «Я думаю, что вопросы о стратегических вооружениях мы обязаны решить... При желании все препятствия могут быть преодолены, и мы обязаны это сделать» [там же: 379].

- американская сторона – 17 (Р. Никсон – 14, У. Роджерс – 1).

Р. Никсон: «Я бы предпочел обсудить эти вопросы здесь, в весьма узком кругу – с генеральным секретарем и кем-либо еще, кого он пожелает назначить» [там же: 380].

Р. Никсон: «Как я уже сказал Вам вчера, есть некоторые соглашения, в подписании которых я хотел бы участвовать лично» [там же: 375].

Р. Никсон: «Когда я призываю не ограничиваться тем, о чем мы договариваемся сейчас, я имею в виду, что мы должны...» [там же: 376].

д) уточнение взаимопонимания

- советская сторона – 9 (Л.И. Брежнев – 5, А.Н. Косыгин – 4, Н.В. Подгорный – 0, А.А. Громыко – 0);

Н.А. Косыгин: «У нас есть предложения, и у вас есть предложения...» [там же: 379].

Л.И. Брежнев: «У нас есть практически согласованные вопросы, которые также показывают атмосферу наших отношений... Может быть, одновременно с обзором общих проблем нам взяться за подписание конкретных договоров?» [там же: 380].

- американская сторона – 5 (Р. Никсон – 4, У. Роджерс – 1).

Р. Никсон: «Г-н Генеральный секретарь, Вы правильно указали на то, что наша позиция заключается в принципиальном согласии на проведение ...Мы имеем своих союзников в Европе, и вы имеете своих союзников в Европе. .. Поэтому мы можем попытаться договориться с вами в принципе, но, разумеется, будем и далее консультироваться со своими союзниками, как, видимо, и вы со своими...» [там же: 421].

У. Роджерс: «Поэтому президент предложил мне высказаться...» [там же: 613].

е) оценка деятельности партнеров по переговорам в целом

- советская сторона – 7 (Л.И. Брежнев – 6, А.Н. Косыгин – 1, Н.В. Подгорный – 0, А.А. Громыко – 0).

Л.И. Брежнев: «Я хотел бы еще раз повторить это Вам, что имя президента Рузвельта... тепло сохраняется в памяти советских людей» [там же: 364].

Л.И. Брежнев: «хочу сказать, что я высоко оцениваю тот факт, что президент согласился лично подписать многие из под-

готовленных двусторонних отношений. Это будет иметь большое значение» [там же: 371].

- американская сторона – 6 (Р. Никсон – 6, У. Роджерс – 0).

Р. Никсон: «С советской стороны вообще нелегко вести переговоры...» [там же: 378].

ж) выражение понимания позиции партнеров:

- советская сторона – 10 (Л.И. Брежнев – 8, А.Н. Косыгин – 2, Н.В. Подгорный – 0, А.А. Громыко – 0);

Л.И. Брежнев: «Ясно, что мы должны договориться о принципах, а эксперты сформулируют договоренность» [там же: 384].

- американская сторона – 8 (Р. Никсон – 8, У. Роджерс – 0).

Р. Никсон: «...но понимаю, что Вы, возможно, захотите, чтобы некоторые из них были подписаны Н.А.Косыгиным или Н.В.Подгорным» [там же: 371].

4. Направленность на внешнее окружение.

Подчеркнуть ответственность двух великих держав перед всем миром и стремление соответствовать ожиданиям мирового сообщества:

- советская сторона – 6 (Л.И. Брежнев – 4, А.Н. Косыгин – 1, Н.В. Подгорный – 1, А.А. Громыко – 0);

Л.И. Брежнев: «Хотелось бы подчеркнуть, что абстрагироваться от международной обстановки мы не имеем права, так как народы всего мира, а в первую очередь, советский и американский народы, ждут от наших переговоров результатов, которые свидетельствовали бы не о нарастании, о об ослаблении напряженности, и мы должны это учитывать...» [там же: 375].

Л.И. Брежнев: «Это произвело бы благоприятное впечатление на общественное мнение...» [там же: 380].

А.Н. Косыгин: «Весь мир так ждет этого соглашения» [там же: 381].

Н.В. Подгорный: «Но ведь это особый вопрос, имеющий огромное значение и для

Соединенных Штатов, и для Советского Союза, и для других стран» [там же: 378].

- американская сторона – 4 (Р. Никсон – 8, У. Роджерс – 0).

Р. Никсон: «Это практическое соображение, которое можно привести в этом зале, хотя с точки зрения общественного мнения удобнее говорить иначе» [там же: 379].

5. Направленность на совместную деятельность:

а) подчеркнуть совместную ответственность двух держав перед всем миром:

- советская сторона – 7 (Л.И. Брежнев – 4, А.Н. Косыгин – 2, Н.В. Подгорный – 0, А.А. Громыко – 0);

Л.И. Брежнев: «Мы еще раз хотели бы подчеркнуть, что мы придаем большое значение предстоящим переговорам и осознаем ответственность, которая лежит на нас, советских представителей, и на Вашей стороне...» [там же: 361].

Л.И. Брежнев: «Эта встреча проходит в очень сложной обстановке, когда есть много вопросов, не до конца решенных. Это налагает на нас особую ответственность в ходе переговоров» [там же: 378].

Л.И. Брежнев: «С самого начала становится очевидным, какие огромные и сложные проблемы нам предстоит решить в эти дни, и как они действительно могут изменить климат в мире» [там же: 379].

А.Н. Косыгин: «Если мы не решим этого вопроса сейчас, наши народы, все человечество, оно не простит нам этого» [там же: 379].

А.Н. Косыгин: «Весь мир так ждет этого соглашения, что если что-то будет поколеблено, то будет нанесен большой удар по надежде народов и их вере в нашу работу» [там же, с. 381].

- американская сторона – 5 (Р. Никсон – 5, У. Роджерс – 0).

Р. Никсон: «Данная встреча имеет наиважнейшее значение, поскольку мы с Вами представляем две наиболее могущественные державы мира...» [там же, с. 372].

б) подчеркнуть коллективные усилия представителей обеих стран, их общие интересы и возможности реализации совместных планов:

- советская сторона – 12 (Л.И. Брежнев – 6, А.Н. Косыгин – 4, Н.В. Подгорный – 0, А.А. Громыко – 2);

Л.И. Брежнев: *«Нам также следует отдать должное и Вам, и нам, и всем, кто принял участие в подготовке этой встречи»* [там же: 376].

- американская сторона – 11 (Р. Никсон – 9, У. Роджерс – 2).

Р. Никсон: *«...обнаруживаем, что наши общие интересы гораздо более важны, чем кажущиеся значительными разногласия»* [там же: 377].

в) Подчеркнуть величие обеих наций, ответственность перед своими народами:

- советская сторона – 6 (Л.И. Брежнев – 7, А.Н. Косыгин – 0, Н.В. Подгорный – 0, А.А. Громыко – 0).

Л.И. Брежнев: *«Надо сказать, Г-н президент, что по всем вопросам, которые будут обсуждаться, мы имеем в виду принять крупномасштабные решения, достойные наций двух государств»* [там же: 377].

Л.И. Брежнев: *«Думаю, что именно этого в первую очередь, ждут от нас и американский, и советский народы»* [там же: 367].

- американская сторона – 7 (Р. Никсон – 6, У. Роджерс – 0).

Р. Никсон: *«Данная встреча имеет наиважнейшее значение, поскольку мы с Вами представляем две наиболее могущественные державы мира»* [там же: 372].

Р. Никсон: *«На каждой же встрече мы можем не только обсуждать, но и согласовывать вопросы, имеющие существенное значение. Так и должны обстоять дела между двумя ведущими государствами мира»* [там же: 375].

Р. Никсон: *«...каждый из нас, здесь присутствующих, в конце концов чувствительный человек, но не по этой причине мы руководим двумя великими странами...»* [там же: 376].

Р. Никсон: *«К счастью, мы достигли такого этапа, когда обе наши страны обладают равной силой»* [там же: 377].

Таким образом, первый этап исследования эмпирического материала показал, что основными референциальными объектами в дипломатическом дискурсе научного типа того периода времени являлись не только обсуждаемая ситуация либо проблема (действительность), партнеры по коммуникации и другие страны, международная общность (аудитория). Не менее важными объектами референции оказались совместная деятельность и интересы обеих стран, а также своя страна и ее интересы. Каждая из этих пяти направленностей, в свою очередь, представлена набором характерных интенций, которые были актуальными в ходе переговоров и достаточно явно выражались их участниками при обращении к соответствующим референциальным объектам.

При этом главным объектом, на который направлено основное количество интенций, оказались именно партнеры по переговорам (44% от общего количества выраженных интенций). На первый взгляд это не вполне согласуется с традиционными воззрениями на переговоры, так как основным предметом в данном случае должна являться рассматриваемая проблема, которая требует определенного решения. Однако детальный анализ составляющих эту интенцию заставляет признать, что достижение успеха в дипломатии возможно только при ведущей направленности коммуникантов друг на друга и на совместную деятельность и интересы обеих стран (10,9%) – интенцию, являющуюся комплиментарной по отношению к интенциональной направленности на партнеров по общению.

Как выявляется, интенциональная направленность на партнеров по коммуникации является сложной структурой, все составляющие которой явно относятся к одному из уровней совместной деятельности.

Первый уровень – это предметно-деятельностный уровень, т.е. интенции,

связанные с содержательным аспектом взаимодействия. Сюда относятся интенции, отражающие стремление коммуникантов к уточнению своей позиции и позиции партнеров, внесение различных предложений (23%). Сюда же входят интенции, связанные с желанием уточнить взаимопонимание (7%)

Второй уровень связан с процедурой взаимодействия и включает в себя интенции, направленные на то, чтобы скоординировать деятельность: выдвижение определенных предложений, высказывание пожелания (19%) и подтверждение понимания, т.е. предоставление «обратной связи» (9%).

Именно эти интенции, структурирующие ситуацию общения и совместную деятельность, в совокупности отражают установку партнеров на кооперативное общение и чувство эмпатии, т.е. те важнейшие компоненты в структуре языковой личности, которые, как было показано нами ранее, превращают дипломатию в искусство и позволяют достигать своих целей.

Третий уровень – эмоциональный, целью которого является поддержание позитивной атмосферы переговоров. К этому уровню относятся интенции, в которых коммуниканты выражают свое отношение друг к другу (16%), свою оценку деятельности партнеров в данной конкретной ситуации (21%) и в целом (5%).

В интенциях данного уровня наиболее явно проявляется содержание когнитивных баз участников общения, которые, судя по вербальному компоненту коммуникации, содержат значительный объем знаний в различных областях.

Прежде всего, обращает на себя внимание само соотношение интенций. Достаточно часто участники переговоров прибегают к своеобразному «эмоциональному поглаживанию», необходимому для поддержания дружелюбной атмосферы. Значительное число высказываний содержит интенцию оценить деятельность партнеров в конкретной ситуации, однако общая оценка дается весьма редко, причем эта оценка, как правило, положительная.

Анализ вербальных средств выявляет несколько особенностей:

1. На оформление речи и выбор языковых средств влияет наполнение концептов, входящих в индивидуальное когнитивное пространство участников общения, которое опосредовано культурой.

У представителей советской стороны это, прежде всего, так называемый «мы»-дискурс (заметим, что местоимение я в стенограммах переговоров практически не фиксируется).

Содержанием национально-культурной когнитивной базы опосредованы и высказывания типа:

А.Н. Косыгин: *«При этом надо взаимно доверять друг другу и проводить в жизнь достигнутые соглашения. Мы все – Л.И.Брежнев, Н.В.Подгорный и я – твердо стоим за выполнение тех соглашений, под которыми мы подписываемся»* [там же: 378], (выделено нами – Л.Т.).

Здесь необходимо подчеркнуть, что в русском языковом сознании человек – это человек дела, слова, долга, чести.

Р. Никсон: *«Со своей стороны я хотел бы сказать, что я крепко верю в свою систему, но я уважаю своих советских друзей за то, что они также крепко верят в свою систему»* [там же, с. 377], (выделено нами – Л.Т.).

Употребление слова *друг* в данном контексте весьма симптоматично. Представители советской стороны в таких ситуациях употребляли слова *союзники, партнеры* и т.д.

2. Выбор моделей поведения участников общения отражает их культурную принадлежность.

Л.И. Брежнев: *«Поскольку Вы наш гость, мы хотим предоставить Вам слово, чтобы Вы высказали свою точку зрения по всем вопросам переговоров, которые были подняты»* [там же: 374].

Л.И. Брежнев: *«Перед тем, как высказать ряд соображений по существу тех вопросов, которые нам предстоит обсудить, хотел бы спросить, как Вы себя чувствуете?»* [там же: 366].

3. Несмотря на явную принадлежность к своей культуре, участники общения, в то же время, неоднократно демонстрируют знакомство с культурой своих партнеров. Такое поведение, на наш взгляд, свидетельствует, во-первых, о высокой степени подготовленности к беседе, и, во-вторых, часто помогает «разрядить» ситуацию и одновременно продемонстрировать уважение к своим партнерам, которое может проявляться как эксплицитно, так и имплицитно. В последнем случае большое значение играют интертекстуальные связи, представленные в виде цитат и ссылок на высказывания либо деятельность знаменитых дипломатов, политиков, или прецедентные феномены, что позволяет каждому подобному высказыванию выполнять одновременно несколько функций: референционную, оценочную, этикетную и т.д.

Одним из примеров может служить звучавший шутливо, но произнесенный в достаточно серьезный момент, диалог, в котором приняли участие практически все присутствующие на встрече:

Р. Никсон: *«Конкретные формулировки пусть выработывают наши эксперты. Известно, что в таком деле важна каждая запятая, что, в частности, известно на примере загадочной резолюции русского царя «Казнить нельзя помиловать».*

А.Н. Косыгин: *«С запятой мы справимся».*

Г. Киссенджер: *«Чем все же закончилось дело с тем преступником, в отношении которого русский царь принял такое загадочное решение?»*

Л.И. Брежнев: *«Его помиловали».*

Н.В. Подгорный: *«Запятая стояла правильно»* [там же: 380].

Такой референциальный объект как совместная деятельность и интересы обеих стран (10,9% от всех интенциональных направленностей) и относящиеся к нему интенциональные направленности, на наш взгляд, органично дополняют те интенции, которые проявляются по отношению к партнерам. Главной причиной, по которой мы выделяем эту группу как независимую, яв-

ляется то, что все входящие в нее интенции отражают именно совместную деятельность, подчеркивая то, что объединяет две страны, позволяя им плодотворно сотрудничать: их совместную ответственность перед всем миром (25% от содержания данной направленности), их общие интересы и основания для взаимодействия (48% от содержания данной направленности), равенство и величие двух наций (27% от содержания данной направленности).

И в данном случае можно вновь говорить не только о проявлении в речи ядерного слоя образа мира, определяющего структуру и вербальные средства в высказываниях коммуникантов (гражданская идентификация, гордость за свой народ), но и о хорошем знании образа мира своих партнеров по общению.

Все вышеназванные интенции полностью согласуются с русским образом мира, с направленностью русских, с одной стороны, на свой коллектив (в данном случае – свою страну, с которой они неразрывно связаны), а, с другой – на внешний мир, на гармоничное сосуществование с другими народами, предполагающее учет как своих, так и чужих интересов.

Не противоречат они, как представляется, и образу мира американцев. Отметим, что преобладание интенциональной направленности на партнера в дискурсе американской стороны вполне объяснимо с точки зрения американского прагматизма как базовой ценности американской культуры. С одной стороны, прагматизм в сочетании с реальной оценкой мощи СССР и его веса на международной арене, заставлял наших американских партнеров искать общие решения вопросов. С другой стороны, он постоянно проявлялся на вербально-семантическом уровне, подтверждая основополагающую характеристику американского стиля ведения переговоров – приверженность к систематическому прогрессу, в основе которого лежит поэтапное обсуждение проблем, вплоть до заключения окончательного соглашения. Иллюстрацией к этому является вы-

сказывание президента США, которое в разных вариациях довольно часто встречается в текстах стенограмм.

Р. Никсон: *«Я считаю, что мысль о том, чтобы день за днем согласовывать и опубликовывать одно соглашение за другим – это очень хорошая мысль»* [там же: 375].

Второй по значимости интенциональной направленностью оказалась интенциональная направленность на обсуждаемую проблему (37,1% от всех интенциональных направленностей), причем состав ее интенций был достаточно типичен и практически совпал с соответствующими интенциями, представленными в научном дискурсе. Наибольший вес в данном случае составляют интенции: анализ ситуации (33% от содержания данной направленности) и объяснение своего видения ситуации или проблемы и путей их решения либо своей позиции (31% от содержания данной направленности).

Первая интенция направлена на содержательный анализ ситуации, объяснение своих целей и задач и относится к предметно-деятельностному содержательному уровню общения. К этому же уровню можно отнести интенцию уточнить уже достигнутые соглашения, полученные результаты (23% от содержания данной направленности), в которую включается предметное обсуждение проблемы, прояснение различных моментов совместной деятельности.

Объяснение своего видения ситуации или проблемы и путей их решения, как и интенция выяснение точки зрения своих партнеров (13% от содержания данной направленности), как нам представляется, относятся к процедурному уровню коммуникации, цель которого – скоординировать действия партнеров, выработать общую позицию, в которой будут учтены по возможности все пожелания и возражения партнеров.

Эксплицитно выраженные интересы своей страны (6% от всех интенциональных направленностей) и направленность на окружающий мир, другие страны (2% от всех интенциональных направленностей) зани-

мают незначительное место в общей интенциональной структуре дискурса. Это вполне объяснимо, если принимать во внимание тот факт, что вся структура дискурса имплицитно пронизана, с одной стороны, мотивом защиты национальных интересов и, с другой, подчеркнутым уважением к позиции своего партнера, стремлением учитывать его точку зрения и признанием величия и равенства двух ведущих держав мира. В этом случае явное выражение своих предпочтений было бы избыточным, более того, оно могло бы разрушать ту атмосферу сотрудничества, в которой проходили переговоры, и на создание которой было затрачено столько усилий с обеих сторон.

Кратко суммируя результаты проведенного анализа, необходимо подчеркнуть следующее:

1. Главной интенциональной направленностью дипломатического дискурса научного типа, достигающего своей цели, является направленность на партнеров по коммуникации, с характерным для нее набором интенций, которые в совокупности обеспечивают создание атмосферы поиска совместных решений и рефлексии собственной деятельности.

2. Все выявляемые интенциональные направленности с их наборами интенций могут быть отнесены к одному из уровней совместной деятельности: предметно-деятельностному, процедурному либо эмоциональному. Эти интенциональные направленности часто оказываются комплиментарными, и именно это обстоятельство позволяет обеспечивать взаимодействие, ведущее в реализации поставленных коммуникантами целей.

3. Интенциональная структура дипломатического дискурса научного типа, в ходе которого его участники реализуют поставленные цели, имеет ряд общих черт с интенциональной структурой научного дискурса. В обоих случаях среди основных типовых объектов референции выделяются: проблема, требующая решения, партнеры по коммуникации, аудитория и соответствующи-

щие интенциональные направленности: направленность на обсуждение существующей проблемы, направленность на партнера, направленность на аудиторию.

4. Среди объектов референции в научном типе дипломатического дискурса, в ходе которого его основная цель была реализована, выявляются объекты, специфические именно для данного вида общения: совместная деятельность стран – участников переговоров и интересы своей страны. Наборы характерных для данных интенциональных направленностей интенций служат для выделения общих основ, объединяющих страны, участвующие в переговорах и позволяющих им вести совместную деятельность. Их появление может объясняться структурой образа мира, содержанием его ядерного слоя, в частности, чувством гражданской самоидентификации, и общим содержанием индивидуальных когнитивных пространств.

5. Интенция самопрезентации, ха-

рактерная для других видов дискурсивных практик, в данном случае не выявляется. Напротив, имеет место эффект «двойного субъекта»: каждый говорящий представляет, во-первых, свою страну и ее народ, и, во-вторых, определенный институт – Политбюро, Сенат США.

6. Интенциональная направленности и наборы соответствующих интенций у партнеров по коммуникации, несмотря на значительные различия в когнитивном и вербально-семантическом уровнях образов мира, оказываются практически одинаковыми. Это еще раз подтверждает, что главным фактором, определяющим равные отношения партнеров, является содержание ядерного слоя образа мира, глубоко укорененное чувство принадлежности к своей стране, веры в ее ценности и, соответственно, потребности защищать национальные интересы, мотивирующее переговорщиков к поиску совместных взаимовыгодных решений.

Список литературы

Бос Д., Майер Р. Подход к анализу научной дискуссии // Иностранная психология. – 1993. – Т.1. – № 2.

Гилберт Дж., Малкей М. Открывая ящик Пандоры. Социальный анализ высказываний ученых / Пер. с англ. М. Бланко, вст. ст. В. П. Скулачева, общ. ред. и послесл. А. Н. Шамина и Б. Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1987. – 268 с.

Кирилина А.В., Маслова Л.Н. Некоторые особенности устной научной дискуссии // Языковое сознание: Парадигмы исследования / под ред. Н.В. Уфимцевой и Т.Н. Ушаковой. - Москва -Калуга, 2007.- С. 255 - 276.

Кубрак Т.А. Интенция самопрезентации в научном дискурсе Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». – № 2. – 2009. – М.: Изд-во МГОУ. – 228 с. – С. 72 – 78.

Павлова Н.Д. Коммуникативная функция речи (Интенциональная и интерактивная составляющие) : Дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 : Москва, 2000. – 295 с.

Павлова Н.Д. Интенциональные основания вербальной коммуникации // Вестник РГНФ. – 2004. – № 3.

Психологические исследования дискурса / Отв. ред. Н.Д.Павлова. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 207 с.

Проблемы психологии дискурса / Отв. ред. – Н.Д.Павлова, И.А.Зачесова. – М.: ИП РАН, 2005. – 237 с.

Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Отв. ред. Н.Д.Павлова, И.А.Зачесова. – М.: ИП РАН, 2007. – 384 с.

Советско-американские отношения. Годы разрядки 1969–1972. Сборник документов. – Т. 1. 1969 – май 1972. – Книга 2. Январь – май 1972.

Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д. и др. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. СПб.: Алетейя, 2000. – 320 с.

Ушакова Т.Н., Цепцов В.А., Алексеев К.И. Интент – анализ политических текстов // Психологический журнал. –1998. – № 4.

А.А. Боронин

УДК 81'23

**МОНОМОДАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЕРСОНАЖНЫХ
СУБТЕКСТОВ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ
(ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

В статье даётся предварительный анализ результатов психолингвистического эксперимента, изучающего специфику мономодальной интерпретации персонажных субтекстов, представленных в художественной прозе. Устанавливается и описывается корреляция между персонажными субтекстами/кортежами и лингвоментальными структурами, относящимися к проекции текста.

Ключевые слова: персонажный субтекст, ольфакторика, мономодальная интерпретация художественного текста, психолингвистический эксперимент.

Alexandr A. Boronin

**TERMINOLOGICALLY HOMOGENOUS INTERPRETATION
OF CHARACTERS' MICROTTEXTS REPRESENTED
IN LITERARY PROSE
(ANALYSIS OF EXPERIMENTAL DATA)**

The article treats and summarizes the results of a psycholinguistic experiment covering the problem of a terminologically homogenous interpretation of characters' microtexts (and "chains" of characters' microtexts) in literary prose. The experimental results agree well with the theory of a textual mental image. The evident correlation between characters' microtexts ("chains" of characters' microtexts) and linguistically represented mental structures is especially emphasized and interpreted.

Key words: character's microtext, terminologically homogenous interpretation of literary text, psycholinguistic experiment.

Безоговорочная установка на многомерность, многослойность текстовой проекции как результата интерпретации может затруднять определение узловых моментов, характеризующих интерпретацию как вид деятельности. Специфика психолингвистического эксперимента, в котором в качестве стимула выступает текст, заключается в том, что задаваемую экспериментатором коммуникативную ситуацию можно рассматривать одновременно и как полноценный, естественный коммуникативный акт, и как модель деятельности, предполагающей использование речевого инструментария. Предъявление текста создаёт предпосылку для естественного речевого реагирования, и ограничение этой естественности экспериментатором (формулирование задания, стандартизирующего характер ответов) обеспечивает момент условности, исходный для построения модели речевой деятельности. Однако дальнейшее нарастание условности в истолковании полученных данных, возникающее в результате стандартизированной обработки ответов с преимущественным вниманием к количественным показателям, воссоздаёт обобщенно-формальную модель фрагмента речевой деятельности, которая диссонирует с индивидуально-семиотическим характером художественной коммуникации. Вместе с тем, при интерпретации результатов эксперимента можно впасть в иную крайность, гипертрофировав раздробленность интерпретирующих Я вместо того, чтобы, напротив, выделять зоны сопряженной субъектности. Выявить последние был призван проведённый нами во второй половине 2010 г. – начале 2011 г. психолингвистический эксперимент, отдельные результаты которого анализируются ниже.

Для участия в эксперименте было привлечено 106 ии. – в основном, студентов неязыкового вуза, являющихся гражданами РФ (77,35 % ии. – русские, 22,65 % ии. представляют другие национальности); родным языком для большинства является русский (84,9 %). Возрастной диапазон – от 16 до 30 лет,

медиана возраста – 19,34 года. 73,5 % ии. – девушки, 26,5 % ии. – юноши.

Текстом-стимулом послужил отрывок из романа Т.Н. Толстой «Кысь» [Толстая 2002: 69 – 71], содержащий описание коммуникативного взаимодействия персонажей (он же использовался в нашем более раннем эксперименте, см. [Боронин 2008]).

Основное задание формулировалось следующим образом:

В свободной форме запишите связанные с запахами ассоциации, возникающие в отношении каждого персонажного субтекста. Если ассоциаций, связанных с запахами, не возникает, поставьте прочерк рядом с соответствующим номером персонажного субтекста.

Установка на мономодальную интерпретацию персонажных субтекстов должна была предопределить стандартность и выборочность реагирования и создать исходную базовую операциональную основу, типизированный способ деятельности, что приводит к однородности коммуникативно-деятельностного пространства, облегчающей интерпретативное рубрицирование. Мы последовательно выделяем блоки микротекстов-реакций, исходя из соотношения последних с персонажными субтекстами, а затем даём обобщающий комментарий (в силу большого числа и разнообразия реакций-микротекстов привести их в ограниченной по объёму публикации не представляется возможным, поэтому они будут полностью приведены в других публикациях по данной теме).

Тут Варвара Лукинишна робко голос подаёт:

– Федор Кузьмич, вот я спросить хотела... У вас в стихах все настойчивее прева-лирует образ коня... Поясните, пожалуйста, «конь» — это что?.. [ПС 1]

В ответах ии. сквозь призму ольфакторной модальности интерпретируются простые денотаты, что создаёт расширяющееся пространство, отражённое в овнешняемых сегментах текстовой проекции: стимулы Фё-

дор Кузьмич (его семантический дублер *Варвара Лукинишна* представлен в моносубъектном нарративе – авторском вводе) и конь приводят к формированию пространственного образа, непосредственно закреплённого в ассоциативном микрополе *конюшня – деревня – деревенский – дом – луг – лес – природа – поле – двор – помещение* (называют пространство или указывают на отнесенность к нему), а опосредованно в ассоциативных микрополях *сено – навоз – трава – овёс – солома – опилки – полевые цветы – ландыш; молоко – табак – печь – выпечка – свежесыпеченный хлеб – домашние булки из печи – лук – яблоки – борщ – репа* (специфическая ольфакторная атрибуция). Темпоральные маркеры в ольфакторных ассоциациях на ПС 1 представлены гораздо реже: *старость – старый – нафталин*. При ольфакторной интерпретации происходит двойная трансформация образа деятельности: во-первых, ии. в заметной мере отстраняются от исходной фикциональной ситуации по словесному взаимодействию, переключаясь на предмет разговора. Во-вторых, сам предмет разговора по сути подменяется, освобождаясь от связей и отношений, моделируемых в персонажном субтексте (образ коня в стихах vs. конь). В коллективной текстовой проекции очерчивается новый – пространственный – контекст, в который вписывается предмет, фокусирующий на себе внимание испытуемых.

– Чой-то? – переспросил Федор Кузьмич. [ПС 2]

ПС 2 вызвал наибольшее число отказов в интерпретации (62), что связано с его максимальной структурно-содержательной простотой. Отказы от интерпретации связаны также с вышеуказанной тенденцией отстранения от фикционального контекста – коммуникативно-регулятивная информация игнорируется ии. в рамках заданной интерпретативной модальности. На этом фоне выделяется отрицательная оценочность реакций, связанная, по-видимому, с употребляемым в ПС 2 просторечием (в выраженно эксплицитной форме проявляется в реакциях *село и колхоз; тухлятина, что-то некуль-*

турное; мужицкий запах, с меньшей четкостью – в реакциях гнилой, мерзкий отвратительный, потный; отрицательный запах; больничный запах и в им подобных). Следует обратить внимание на интерпретативную инерционность в ответах ии.: так, испытуемая N. (18 л.) даёт ассоциаты *з. деревенского дома, з. того же старого дома и село* на ПС 1, ПС 2 и ПС 3 соответственно. Такая инерционность может указывать на отношение к персонажным субтекстам именно как к единицам единого кортежа, то есть несмотря на тенденцию отстранения от фикционального коммуникативного контекста и возможность относительно свободной сегментации текста с помощью ольфакторных и квазиольфакторных терминов целостность восприятия текста и его последующая интерпретации не нарушается.

– Конь... [3]

Информационный ряд следующего стимула – ПС 3 – представлен простым денотатом, что естественно может вызывать реакции, вполне характерные для ассоциативного эксперимента. Ии. давалась возможность свободного словесного выражения ольфакторных ассоциаций: большинство использовало «модальный оператор» *запах* в сочетании с существительным в родительном падеже. Такое использование модального оператора может быть вызвано конформизмом ии., стремящихся к формальному соблюдению условий эксперимента, и тогда ответы *конюшня* и *запах конюшни* следует признать тождественными, рассматривая их как стандартные стереотипные реакции (это пояснение справедливо ко всем реакциям, возникшим в результате интерпретации полифонического кортежа). Но несмотря на данное обстоятельство установка на мономодальную интерпретацию все же присутствует в сознании многих ии., о чем свидетельствует такая качественная атрибуция, как *запах опилок и лошади, приятный; запах мокрой гривы; шерсть, грива, запах мокрых волос; конского пота и свежескошенной травы* и др. Интерпретируя данный ПС, ии. продолжают конструировать пространственный образ,

различая запахи стойла, конюшни, деревни, леса, поля, пастбища, конного спорткомплекса. Особенно красноречивы в этом отношении реакции *свежий воздух, врывающийся в комнату и запах истоптанного сена в помещении*, семантически закрепляющие локализованную субъектность, альтернативную субъектности повествовательной инстанции (действующее лицо произведения).

– Сами, значит, не можем... Не справляемся, ага... Ну-ка? Кто догадливый? [ПС 4]

Интерпретация ПС 4 добавляет нам уверенности в том, что ии. менее чувствительны к коммуникативно-регулятивной информации, нежели к содержательно-фактуальной: лишь немногие интерпретаторы типизируют контекст употребления коммуникативно-регулятивной информации (ср.: *класс литературы, школа*) или отмечают характерные черты фикционального коммуниканта (*сельский мужик*). Примечательны такие реакции, как *жасмин, от которого кружится голова; лимона; полевые цветы; кофейный, горячий, обволакивающий, теплый* и т.д. Их смысл мало соотносится с семантикой ПС, что не делает эти реакции нерелевантными, ибо коммуникативно-деятельностный подход к их истолкованию позволяет увидеть в них маркеры стабилизации интерпретирующей деятельности, сигналы соотнесения с общей деятельностной установкой, причём сигналы не столь формальные, как это может показаться на первый взгляд.

– Мышь, – хрипло вышло у Бенедикта, хоть он и положил себе помалкивать: так на душе криво было. [ПС 5]

ПС 3 и ПС 5 имеют формально-содержательное сходство, но во втором из них формирование пространственного образа протекает не столь интенсивно, уступая место овнешнению отрицательной оценочности.

– Вот, голубушка. Видите? Вот голубчик справился. [ПС 6]

В содержательном отношении в ПС 6 доминирует коммуникативно-регулятивная информация, и, исходя из характера уже проанализированных «блоков» реакций, можно

предположить дальнейшую её недооценку со стороны ии. Однако коммуникативно-регулятивная информация этого ПС, соотносимая с констатацией факта и подразумевающая положительную оценочность, вызывает ярко выраженную оценочно-симметричную реакцию ии. – лишь два ответа подразумевают негативную оценочность (*птичий помёт; неприятно пахнувшие сельские жители*), а положительная оценочность находит наиболее корректное и консолидированное выражение в ольфакторных и квазиольфакторных терминах. Частота реакций, апеллирующих к кулинаризмам (см. также другие «блоки» реакций), по всей видимости, связана с стереотипным соотнесением в сознании ии. ольфакторной модальности с немногими предметными сферами (к которым, в частности, помимо кулинарии относятся флора, парфюмерия). Такие реакции мы называем тезаурусно-экзогенными реакциями, отличающимися от других реакций экзогенного типа – коммуникативно-экзогенных (к последним можно причислить реакции конформного характера, вызванные стремлением к формальному соблюдению экспериментально заданных требований, так как психолингвистический эксперимент сам по себе можно рассматривать как особый тип коммуникативной ситуации).

– Ну а «крылатый конь»? – волнуется Варвара Лукинишна. [ПС 7]

Основной чертой, характеризующей реакции ии. на ПС 7, становится сохранение положительной оценочности (получены лишь три реакции, так или иначе несущие негативную оценочность: *переживание, ощущение страха; з. старости, приторность; з. крови и пещер*), в основном выражающейся в смысловой доминанте свежесть. Уменьшается, по сравнению с предыдущим «блоком» реакций, число кулинаризмов, творческая (лингвопоэтическая) реакция коллективной языковой личности обусловлена выразительной образностью плана содержания лаконичного субтекста, в связи с чем мы позволим себе привести весь блок реакций полностью:

Свежий воздух; з. раннего утра; з. све-

жести; з. роз и лилий; быстрый, ветреный; з. луговой травы; переживание, ощущение страха; чистый, свежий воздух; ваниль; свежий, душистый; з. лёгкости, свежести; какой-то чистый, свежий воздух, как в деревне; напоминает запах чего-то сказочного, сладко-кислый, конфет; лёгкий з. свежести, ванили; з. красок, акварель; напоминает о з. музея – «крылатый конь» – Пегас – зал греческого искусства ММИ им. А.С. Пушкина; з. чернил; конюшня, сено, конский пот с примесью муската; деревенский воздух в поле; приятный з. (з. чистоты); з. перьев; з. огня; воздух, свежесть; з. старости, приторность; з. чистого, свежего воздуха перед дождём; з. леса, тайны какой-то; ваниль; з. чистого воздуха; з. сладкой ваты; свежесть; з. блинов; з. яблок; ванили; з. свежести; з. свежести; волшебство, з. камин; яблочный; весна; з. выпечки; свежесть; свежесть; необыкновенный з., причудливый; лавровый лист; волнение, резкий запах свежего; з. весны, волнения; усиление аромата духов; лук репчатый, з. еды; усиление аромата, присутствие волнения; сено; свежий воздух; з. птицы (курицы); з. после дождя; з. пера, пуха, травы, свежести; з. свежести и свежескошенной травы; холодно-свежий, з. мяты; з. свежести, открытого пространства; з. крови и пещер; з. вечерней свежести и чистого лесного воздуха; свежий воздух, з. зелени; з. женщины; интерес; з. весеннего утра; воздух морозного дня; перья; з. любимых духов; з. лесного утра на природе; морской бриз; з. варёной баранины; чудо небесное; з. жареной курицы; з. ванили; свежий з., как воздух после дождя; белый шоколад; з. поля после града; з. весны, свежий-свежий; з. гвоздики и корицы; з. летних цветов и трав.

Отдельного внимания заслуживают реакции ии. *усиление аромата, присутствие волнения; волнение, резкий запах свежего; запах весны, волнения.* Скорее всего, они связаны с интерференцией повествовательных планов, т.е. возникли под влиянием паракортежного элемента *волнуется Варвара Лукинишина* (аналогично этому влияние речевого отрезка так на душе криво было на усиление

негативной оценочности в реакциях на ПС 5). Такие реакции являются интерференционно-нарративными. В данном блоке реакций они малочисленны, лингвопоэтическая трактовка ПС 7 свидетельствует о предельной фокусировке внимания интерпретаторов на речевой сфере действующего лица, которая (фокусировка) становится возможной не только благодаря содержательным особенностям речевого шага персонажа (образность), но и из-за понижения влияния авторского контекста. Это относится к ПС 8, из которого ии. выводят смысловую доминанту *сырость* (27 раз упоминаются «ядерные» репрезентанты смысловой доминанты ‘сырость’, ‘сырой’), представленную на фоне свёртывания положительной оценочности:

– Летучая мышь. [ПС 8]

Таким образом, мы наблюдаем то, что проекция текста подразумевает, помимо прочего, формирование ментальных аналогов кортежей (что позволяет, в свою очередь, обозначить кортеж, включающий в себя ПС 6 и 7) на основе оценочного вектора.

– А как понимать: «скребницей чистил он коня»? [ПС 9]

Главными «точками опоры» для (квази)ольфакторной интерпретации стали простой (ср.: *конь, конский пот с примесью муската*) и сложный денотаты включённого текста (*з. чистящих средств, химия*), которые практически полностью вытеснили рефлексию над лингвопоэтическим наполнением включённого текста и практически исключили ПС из фикционального коммуникативного контекста.

– Ну, голубушка, вы ведь сырую мышь есть не будете? Шкурку сымете, правильно? Ежели суфле али бланманже с ее взбить, вы ж ее всю пообдерете, верно? Ежели, к примеру, вам с ее, с мыши, вздумалось пти-фри а ля мод на ореховой кулисе изготовить али запечь под бешамелью с крутонами? А то мышаток малых наловишь и давай шнель-клопс наворачивать, блинчатый, с волованчиками? Нешто вы их не почистите? – Федор Кузьмич посмеялся эдак недоверчиво и головкой покрутил. [ПС 10]

В этом блоке мы сталкиваемся преимущественно с конвенциональными реакциями, напрямую обусловленными содержанием ПС 10, но семиотическое дублирование происходит неоднотипно, а с помощью нескольких приёмов – генерализации (з. *очень вкусной еды*), добавления (з. *сациви, блинов, сметаны*) и нестрогого иконического дублирования (з. *сырого мяса, з. запеченного мяса*). Заметим попутно, что строгое иконическое дублирование по модели «конь – з. коня» может характеризовать конформные реакции, о которых мы говорили выше.

– А?! Что ж мне вас учить. Думаете, мне сочинять легко? Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды, ага. Забыли? Я ж об этом сочинял. Не спи, не спи, художник. Не предавайся сну. Да и окромя искусства дел невпроворот: день-деньской изобретаешь, крутишься-крутишься, ажио мозги вспухли. На мне ж все государство. Другой раз и не присядешь. Вот сейчас Указ сочинил, на днях получите, ага. Хороший, интересный. Спасибо скажете. [ПС 11]

В этом блоке ведущими являются полиольфакторные реакции, которые могут быть как «одновекторными» (з. *бумаги, газет*), так и «разновекторными» (з. *гор, чернил, красок; з. металла, з. бархатной ткани* и т.д.). По всей видимости, катализатором полиольфакторных реакций стала интертекстуальная маркированность ПС 11. Такие реакции признаются тематически релевантными, отличающимися от реакций типа *напряжение; пустота, чувство истощения* и проч. (их нерелевантность обусловлена отсутствием денотативного «сдвига», лежащего в основе тематически тождественных реакций).

– Слава Федору Кузьмичу! Долгих лет жизни! Заранее

благодарны! – закричали голубчики. [ПС 12]

В этом пласте реакций выделяется небольшая группа пироольфакторных интерпретаций (з. *шампанского и пороха; з., как от зажжённой спички; з. костра, воздуха; з. порохового дыма, роз; з. пороха и серы (горелой); з. горящей свечи*), вероятно, наи-

более адекватно отвечающих установке, сформулированной в задании. Контрастную группу составляют более частые (условно) конформные реакции, указывающие на коллективного адресанта (з. *толпы*) или передающие обобщенный характер коммуникативного акта (з. *славы*), ситуативных и эмоционально-чувственных условий его протекания (з. *праздника; благодарность; положительный з. Радость, надежда, уверенность*). Релевантные реакции конвенционального типа (*лёгкий з.; алкоголь* и проч.) и конформные реакции составляют приблизительно половину от общего числа реакций в этом блоке, что свидетельствует о лучшем распознавании их. – по сравнению с другими ПС – коммуникативно-регулятивной информации, о большей включенности в контекст ситуации словесного взаимодействия персонажей.

– Доброе утро, граждане. [ПС 13]

В этом блоке реакций происходит смещение фокуса интерпретации на монособъектный повествовательный план (ниже приводится его препозитивная часть), передающий важную информацию – изменяющиеся условия коммуникативной ситуации:

Тут отворились двери и вошел Никита Иванович. Все на него обернулись.

И Федор Кузьмич тоже. А он вошел как к себе домой, недовольный, в бороде ржавь застряла, шапку не снял, на колени не повалился, не закатил глаза под лоб. Не зажмурился.

Интерпретативная процедура «аппроксимация» [Боронин 2007: 65 – 72] воплощена в реакциях з. *дерева, ржавчины; з. горячего железа, металла; з. машинного масла, железа; з. окисленного железа* и проч. (к подобным реакциям можно отнести 13 ответов), вероятно, компенсирующих лауну, связанную со словом *ржавь*.

– Ведь неоднократно просил: поаккуратнее с печами. Следить надо. Старого человека постоянно гоняете. [ПС 14]

Этот стимул порождает содержательное поле, характеризующееся преобладанием «пиросемантических» ольфакторных

реакций, генезис которых обусловлен непосредственной апелляцией к семантике ПС 14, то есть существует генетическое качественное отличие «пиросемантических» ольфакторных интерпретаций ПС 12 и 14.

– Истопник Никита, знай свое дело, разжигай печь! – закричал Шакал Демьяныч страшным и зычным голосом. [ПС 15]

Число пироольфакторных реакций на этот стимул несколько возрастает, что придаёт ПС 15 статус микрокортежной доминанты в текстовой проекции (для полифонического микрокортежа ПС 14/15; под этим термином понимаются персонажные субтексты, представляющие два взаимосвязанных речевых «хода» фикциональных субъектов). Однородность образной картины на стимулы ПС 14 и 15 свидетельствует о том, что согласно уже наметившейся тенденции коммуникативно-регулятивная информация уходит на второй план.

– Вот что, Шакал, вы мне тут не тычете, – взвился Никита Иваныч. [ПС 16]

Трудность интерпретации коммуникативно-регулятивной информации с помощью (квази)ольфакторных терминов побудила ии. к частым отказам от интерпретации ПС 16 (51 реакция, 55 отказов), к истолкованиям на основе аппроксимации (з. *мокрой собаки*; з. *псины*), конформным интерпретациям (з. *обиды*), нарушению интерпретативной установки (*ярость*).

– И не указывайте!.. Мне триста лет, и я бюрократического хамства еще при Преступной Жизни навидался, благодарю покорно!.. Это ваша задача, ваша элементарная задача: поддерживать минимальный порядок! Ваши коллеги пьянствуют, а вы меня дергаете по пустякам. А в массовом алкоголизме, Шакал, отчасти и ваша вина. Да-да!!! Не первый раз вам говорю!!! Вы не склонны уважать человеческую личность. Как и многие, впрочем. И ваш ветеранский статус, – Никита Иваныч голос повысил и кривым пальцем по столешнице постучал, – попрошу не прерывать! ваш ветеранский статус не дает вам права меня третировать!!! Я такой же хомо сапиенс, гражданин и мутант, как и вы! Как и вот, –

рукой повел, – остальные граждане! [ПС 17]

В коллективной интерпретации этого ПС формируется семантическая доминанта *алкоголь*, на основе чего можно сделать вывод о наличии в ПС семантического центра, который обретает статус сильной позиции текстовой единицы при формировании проекции и воплощается в интерференционно-эндогенных реакциях: Ваши коллеги пьянствуют, а вы меня дергаете по пустякам. А в массовом алкоголизме, Шакал, отчасти и ваша вина.

– Тута сам Федор Кузьмич, слава ему, присутствуют!!! – затрясся Шакал Демьяныч. [ПС 18]

Смысловое поле интерпретирующих микротекстов, вторичных по отношению к ПС 18, обнаруживает обращение внимания ии. на зависимый паракортежный элемент *затрясся Шакал Демьяныч*, в результате чего в 17 реакциях из 59 эксплицируется эмоциональная информация (з. *страха*; з. *испуга* и т.д.). Симптоматично сходное переключение внимания ии. на зависимый паракортежный элемент при интерпретации ПС 19 (этому способствует большее семантическое стяжение в структурно однотипных синтаксических конструкциях единиц, относящихся к разным повествовательным планам):

– Тута я присутствую, – кашлянул Федор Кузьмич. [ПС 19]

Скорее уместно в этом случае вести речь именно о переключении, а не о смещении внимания ии., так как благодаря интерференционно-нарративным реакциям формируется семантически автономный образ-доминанта *болезнь* (з. *мокроты*; з. *сироп от кашля*; з. *лекарств*; з. *аптеки*; з. *медикаментов, лекарств* и прочие).

– Разжигайте печку, голубчик, ради Бога, ноженьки померзли. Разжигайте, чего зря сердчать. [ПС 20]

Облик смыслового поля, сформированного под воздействием этого стимула, определяют «пиросемантические» ольфакторные реакции (*жженная бумага, дрова, уголь, спички*; з. *дыма, дров, золы*) и примыкающие к ним термические описания (*холод зимний*),

чаще выраженные в виде конформного ответа (з. *тепла*).

Суммируя в предварительном порядке часть полученных результатов, можно сделать некоторые немаловажные выводы. Установка на мономодальную интерпретацию не становится неукоснительным руководством к действию – она является нежесткой и побуждает ии. к конвенциональным, конформным, творческим реакциям либо уклонению от ответа и к её нарушению. В коллективной проекции текста создаётся пространственный контекст, к которому относится предмет разговора, обративший на себя внимание ии. При мономодальной интерпретации (ольфакторной её можно называть с заметной долей условности) образ деятельности, представленный в художественном произведении, может трансформироваться из-за направления луча рефлексии исключительно на пер-

сонажные субтексты, что, в свою очередь, не является гарантией чувствительности к коммуникативно-регулятивной информации и не предохраняет от преобразования их содержательного плана при создании проекции текста. Подобные семантические преобразования могут вызываться и периодическими смещениями луча рефлексии на паракортежные элементы. Развертывание полисубъектного нарратива проецируется в сознание ии., выражаясь в смене локальных смысловых доминант. Результаты проведённого эксперимента позволяют заключить: 1) персонажные субтексты интерпретируются ии. не иначе как тесно взаимодействующие единицы полисубъектного повествовательного плана 2) реакции ии. соотносятся с разработанной нами ранее [Боронин 2007: 93–121] моделью текстовой проекции, состоящей из четырёх ментальных подструктур.

Список литературы

Боронин А.А. Интерпретация персонажных субтекстов: основы теории (на материале художественной прозы) [Монография] / А.А. Боронин. – М.: Изд-во МГОУ, 2007. – 349 с.

Боронин А.А. Проекция фикциональной коммуникативной ситуации (экспериментальное исследование) // Вопросы психолингвистики / Институт языкознания РАН. – 2008. – № 8. – С. 133 – 139.

Толстая Т.Н. Кысь. Роман. – Переиздание. – М.: Подкова, 2002. – 320 с.

Условные сокращения

з. – запах,

ии. – испытуемые,

ПС – персонажный субтекст (персонажные субтексты).

С.В. Власенко

**УДК 81'23, 81'246.3; 81'253, 81'255;
81'271.16, 81'276.6:62, 81'371, 81'372,
81'373.613**

**ПРЕОДОЛИМЫ ЛИ ЗАСАДЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО
ПЕРЕКОДИРОВАНИЯ?
ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ «ЛОЖНЫХ ДРУЗЕЙ» ПЕРЕВОДЧИКА:
ЭМПИРИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ**

В статье рассматриваются проблемы межъязыкового перевода как одного из видов межкультурной коммуникации на примере англо-русской языковой пары в связи с устойчивым явлением, которое служит серьезным барьером адекватной межкультурной коммуникации и традиционно именуется «ложными друзьями» переводчика. Приводятся данные эмпирических наблюдений, позволяющие детализировать природу буквализмов, одним из случаев которых являются «ложные друзья» переводчика. Анализ языкового сознания переводчика проводится в терминах Московской школы психолингвистики.

Ключевые слова: англо-русский перевод, квазиперевод, образ текста, ложные друзья переводчика, языковое сознание переводчика.

Svetlana V. Vlasenko

**ARE DORMANT HURDLES ENCOUNTERED IN LANGUAGE CODE
SWITCHING SURMOUNTABLE?
TRANSLATORS 'FALSE FRIENDS' AS LONG-LIVERS:
EMPIRICAL OBSERVATIONS**

The article features English–Russian translation problems exemplified by many instances specifically related to the sustainable phenomenon seriously impeding adequate cross-cultural communication, the so called translators "false friends". Literal translation is reviewed based on empirical data quoted herein which allow for treating 'false friends' as rooted in literal rendering of source texts or their components. Approaches to the translator's verbal conscience structure are addressed from the Moscow Psycholinguistics School perspective.

Key words: English-Russian translation, quasi-translation, text imagery, translator verbalization patterning, translators' false friends.

Для переводоведения существенно утверждение, что межъязыковой перевод в значительной мере возможен благодаря общности умственной части образов сознания, ассоциированных со словами-эквивалентами в языке оригинала и переводном языке.

Е.Ф. Тарасов

Проблема «ложных друзей» переводчика не нова: уже на ранних этапах становления и далее, в течение своего семидесятилетнего существования как отдельной отрасли лингвистики, переводоведение позиционировало данную проблему как отличающуюся особой нюансировкой. Смысловосприятие оригинала и смыслопостроение текста перевода характеризуются процессуально сложным механизмом мыследеятельности¹ и не наблюдаемым извне комплексом мыследействий, вследствие чего межъязыковой перевод вслед за Е.Ф. Тарасовым можно считать «трансцендентальным» объектом исследования психолингвистики. Знаменательны слова ученого-психолингвиста, своевременно указавшего на необходимость «учитывать те качества сознания как объекта научного анализа, которые существуют у него как трансцендентального феномена, не доступного прямому наблюдению» [Тарасов 1996: 18]. В связи с этим ученый полагает, что «трансцендентальность сознания обуславливает зависимость результатов исследования от используемых «приборов», таковыми могут считаться метасознания исследователей и объективированные ими смыслы в виде текстовых реализаций» [Там же].

Рассмотрение смысловосприятия переводчика в ходе межъязыкового перекодирования² в указанном ракурсе заметно меняет приоритеты в переводческой про-

блематике: определение минимальной единицы перевода и установление эквивалентности между оригиналом и переводным текстом с учетом видов исходных текстов и их жанровой принадлежности, выводя отдельно стоящий вопрос о «ложных друзьях» переводчика из тени полусерьезной маргинальности в круг серьезных и значимых проблем. Под «ложными друзьями» понимаются случаи поверхностного совпадения единиц исходного и переводящего языка, близки по форме и звучанию слова, например *sympathy* → *сочувствие, сострадание*, а не *симпатия, и соответственно, *deepest sympathy* → *глубочайшие соболезнования*; *sympathy card* → *открытка с выражением соболезнований*; *actual* → *фактический, реальный*, а не *актуальный; *specific* → *конкретный*, а не *специальный, например, *languages for special purposes* → *языки для специальных целей, специальные языки* и др.; *concrete* → *бетонный, бетонированный*, а не *конкретный и, соответственно, *concrete article* → *бетонное изделие*, а не *конкретная статья; *concrete area* → *площадь сечения бетона*, а не *конкретная зона/область, *requisite* → *необходимый, требуемый, служащий критерием или условием чего-л.*, а не реквизи́ты (какой-л. организации), ср. *реквизиты (банка)* → *bank details, реквизит документа* → *document entry* и т.д. и т.п.

Сошлемся на психолингвистическое исследование Н.И. Кулаковой о внутренних и внешних связях семантики слова, из которого органично вытекает **дихотомия освоенность–неосвоенность слова** в ментальном лексиконе носителя языка. Данная дихотомия представляется конструктивной в целях изучения языкового сознания (далее – ЯС) переводчика как межъязыкового посредника, ЯС которого работает в ре-

¹ Термины *мыследеятельность* и *мыследействие* заимствованы у Г.П. Щедровицкого [Щедровицкий 2005: 447] и используются нами для рассмотрения процедурных вопросов межъязыкового перекодирования.

² Здесь и далее по тексту под термином *межъязыковое перекодирование* понимается *межъязыковой перевод*.

жиме постоянных нагрузок именно в отношении освоения семантических полей языковых единиц одновременно и параллельно на двух языковых кодах. Осваиваемые слова, словосочетания и их словоформы, порождая новые области психической реальности, видоизменяют существующие, фиксируя динамику, или эволюцию, языковых конструкторов в ментальном лексиконе переводчика. **Освоенность**, вероятно, следует рассматривать как фактор, указывающий на многочисленные и разнообразные связи слов и их словоформ, обуславливающие способность носителей языка к метаязыковым операциям. По мнению Н.И.Кулаковой, «слово, семантика которого **не освоена** в достаточной степени, в ментальном лексиконе не обнаруживает сколько-нибудь богатых связей» [Кулакова 2004: 10]. Кроме того, Н.И. Кулакова утверждает, что «при полной неосвоенности слово может вызывать у испытуемого случайную (с точки зрения семантики) реакцию, например, на основе звукового сходства» [Там же]. Убеждены, что под эти неосвоенные единицы прямо подпадают «ложные друзья» переводчика.

В статье предлагается мнение, согласно которому смысловосприятие переводчика в процессе межъязыкового перевода не ограничивается смыслопоиском, т.е. исключительно идентификацией максимально возможных предметных смыслов как составляющих «умственную часть образов сознания», но в значительной мере отражает образно-чувственные ощущения переводчика в отношении воспринимаемого им исходного текста и его отдельных единиц – слов, словосочетаний и текстовых последовательностей. Однако, есть много наблюдений в отношении того, что именно чувственные ощущения детерминируют последующую вербализацию переводчиком усвоенного смысла и образа переводимого им текста, которые он реконструирует

на переводящем языке в субъективном, индивидуализированном, формате.

Базовым для наших рассуждений о природе межъязыкового перевода как процесса является определение, которое дали межъязыковому переводу Т.А. ван Дейк и В. Кинч, утверждавшие, что «перевод – это не просто операция по превращению одной поверхностной формы в другую, но скорее соотнесение текстовых представлений через посредство ситуации» [Дейк, Кинч 1988: 180]. Наличие же «ложных друзей» в переводческом продукте – тексте перевода, по нашему убеждению, свидетельствует о механистичности мыследействий переводчика, о границах переводческих решений, которые не сопряжены с «соотнесением текстовых представлений через посредство ситуации».

Вместе с тем, предложенный Т.А. ван Дейком и В. Кинчем тезис о переводе как «соотнесении текстовых представлений через посредство ситуации», с опорой на который построена наша статья, содержит имплицитный вопрос: «А с какой ситуацией следует соотносить текстовые манифестации: с той, которую имел в виду автор оригинала, или которую реконструировал в своем сознании переводчик?». Теоретически вопрос решается в пользу автора, практически – в пользу переводчика. Иначе не родилась бы у В. Набокова фраза, ставшая крылатой: “*A translator instead of dressing up like the author, dresses the author like himself*”³. Представляется, что ответ на эти вопросы может дать ряд эмпирических наблюдений, которые анализируются в рамках настоящей публикации.

Изучение процедурной составляющей перевода свидетельствует о том, что переводящий субъект – переводчик или иной участник двуязычной коммуникации, опосредованной межъязыковым переводом, – все в большей мере становится объектом внимания и изучения переводоведов

³ *Вместо того чтобы облачиться в одежды автора, переводчик сам облачает автора в свои одежды (перевод наш. – С.В.).*

и психолингвистов (среди прочих см., например: [Власенко 1993, 1994, 1996, 2006, 2007а–б, 2008а–в, 2009а–д; Власенко, Сорокин, 2007а, 2007б; Залевская 1982, 2005, 2007а, 2007б; Зимняя 1993; Клюканов 1989; Рябцева 2007а, б; 2008; Сорокин, Клюканов 1991; ТППСПК 2006; Чернов 1987, 1988; Черняховская 1976, 1988; Федоров 2002; Фесенко 2003; Швейцер 1966, 1971, 1973, 1988а, 1988б, 2008]), а также исследователей в области филологической и психологической герменевтики [Богин 1989; Брудный 2005; Залевская 1971, Леонтьев Д.А. 2007; Сорокин, 2003; Сорокин, Власенко 1998]. Очевидную актуальность проблемы экспликации нестереотипного, творческого характера перевода отмечает Н.К. Рябцева, усматривая в переводоведении некоторую центростремительно развивающуюся дисциплину, «вовлекающую в свою орбиту все новые смежные области исследования, особенно культурологию, когнитивную лингвистику и теорию межкультурной коммуникации» [Рябцева 2008: 12].

Вышеназванная проблематика тесно связана с изучением структуры языкового сознания и, в частности, образной структуры языкового сознания. Актуальность сопряжения парадигм переводоведения и психолингвистики по-прежнему неустанно возрастает в условиях глобализации, роста темпов и усложнения контекстов коммуникативного взаимодействия, их профессионализации, не только в рамках экспертных сообществ. Вместе с тем, системное изучение образной структуры языкового сознания и соотношения его компонентов

– умственного и чувственного – в ракурсе межъязыкового перевода масштабным назвать трудно. В особенности это касается сферы профессиональной коммуникации, опосредуемой отраслевым переводом⁴.

Глобализационные процессы, затрагивающие разноязыких людей, стремящихся договариваться друг с другом, невзирая на устройство собственных менталитетов и системно-структурные расхождения родных языков, вынуждают лингвистов серьезнее анализировать то, что ранее казалось маргинальным, хотя и безусловным – чувственный компонент ЯС. Действительно, так ли нужно русскоязычным знание иностранных языков, если ни один из них не содержит ответа на вопрос о том, что кодируют сообщения типа: «Сникерсни в своем формате!»⁵ или «Эконика – сеть обувных каскетов»⁶ и др. Последнее из приведенных примеров – рекламное сообщение в Московском метро не понятно ни одному из опрошенных нами носителей русского языка. Если рассуждать практически, подчиняя восприятие разумному стремлению осмыслить воспринимаемое, то исходить следует из первоначального значения заимствованного слова *casket* → *шкатулка для хранения бумаг, драгоценностей и проч.; сборник литературных или музыкальных шедевров; сокровищница; (политехн.) контейнер (напр., для ядерного топлива); гроб*. Какое из словарных значений применимо для адекватного понимания рекламного сообщения об обувной сети? Если предпочесть «сокровищницу», то впечатление от порождаемого смысла создается нелепое.

⁴ Здесь и далее по тексту под отраслевым переводом понимается перевод в сфере профессиональной коммуникации, или профессионально ориентированный перевод, который в советской переводоведческой парадигме назывался специальным, поскольку опосредовал коммуникативное взаимодействие специалистов, использовавших языки соответствующих специальностей.

⁵ Надпись на рекламном щите, установленном на главном корпусе Российской государственной библиотеки (июль 2008 г.). Детальный разбор данного примера см. [Власенко 2008б] или электронный ресурс на сайте филологического факультета МГУ: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_36.pdf

⁶ Реклама на одной из центральных станций Московского метрополитена (март 2010 г.).

Другими словами, чувственный компонент практически не устраним из процессов восприятия и понимания.

Рассматривая межъязыковой перевод в широком коммуникативном контексте вне конкретных пар языков-коммуникантов, Е.Ф. Тарасов справедливо отмечает, что «деятельность переводчика и, следовательно, межъязыковой перевод – это частный случай межкультурного общения, так как переводчик, обладая своим национальным сознанием и представлением о чужом национальном сознании и владея двумя языками, может с помощью этих языков «овнешнить» в речевых сообщениях мысли участников межкультурного общения и предъявлять их для восприятия» [Тарасов 1999: 235].

Заметим, что успешность межкультурного общения не обеспечивается одной волею взаимодействующих коммуникантов. Острые проблемы современного межкультурного общения обнаруживают себя на фоне таких факторов, как интернационализация российского бизнеса: дефицит компетенций в социально-экономической области, снижающаяся социальная мобильность, увеличивающиеся миграционные потоки; отсутствие у большого числа русскоязычных «общего языка», в строгом смысле этого слова, с западным академическим и международным профессиональным сообществом, что препятствует полноценной интеграции в мировые сети обмена знаниями и технологиями в социально-экономической области⁷.

Дифференцированное изучение компонентов ЯС необходимо для решения

определенного круга проблем теории коммуникации и переводоведения, в том числе «ложных друзей» переводчика.

Недоперевод, переперевод, квазиперевод в ракурсе языкового сознания: «И не друг, и не враг – а так...»

Любой диалог культур реально протекает только в сознании носителя конкретной культуры, которому удалось постигнуть образы сознания носителей другой (чужой) культуры в ходе рефлексии над различиями квази-идентичных образов своей и чужой культур.

Е.Ф. Тарасов

Предложенные британским лингвистом-переводоведом А. Даффом лаконичные оценки качества переводческого продукта – «недоперевод» и «переперевод» [Duff 1981: 22] были подхвачены одними отечественными теоретиками [Клюканов 1989: 44] и развиты другими – «квазиперевод» [Швейцер 1988а: 4; Тарасов 1996; Власенко 2008а: 67–68; 2009а, б, д]. Такая нестрогая научная маркировка качества работает скорее как диагностическая метафора. Вместе с тем, контексты использования таких метафор могут быть достаточно серьезными. Так, по свидетельствам российских экспертов-экономистов во время их участия в совещаниях Европейской экономической комиссии (ООН), синхронные переводчики этой престижной организации⁸ переводили один из ключевых терминов макроэкономической

⁷ Электронный ресурс: «Программа развития государственного образовательного бюджетного учреждения высшего профессионального образования «Государственный университет – Высшая школа экономики», в отношении которого установлена категория «национальный исследовательский университет», на 2009–2018 годы»: <http://www.hse.ru/org/hse/niu/pr> (с приложениями). Режим доступа: <http://www.hse.ru/data/2009/11/27/1227708145/progr2009-11-26.pdf>

⁸ Данный пример убедителен еще и потому, что работающие в международных организациях переводчики не бывают людьми случайными, и, кроме того, проходят тщательное тестирование разного уровня сложности на проверку знаний и навыков для присвоения ранга профессионального мастерства.

статистики *input-output tables* не как *межотраслевой баланс* или *таблицы затрат–выгоды*, а как **вход–выгода*⁹. Вероятно, частичный буквализм, обеспечивший совпадение второго компонента термина с нужным эквивалентом (хотя и не в требуемом числе), свидетельствует о творческой изобретательности как переводческом подходе к единицам исходного текста в условиях незнания и, как следствие, высокой гипотетичности для переводчиков предмета обсуждения – референтного события [Власенко 2010а]. Вместе с тем, в таком буквализме есть след «ложного друга».

Представляется, что при непонимании переводимого предметного смысла частичное «попадание» в эквивалент вовсе не гарантировано, а скорее существует большая вероятность полного буквализма **вход–выход*, который вполне мог иметь место. Приведенный случай не следует относить к квазипереводу, а скорее к недопереводу, вызванному не изживающими себя «ложными друзьями» переводчика. При наличии у переводчиков более глубоких предметных знаний судьба «ложных друзей» в этом конкретном случае была бы предрешена и их завидное долголетие – прервано. Данный пример иллюстрирует доминанту умственного образа ЯС в отраслевом переводе, опосредующем взаимодействие предметными знаниями между экспертами на представительных международных форумах.

Здесь уместно сослаться на мнение Е.Ф. Тарасова о неизбежности различий сознаний носителей разных языков, хотя различия эти могут быть «непротиворечивыми и дополнительными», а рефлексия над этими различиями может служить источником новых знаний [Тарасов 1996: 20]. Рассматривая перевод в рамках герменевтических аспектов, отечественный ученый в области филологической герменевтики Г.И. Богин призывал «опираться на обыденную рефлексию» [Богин 1989: 11]. Однако,

не многие переводоведы, тем более редкие переводчики-практики брались за вопрос о чувственной ткани языкового сознания, скажем, англоговорящих, об образной структуре исходного языка, на котором создан оригинал. Среди немногих – В.И. Шаховский [Шаховский 2009]. В еще меньшей степени чувственная ткань языкового сознания анализировалась в аспекте профессионального перевода, в приложении к текстам, созданным и циркулирующим в сфере профессиональной коммуникации [Шаховский 1989]. В целях настоящей статьи сошлемся на мнение названного лингвиста-эмотиолога, который справедливо отмечает, что «эмотивный потенциал языка коммуникативно значим в межъязыковом общении: в процессе перевода с одного языка на другой особенно актуальными становятся знания о национально-культурной специфике картины мира, в том числе и ее эмоциональных фрагментов, проявляющейся в коде используемых языков. Эмоции – общечеловеческая универсалия, но их отражение в языке национально специфично, поэтому эмотивный компонент семантики языка естественно, согласно мнению эмотиологов, следует рассматривать в составе его культуроведческого аспекта» [Шаховский 2009: 40].

Чувственный компонент образности ускользает всякий раз, когда переводчик, или шире – переводящий субъект, предвкушает потенциальную легкость «перепорхнуть» с одного языкового кода на другой без видимого когнитивного усилия, без напряжения и концентрации внимания, не прибегая к «соотнесению текстовых представлений через посредство ситуации», к чему призывали Т.А. ван Дейк и В. Кинч. Видимо, именно поэтому «ложные друзья» переводчика отличаются долголетием, особой живучестью как переводческое явление. Примеры обсуждаемого явления находим повсеместно, включая речь СМИ: **нефтяные поля*¹⁰ (букв. от англ. oil fields)

⁹ Такого термина не существует ни в макроэкономике, ни в статистике национальных счетов, ни в близких или смежных областях знаний

¹⁰ По материалам программы «Вести в субботу» на телеканале Россия от 20.03.2010.

вместо *нефтяные месторождения*; **повышательные тенденции*¹¹ вместо *растущие*; **золото-извлекающая фабрика*¹² (от англ. gold-mine) вместо *золотодобывающий рудник* и т.п.

Виртуальные лексемы как «ложные друзья»

Преподавание английского языка юридической специальности позволило нам сделать одно наблюдение, которое может оказаться продуктивным для экстраполяции на феномен «ложных друзей» переводчика. Оно, кроме того, иллюстрирует важность этапа обучения иностранным языкам в формировании образной структуры ЯС в языковой паре английский – русский. По нашим наблюдениям для студентов-юристов характерна устойчивая тенденция использовать *поверхностное приравнение* терминов из двух языков-коммуникантов. Примером служит несуществующая лексема **counteragent*, которую студенты-юристы приравнивают к юридическому термину *контрагент*, понимая под тем и другим словом *договаривающуюся сторону* или *сторону по договору*. При этом, однако, первая лексема – английская – бессмысленна и смоделирована языковым сознанием студентов по словообразовательной модели английского языка. Лексема вовсе не означает ни контрагента, ни контрразведчика как представителя спецслужб. Свидетельством этому может служить соответствующий английский номинативный ряд: *counter-intelligence agent, secret-service agent, special-service agent*. Уместно указать также на английский ряд означивания лексемы *контрразведка* → *counter-espionage, counter-intelligence, intelligence service, intelligence agency; domestic intelligence, intelligence police*, ни один из членов которого не напоминает студенческий виртуальный продукт. При этом термин рос-

сийского права *контрагент* являет собой «многоликую» терминологическую единицу с несколькими вариантами означивания по обе стороны языков-коммуникантов: *договаривающиеся стороны, стороны договора, стороны по договору, стороны в договоре; договаривающиеся лица, контрагенты, контрактанты; участники в договоре; участники договора* и соответствующие англоязычные эквиваленты *contracting parties, parties to the contract, contract holders*. В рассмотренном случае вопрос о превалировании чувственно-образного компонента ЯС над его умственным компонентом представляется достаточно очевидным.

Ложные англицизмы: солидарное мнение зарубежного русиста

Рассуждения, созвучные нашим, находим у британского слависта Дж. Данна. Как следует из вышеприведенных примеров, заимствования проливают яркий свет на нивелирование чувственно-образной составляющей ЯС. Так, в частности, Дж. Данн отмечает, что «в русском языке, а также в других языках появляются «ложные англицизмы», не имеющие соответствий в английском. «Ложные англицизмы» существуют во многих европейских языках, в отдельных случаях... они доходят и до самого английского. В категорию «ложных англицизмов» в русском языке можно включить слова *шоумен* (английское слово *showman* употребляется совсем в другом значении), *шоувумен* (нет соответствия в английском языке) и слово *фейсконтроль*. Последнее слово впервые было зафиксировано в 70-е гг. прошлого века в Германии, где оно появилось как шуточный перевод немецкого *Gesichtskontrolle*. Русским языком слово *фейсконтроль* было заимствовано только во второй половине 90-х гг., скорее всего из греческого» [Данн 2007: 49]. Укажем, что упомянутое британским лингвистом сло-

¹¹ Программа «Рынки» на телеканале РБК от 28.05.2008.

¹² Информационная строка на телеканале РБК от 21.02.2008.

во *showman* в английском принимает значения *хозяин цирка, аттракциона*, а также *специалист по организации публичных зрелищ*, что по-русски некоторое время назад называлось *массовик-затейник*. Именно здесь и возникает вопрос, связанный с утверждением ученого-психолингвиста Е.Ф. Тарасова, вынесенным в эпиграф нашей статьи, об «общности умственной части образов сознания, ассоциированных со словами-эквивалентами в языке оригинала и переводном языке» [Тарасов 1999: 236–237]. Достижима ли общность умственной части образов сознания англоговорящих и русскоговорящих?

Дж. Данн не связывает подобного рода условную эквивалентность с пластами образности языкового сознания, усматривая в них последствия глобализации. В частности, он подытоживает свои рассуждения следующим образом: «А как все-таки будет по-английски *фейсконтроль*? Оказывается, что ответить довольно сложно, так как в английском языке нет соответствующего слова или фразы. Англоязычный сайт www.economist.com в 2005 г. объяснял ситуацию следующим образом: "Face contro" is the Russian translation for "The management reserves the right to refuse admission"¹³. Но многие русские, сделав неверный, но вполне логичный вывод, что *фейсконтроль* – это английское слово, стали употреблять *face control* в текстах на английском языке. Более того, англоязычные жители России, осознавая отсутствие удобного английского эквивалента, тоже стали употреблять *face control* в своей речи. На вышеупомянутом сайте *face control* теперь употребляется то в кавычках, то без них. Поисковая система Google показывает, что *face control* появилось во многих европейских языках, по всей видимости, под влиянием русского языка. Таким образом, слово *фейсконтроль* можно, вероятно, поставить в один ряд с такими

русскими словами, ставшими интернационализмами, как *спутник* и *гласность*. Вот истинное лицо языковой глобализации» [Данн 2007: 50].

Небезынтересны в ракурсе наших рассуждений и другие утверждения британского слависта, непосредственно касающиеся «ложных друзей» переводчика. Так, Дж. А. Данна отмечает, что «когда речь идет о «ложных друзьях», в большинстве случаев все-таки существует более «верный друг» или несколько «верных друзей». Эти переводы не всегда будут иметь прямую связь с оригиналом. Так, слову *холдинг* соответствуют *holding company (group, conglomerate)*; слову *креатив* – *creative activity* или *story*; слову *коммедж* – *(large) house*; слову *импичмент (губернатора)* – *vote of no confidence*» [Данн 2007: 49]. Укажем на особую значимость рассуждений британского слависта о прагматической составляющей, на его утверждение об отсутствии у переводных соответствий «прямой связи с оригиналом». Представляется, что имеется в виду четкая контекстная связанность и обусловленность двуязычных соответствий, их очевидная «утопленность» в иные социумы и (или) иные экзистенциальные и предметно-деятельностные контексты [Власенко 2007а, б].

Условная эквивалентность приведенных Дж. Данном англо-русских соответствий обращает нас к хрестоматийным понятиям переводоведения об эквивалентности и адекватности текстов перевода исходным текстам. Пример *импичмент (губернатора)* – *vote of no confidence*, в особенности, красноречив, поскольку представляет и экзистенциальный, и предметно-деятельностный контексты, т.е. и избирательные настроения представителей избирательного округа (бытовое сознание носителей русского языка), и прикладную политологию как область, описывающую и систематизирующую по-

¹³ *Администрация оставляет за собой право отказать желающим во входе [в помещение] (перевод наш. – С.В.).*

литически релевантные реалии и их динамику в социуме. Употребление «чужой» лексемы *импичмент* применительно к российскому контексту губернаторских выборов неуместно в связи с тем, что английская лексема *impeachment* имеет не совсем одинаковый объем понятия, т.е. свою страноведческую нюансировку, фиксирующую экстенционально различающийся потенциал лексемы в зависимости от страны употребления. Общелингвистическое значение лексемы включает *процедуру привлечения к ответственности высших гражданских должностных лиц, их возможное отстранение от должности и судебное преследование*; в Великобритании *impeachment* – это *парламентская судебная процедура в отношении лиц, совершивших тяжкие государственные преступления*; в США *impeachment* – это *процедура отстранения президента, вице-президента и высших гражданских должностных лиц от должности за государственную измену, взяточничество или за другие серьезные преступления и правонарушения по письменному представлению нижней палаты Конгресса*.

В ряде случаев заимствования в русском вообще не способны активировать какие-либо смыслы и (или) эмоции. Именно поэтому их восприятие не порождает ассоциативных связей. Мнение, созвучное нашему, выражает Дж. Данн, утверждая, что «в отдельных случаях может «подвернуться» эквивалент, имеющий только косвенную связь или совсем не имеющий связи с русским оригиналом. Русскому выражению *мягкое рейтинговое голосование* соответствует английское *indicative ranking vote*, здесь совпадают только последние элементы выражений, в то время как первый атрибутивный элемент¹⁴ носит большую аксиологическую и эмоциональную нагрузку. Однако здесь также есть более яркая альтернатива, взятая

из другой системы метафор («*beauty contest*» – кавычки обязательны, так как это выражение употребляется в переносном смысле). Этот же подход может применяться по отношению к выражению административные ресурсы: сомнительно, чтобы дословный английский перевод *administrative resources* передавал сущность этого выражения, и возможно, что более точным переводом было бы что-то вроде *the advantages of incumbency / office*» [Данн 2007: 49].

В целях настоящей статьи приведем последний пример. Русско-английская пара «*административный ресурс* – *administrative resource*» часто выступает в роли «друга» переводчика в самых разных контекстах профессиональной коммуникации. «Административные ресурсы» – фразеологическое словосочетание, широкая употребительность которого, с одной стороны, нивелировала его терминологический статус в субъязыках экономики, права, политологии и управления, сделав расхожей, если не «затертой», единицей общепотребительного пласта лексики, а с другой – заметно приблизила к статусу идиоматичного фразеологизма. В этой связи достаточно драматичной видится «судьба» семантики этого словосочетания с точки зрения полного охвата заведомо разных ассоциативно-образных ассоциаций, продемонстрированных носителями русского языка. Следующие номинативные реализации (овнешнения) позволяют объективировать образную структуру «административных ресурсов» в языковом сознании русскоязычных: *властные структуры, властные полномочия, совокупность правовых норм, превышение служебных полномочий, манипуляция общественным мнением, семейственность, протекционизм*¹⁵ и др. Представляется возможным привести альтернативные англоязычные варианты¹⁶, не ограничиваясь ни «ложным» другом *administrative resource*, ни вариантом Дж.

¹⁴ Выделен полужирным шрифтом.

¹⁵ По данным проведенного нами в 2010 г. направленного ассоциативного эксперимента [Власенко 2010б].

¹⁶ Альтернативные варианты перевода на английский наши. – С.В.

Данна the *advantages of incumbency / office*, хотя и идиоматичным, но не полностью охватывающим образную палитру носителей русского языка:

- *unfair advantage of incumbency*;
- *extending office mandate for reaching the desired result quickly by minimizing the time and resources available*;
- *abusing power to manipulate the current situation in the most desirable interests to hit personal or club targets*;
- *non-compliance practices by senior officials, i.e. lobbying club interests where no responsibility or accountability are implied* и др.

В ситуации такой вариативности образной структуры вовсе не удивительна практика более легкого переноса «тела» рассматриваемого фразеологизма в целостной форме из одного языкового кода в другой. Освоение его сложной семантики и коннотаций в переводе будет сопряжено с «погружением» в смыслы и коннотации и неминуемым разрушением исходной формы, что и демонстрируют наши варианты¹⁷.

Уместно закончить рассмотрение проблематики настоящей статьи утверждением Е.Ф. Тарасова, акцентирующим многомерность образной структуры сознания: «Нет одинаковых национальных культур, более того нет одинаковых образов сознания, отображающих одинаковые или даже один и тот же культурный предмет. Если бы даже культурный предмет был перенесен из одной национальной культуры в другую, то, следовательно, чувственный образ должен был бы быть одинаковым, но этого не происходит, т.к. для его формирования используются не только перцептивные данные, полученные при чувственном восприятии этого предмета, но и априорные знания (перцептивные эталоны), содержащие концептуальные, культурные по природе, знания. Умственный образ этого предмета (перенесенного из одной культуры в другую) всегда несет в себе элементы национально-культурной

специфики» [Тарасов 1996: 21]. Полагаем, что приведенные в статье примеры служат подтверждением незеркального и нелинейного характера межъязыкового перекодирования, в процессе которого умственный и чувственный компоненты ЯС коммуникантов соревнуются в доминировании и влиянии на переводческое решение.

Исходя из мнения Н.В. Уфимцевой и Е.Ф. Тарасова, которые вслед за А.Н. Леонтьевым, утверждают, что «языковое сознание – это знания, ассоциированные с языковыми знаками для овнешнения в процессе общения первичных и вторичных образов сознания» [Уфимцева, Тарасов 2010: 24], закономерно предположить, что множества (подмножества) первичных и вторичных образов ЯС переводчика, видимо, «удваиваются» вследствие необходимого рядоположения ассоциативно-образных структур двух языков-коммуникантов. При этом лексическая реализация знаний в процессе межъязыкового общения для переводчика оказывается сопряженной со сложными многоуровневыми переходами между первичными и вторичными образами, ассоциируемыми с переводимыми языковыми знаками контактирующих языков.

Как приведенные, так и многочисленные другие эмпирические данные о переводческих решениях в ходе неисчислимых по разнообразию ситуаций переводческой практики в языковой паре английский–русский дают основание трактовать природу «ложных друзей» переводчика как частный случай переводческих буквализмов. Исходя из вышесказанного, вовсе не удивительно, что многие переводчики прибегают к буквальному – неотрефлексированному – переводу. Не потому ли жизнь «ложных друзей» отличается завидным долголетием, сохраняя для пробующих себя на переводческой стезе постоянный соблазн непринужденного поверхностного переноса «тел» знаков, не требующий предметно осмысленного межъязыкового перекодирования?

¹⁷ Укажем, что данные варианты означивания жестко увязаны с дескрипциями, предоставленными респондентами в ходе нашего эксперимента, и представляются контекстно зависимыми в самом строгом понимании такой зависимости.

Список литературы

- Богин Г.И.* Прагматика текста и плюрализм интерпретаций // Теория перевода и методика обучения переводу : Сб. тез. науч.-тех. семинара. – Калуга, 1989. С. 11.
- Брудный А.А.* Психологическая герменевтика. – М., 2005.
- Власенко С.В.* Стратегии понимания // Понимание и рефлексия : Материалы 3-й Твер. герменевтической конф. в 2-х ч. – Тверь, 1993. Ч. 1, С. 110–115.
- Власенко С.В.* Управление пониманием дискурса: стратегические и тактические уровни целеполагания // Язык, сознание, культура, этнос: теория и прагматика : Матер. XI Всероссий. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1994. С. 17–19.
- Власенко С.В.* Факторы лакунизации текста (на основе анализа англо-американских и русских текстов разного коммуникативного статуса) : Автореф. дис. ... канд. филолог. наук / РАН. ИЯз. – М., 1996.
- Власенко С.В.* Перевод лакунизированного текста как процесс принятия переводческих решений в условиях неопределенности // Межкультурная коммуникация и перевод: Матер. 5-й межвуз. науч. конф. МОСУ. – М., 2006. С. 211–214.
- Власенко С.В.* Отраслевой перевод: синонимизация терминологии как метод компенсации системного диссонанса англо-русских терминосистем // Теория и практика лексикологических исследований / Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Вып. 532. – М., 2007а. С. 171–183. (Серия «Лингвистика»)
- Власенко С.В.* Прагматический аспект текстовосприятия в англо-русском отраслевом переводе // Лексическая системность английского языка в культурологическом ракурсе (семантика и функционирование) / Вестник Моск. гос. лингвистического ун-та. – Серия «Лингвистика». Вып. 537. – М., 2007б. С. 208–221.
- Власенко С.В.* Современное переводоведение: необозримые горизонты и актуальные проблемы развития (Очерк к 85-летию со дня рождения проф. А.Д. Швейцера) // Вопросы филологии. 2008а. № 3 (30). С. 65–75.
- Власенко С.В.* Адаптивность русского как переводящего языка в англо-русском коммуникативном взаимодействии с позиций переводоведения // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. – М., 2008б. Вып. 36. С. 70–82. http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_36.pdf
- Власенко С.В.* Понимание отраслевых текстов в межъязыковом переводе: тактика дифференцированного торможения при восприятии плотно лакунизированных текстовых единиц // Понимание текста: междисциплинарный подход к исследованию и обучению : Матер. 12-й науч.-практ. конф. по психологии и педагогике чтения // Журнал Межд. ин-та чтения им. А.А. Леонтьева. – М., 2008в. № 8. С. 31–33.
- Власенко С.В.* Русский как язык перевода современного глобального языкового кода // Русский язык за рубежом. – М., 2009а. № 3 (214). С. 63–68.
- Власенко С.В.* Англо-русский квазиперевод или тотальный языковой импорт англицизмов в современный русский язык // Мир русского слова. 2009б. № 1. С. 20–29.
- Власенко С.В.* Перевод в сфере профессиональной коммуникации: психолингвистические аспекты декодирования лексических лакун (англо-русские переводческие сопоставления) // Вестник Московского ун-та. Серия 22: Теория перевода. 2009 г. Вып. 2. С. 3–20.
- Власенко С.В.* Перевод в сфере профессиональной коммуникации: восприятие и понимание смысла отраслевых текстов в психолингвистическом ракурсе на примере анализа англо-русских переводческих прецедентов // Вестник Московского ун-та. – Серия 22: Теория перевода. 2009 г. Вып. 4. С. 16–40.

Власенко С.В. Что англизируется: русский язык или русское языковое сознание? (Взгляд переводчика-психолингвиста на заимствованные англицизмы с позиций профессиональной коммуникации) // Система языка и языковое мышление: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Е.Ф. Киров. – М., 2009д. С. 35–51.

Власенко С.В. Текст как объект референции // Вопросы психолингвистики. Вып. 1 (11). 2010а. С. 115–132.

Власенко С.В. Смысловосприятие у англо-русского переводчика: результаты одного психолингвистического эксперимента // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010б. С. 15–37.

Власенко С.В., Сорокин Ю.А. Текст как плотно лакунизированное пространство // Вопросы психолингвистики. 2007а. № 5. С. 41–45.

Власенко С.В., Сорокин Ю.А. Текст и области его референции (на примере англо-русских соответствий) // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве XXI века: Человек и его дискурс–3 : Сб. науч. ст. – Волгоград, 2007б. С. 87–111.

Данн Дж.А. Политтехнолог – это тот же spin doctor? А как будет по-английски фейс-контроль? Несколько замечаний по поводу безэквивалентной и псевдоэквивалентной лексики в новом русском языке // Русский язык за рубежом. 2007. № 6. С. 33–50.

Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. С. 153–211.

Залевская А.А. Об исследовании интервербальных связей // Сборник докладов и сообщений лингвистического общества. – Калинин, 1971. Т. 2. Вып. 1. С. 167–168.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. – Калинин, 1977.

Залевская А.А. О некоторых аспектах связи между формой и значением слова // Текст как психолингвистическая реальность: Сб. ст. / ИЯ АН СССР. – М., 1982. С. 42–60.

Залевская А.А. Понимание как перевод (системно-семиотический подход) // Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово и текст. – М., 2005. С. 364–366.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово и текст: Изб. тр. – М., 2005.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. 2-е изд. – М., 2007а.

Залевская А.А. Понимание и интерпретация: вопросы теории // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты : Сб. ст. / Под ред. Н.В. Уфимцевой. – М., Барнаул, 2007б. С. 24–39.

Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. – М., 2005.

Клюканов И.Э. Психолингвистические проблемы перевода: Уч. пос. Калинин: Изд-во Калин. гос. ун-та, 1989.

Кулакова Н.И. Внутренние и внешние связи в семантике слова (Экспериментальное исследование на материале русского языка) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2004.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М., 2007.

Львовская З.Д. Современные проблемы перевода / Пер. с исп. – М., 2008.

Ричардсон Дж.Т.Э. Мысленные образы. Когнитивный подход / Пер. с англ. – М., 2006.

Рябцева Н.К. Металингвистические знания в теории и практике перевода // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний. – М.-Калуга, 2007а. С. 102–111.

Рябцева Н.К. Язык и рефлексия // Язык и действительность: Сб. науч. тр. памяти В.Г. Гака. М., 2007б. С. 62–71.

Рябцева Н.К. Стереотипность и творчество в переводе // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2008. Вып. 12. С. 12–26.

Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М., 2003.

Сорокин Ю.А., Власенко С.В. Переводческая рефлексия: эмпирический и гипотетический референт в переводе [Электронный ресурс] // *Hermeneutics in Russia*. Tver State University, Russia. 1998. Vol. 2. No. 2. <http://www.tversu.ru/Science/Hermeneutics/1998-2/1998-2-10.pdf>

Сорокин Ю.А., Клюканов И.Э. Психолингвистика и перевод // Введение в психолингвистику: Текст лекций. Часть II / МГЛУ. – М., 1991. С. 57–77.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // *Этнокультурная специфика языкового сознания* : Сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 1996. С. 7–21.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение и перевод // Теория перевода и методика подготовки переводчиков : Мат. науч.-практич. конф. ВУМО. – М., 1999. С. 235–237.

Уфимцева Н.В. Археология языкового сознания: первые результаты // *Язык. Сознание. Культура* / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М.-Калуга, 2005. С. 205–216.

Уфимцева Н.В., Тарасов Е.Ф. Проблемы изучения языкового сознания // *Вопросы психолингвистики*. 2009. № 2(10). С. 22–29.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы). – СПб., 2002.

Фесенко Т.А. Концептуальные основы перевода. – Тамбов, 2001.

Чернов Г.В. Основы синхронного перевода. – М., 1987.

Чернов Г.В. Контекстно-свободная и контекстно-связанная имплицативность и проблема переводимости // *Текст и перевод*: Сб. науч. ст. – М., 1988. С. 51–63.

Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура. – М., 1976.

Черняховская Л.А. Информационная структура текста как объект перевода // *Текст и перевод*: Сб. науч. ст. / Под ред. проф. А.Д. Швейцера. – М., 1988. С. 17–24.

Шаховский В.И. Национально-культурная специфика эмоций в языке оригинала и ее отражение в языке перевода // *Тетради переводчика* : Науч.-теор. сб. / Под ред. проф. В.Н. Комиссарова. Вып. 23. – М., 1989. С. 74–83.

Шаховский В.И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // *Вопросы психолингвистики*. 2009. № 9. С. 29–43.

Швейцер А.Д. Различительные элементы американского и британского вариантов современного литературного английского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1966.

Швейцер А.Д. Литературный английский язык в США и Англии. – М., 1971.

Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М., 1973.

Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М., 1988а.

Швейцер А.Д. Предисловие // *Текст и перевод*: Сб. науч. ст. – М., 1988б. – С. 3–5.

Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика: эволюция связей // *Вопросы филологии*. 2008. № 3 (30). С. 62–64.

Щедровицкий Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия : Изб. тр. – М., 1995.

Duff A. *The Third Language: Recurrent Problems of Translation into English*. – Oxford: Pergamon Press, 1981.

Vlasenko S.V. On Pragmatic Aspects of Translation // *On Pragmatic Aspects of Translation // Translation – The Vital Link : The XIII International Federation of Translators (FIT – IFT) World Congress : Proceedings in 2 Vols*. L.: Institute of Translation and Interpreting, UK, 1993. Vol. 1. P. 642–648.

Waard J., Nida E.A. From One Language to Another. Functional Equivalence in Bible Translating. Nashville: Nelson Publ., 1986.

Yokoyama O.T. Discourse and Word Order. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamin Publ. Comp., 1986. (Pragmatics and Beyond Series)

Лексикографические источники

АРФС: Финансовый словарь. В 2-х тт. / Авт.-сост. В.Я. Факов. – М., 2005. Т. I. Англо-русский словарь.

БАРФЭС: Большой англо-русский финансово-экономический словарь / Авт.-сост. А.Г. Пивовар. Под ред. В.И. Осипова. – М., 2000.

ТППСПК: Теория и практика перевода в сфере профессиональной коммуникации: толковый словарь / Авт.-сост. С. В. Власенко // Власенко С. В. Договорное право: практика профессионального перевода в языковой паре английский русский. – М., 2006. С. 16–90.

АВВУУ: АВВУУ LINGVO 12: Electronic Multilingual Dictionary. 2006. (Электронный ресурс).

С.В. Боголепова, А.П. Василевич

УДК 81'23

ОБ УНИВЕРСАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ СТРУКТУРЫ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ НАЗВАНИЙ ЧАСТЕЙ ТЕЛА

По результатам анализа словарных статей стимулов глаз и лицо в русско- и англоязычных ассоциативных тезаурусах, предложена классификация реакций, проведен анализ состава и сравнение значимости предложенных категорий в пределах каждого языка. Сопоставление результатов для русского и английского языков позволяет выявить особенности мировосприятия носителей этих языков.

Ключевые слова: части тела, ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, языковая картина мира.

Svetlana V. Bogolepova, Alexander P. Vasilevich

ON THE COMPREHENSIVE NATURE OF THE STRUCTURE OF THE ASSOCIATIVE FIELDS OF WORDS DENOTING PARTS OF A BODY

Basing on the analysis of the entries concerning the stimuli eye and face in English and Russian associative dictionaries, the associations were classified into several categories. Different salience of the categories in the two languages indicates some deductions about the specific properties of the linguistic world image of Russian and English speakers.

Key words: parts of a body, associative experiment, associative field, linguistic image of the world.

В предыдущих работах одного из авторов был проведен анализ определений, описывающих глаза и лицо, встретившихся в художественной литературе и чатах [Боголепова 2009; 2009а]. В результате для каждой части тела была предложена классификация определений, причем оказалось, что обе классификации были весьма сходными как на русском, так и на английском материале. Это дало нам основание предположить, что разработанная классификация достаточно универсальна и в дальнейшем может быть использована для анализа данных по другим частям тела, а возможно и других языков. Менее очевидной была возможность экстраполяции этой классификации на результаты *ассоциативного эксперимента*, в котором в качестве стимулов выступают названия частей тела.

Разумеется, кроме проверки валидности разработанной ранее классификации, мы имели в виду также решить и две самостоятельные задачи самого ассоциативного эксперимента:

1) оценить относительную значимость выделенных ранее категорий в пределах каждого языка;

2) сравнить состав категорий и степень их значимости для русского и английского языков.

В качестве материала исследования естественно было остановиться на тех же частях тела, на которых была разработана обсуждаемая классификация. Соответственно, в статье рассматриваются множество ассоциаций на стимулы *глаз (глаза) / eye (eyes)* и *лицо / face*.

Как известно, ассоциативный эксперимент направлен на выявление ассоциаций, т.е. закономерных связей между фактами, событиями и явлениями, отраженными в сознании индивида. При проведении свободного ассоциативного эксперимента экспериментатор предлагает испытуемому список слов и просит на каждое слово прореагировать первым пришедшим в голову словом-

ассоциацией. Получаемое в результате ассоциативного эксперимента ассоциативное поле слова является не только фрагментом так называемой вербально-семантической сети, но и частью образа мира, сформированного под влиянием культуры, к которой принадлежит респондент. Таким образом, проанализировав состав ассоциативного поля, мы можем сделать некоторые предположения о том, какие особенности отличают мировоззрение представителей соответствующей культуры.

Материал исследования

В качестве материала исследования были взяты опубликованные данные двух ассоциативных словарей: Эдинбургского Ассоциативного Тезауруса (Edinburgh Associative Thesaurus – далее ЕАТ) и Русского Ассоциативного Словаря (далее РАС). Напомним, что ассоциативные эксперименты, ставшие основой корпусов ЕАТ и РАС, являются по своей сути свободными.

В ЕАТ приводится 181 ассоциация к стимулам *eye, eyes* и 86 ассоциаций к стимулу *face*. Соответственно в РАС имеется 507 ассоциаций на стимул *глаза* и 562 ассоциаций на стимул *лицо*. Эти наборы ассоциаций и составили материал нашего исследования.

Классификация ассоциаций

Мы начали с того, что, как и в случае с анализом текста, разделили ассоциации на две большие группы:

- 1) ассоциации, связанные с характеристикой данной части тела;
- 2) прочие ассоциации.

Каждую большую группу мы разделили на несколько подгрупп. О разумности сделанного деления читатель может судить по данным таблицы 1.

Важно подчеркнуть, что выделенные нами категории охватывают практически все ассоциации, имевшиеся в нашем распоряжении: в случае со стимулом «глаз» доля слов, *не вошедших* ни в одну категорию, составила 4% от всего объема исследованной

Таблица 1. Классификация ассоциаций

	№ №	Название категории	Примеры русских ассоциаций на стимул		Примеры английских ассоциаций на стимул	
			глаз (а)	лицо	eye (s)	face
Характеристика	1	действие, функция	глядеть, зрение, открыть, моргать, прищурить	горит, осунулось, пожелтело, сияет	see, look, watch, close, open	lift, turn, smile
	2	форма	круглые, раскосые навывкате;	круглое, овальное, вытянутое, косое	round	full, round
	3	цвет	голубые, карие, красные	бледное, красное, желтое	brown, green	dark, pale, red, rose
	4	размер	большие, огромные	–	large, wide, enormous	–
	5	физическое состояние ¹	зоркий, острый, кривой, больной	гладкое, со шрамом, заспанное	sore, hurt, blind	spot
	6	оценка	красивые, бездонные, как озера	красивое, любимое, страшное	beautiful, pretty	ugly, pretty, lovely
Прочие ассоциации	7	составные элементы	зрачок, веко	голова, руки	eyelid	body, hair, neck
	8	другие части тела	нос	глаза, нос	tooth, face	mouth, nose, features
	9	предметы и понятия ²	свет, тьма, зрелище, очки	человек, зеркало	glass, drop	mask, clock, cloth
	10	отражение сущности человека	душа, совесть, злобный	умное, веселое, грустное, наглое,	smart	character, expression
	11	указание на обладателя	человека, тигра, трупа	человека, друга, девушки	–	–

лексики англоязычного источника и 3% от русскоязычного. Применительно к стимулу «лицо» соответствующие доли составили 3,4% и 1,6%.

Приведенные данные позволяют утверждать, что обсуждаемая нами классификация является достаточно полной.

Относительная значимость категорий

Естественно, что о значимости категории мы будем судить по тому, какая доля слов-ассоциатов на нее приходится: чем выше эта доля, тем более значимой следует признать данную категорию. Для сравнения

¹ Определения, дающие характеристику остроте зрения, а также физическому состоянию (в большинстве случаев нездоровому).

² Слова, связанные со зрением и возможностью видеть и его корректировкой.

Таблица 2. Доля категорий (в % от общего числа ассоциаций)

	Категории	глаз (a)	eye (s)	лицо	face
Характеристика	цвет	29,6	20,0	5,0	4,8
	физическое состояние	19,1	5,1	4,0	2,3
	действие, функция	12,1	17,1	1,4	21,2
	оценка	8,3	2,3	30,3	10,6
	размер	2,4	-	-	-
	форма	2,2	0,6	6,9	2,3
	Всего	73,7	45,1	47,6	41,2
Прочие ассоциации	составные элементы, а также другие части тела	10,8	48,3	11,5	30,6
	предметы и понятия	7,1	6,0	10,0	23,6
	отражение сущности	5,1	0,6	13,2	2,3
	принадлежность	3,3	-	17,7	2,3
	Всего	26,3	54,9	52,4	58,8

значимости категорий обратимся к таблице 2, из которой видно что, русскоязычные респонденты чаще дают ответы из категорий группы «характеристика», а англоязычные – «прочие ассоциации». Весьма различаются респонденты и относительно подгрупп. Но эти данные целесообразно рассмотреть отдельно для каждой части тела.

Глаза Англоязычные респонденты в большинстве случаев на стимул глаза дают названия других частей тела (*ear, nose, tooth, face*) или названия составных элементов глаза (*ball, lashes, lid, iris*), а в группе «характеристика» ведущее место занимают функции глаз и действия, которые они могут производить (*see, watch, vision, open, tears*). Во всех этих случаях соответствующие доли категорий русских информантов существенно ниже.

Русскоязычные респонденты обращают большее внимание на **физическое состояние** глаз, особенно на остроту зрения и зоркость (*зоркий, острый, меткий, орлиный, наметанный, верный, точный, кривой*). Значимость физического состояния глаз для русского человека подтверждается и данными анализа русскоязычной художественной литературы. Кстати, еще одно доказательство этому – выбор **цвета глаз**. Вообще-то он весьма важен для носителей обоих языков, как внешняя характеристика, которая может отражать как национальную

принадлежность их владельца, так и его физическое состояние. В целом эта категория у русских несколько более значима, но анализ показал, что все превышение идет, в основном, за счет тех названий цвета, которые говорят о неблагополучии организма (*красный, желтый, мутный* и т.п.).

Интересно взглянуть на результаты анализа с формально-языковой точки зрения, особенно для слов, входящих в довольно обширную категорию **предметы и понятия**. Реакции англоязычных испытуемых в некоторых случаях представляют собой словообразовательные ассоциации (*eyepiece, eyelighter, eyedrop*), что объясняется особенностями английского словообразования. Это, с нашей точки зрения, является свидетельством влияния структуры языка на ассоциативное мышление человека. В обоих языках встречается также упоминание предметов, ассоциативно связанных с омонимами слова-стимула. Ср.: *картошка, дверь* (глазок), *needle* 'иголка' (eye of a needle).

Теперь рассмотрим ядро ассоциативного поля слов «глаз, глаза», т.е. выделим самые частые ассоциации, даваемые респондентами в ассоциативных экспериментах, и соотнесем результат с выводами, приведенными выше. В английском языке выделить ассоциативное ядро не представляет трудности: для слова «eye» это будут

ассоциации *ball* (11), *see* (10), *ear* (9), *nose* (8); «eyes» – *blue* (20), *nose* (19). В русском для слова «глаза» неоспоримого лидера выделить трудно, наиболее же частотны реакции *голубые* (11), *карие* (9), *красивые* (7).

Лицо Обратимся к результатам для стимула *лицо* (*face*). Здесь мы наблюдаем преобладание ассоциаций, относящихся к группе «собственно ассоциации» в обоих языках (58,8% всех ассоциаций в ЕАТ и 52,4% в РАС).

Из результатов по отдельным категориям отметим, прежде всего, что русские обращают большое внимание на красоту лица, т.к. из 145 словоупотреблений, вошедших в категорию **оценка**, 61 принадлежит словам *красивое*, *красота*. Заметим, что среди ассоциаций, попавших в данную категорию, определяющие, отражающие положительное восприятие, мы находим чаще, чем отрицательные. В ЕАТ ассоциативный ряд много беднее, причем большим количеством словоупотреблений отличается слово *ugly* (5 из 9), только затем следуют *pretty* (2), *beautiful*, *lovely*.

Категория **другие части тела** является по результатам ЕАТ самой весомой (30,6 % от общего числа ассоциаций против 11,5 % в РАС). Обращает на себя внимание тот факт, что ядром данной категории для ЕАТ являются слова *mouth* и *nose*, в РАС – *глаза*. Другими словами, для русских главным элементом лица являются глаза.

В категории **предметы и понятия** мы находим понятия, имеющие сходные значе-

ния в обоих языках: *mask* – *маска*, *exterior*, *front* – *фасад*, *vis-age* – *макияж*, а также множество индивидуальных ассоциаций в РАС: *товарищ*, *книга*, *память*, *халат*; и опять составные слова в ЕАТ: *facetug*, *facepiece*, *facepack*.

Гораздо более объемной категорией в русском языке оказалась **отражение сущности и эмоционального состояния человека** – 13,2%; в ЕАТ зафиксировано всего две ассоциации – *character* и *expression* (2,3%). Здесь самой частой ассоциацией в РАС является *умное* (10 словоупотреблений из 63). *Лицо* вообще имеет по преимуществу ассоциации с положительной коннотацией (*веселое* 5, *доброе* 5, *открытое* 5, *смелое* 1); слов с отрицательной коннотацией крайне мало (*наглое* 2, *злое*, *идиотское*).

Лицо у русских – отражение индивидуальности, поэтому в русской аудитории важна категория **принадлежность** лица. Это, в первую очередь, *лицо человека* (29), *друга* (11). Заметим, что этот результат согласуется с утверждением Н.В. Уфимцевой о том, что русская культура «человекоцентрична» и «другоцентрична» (Уфимцева 1996).

Ядром ассоциативного поля слова *лицо* являются концепты *красивое*, *круглое*, *человека*; слова *face* – *lift*, *mouth*, *ears*.

Проведенное исследование в целом подтверждает универсальный характер предложенной нами классификации категорий ассоциативных полей названий частей тела.

Список литературы

Боголепова С.В. Описание глаз как индикатор языковой картины мира у русских и англичан // Современные лингвистические парадигмы: фундаментальные и прикладные аспекты; – М.: МГПУ, 2009а.

Боголепова С.В. Особенности описания лица в русском и английском языках // Вестник Московского Государственного областного университета, серия «Лингвистика», № 3, 2009б.

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания (под ред. Н.В. Уфимцевой). – М., 1996.

Ю.Н. Филиппович, А.В. Сиренко

УДК 81'23

**ПРОГРАММНЫЙ КОМПЛЕКС ИССЛЕДОВАНИЙ
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ
ВЕРБАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ
НА ОСНОВЕ
КОГНИТИВНОГО И АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТОВ**

В работе представлено программное решение для исследования когнитивной модели языкового сознания научной школы «Русская языковая личность». Приведены краткие сведения о применяемом подходе к моделированию вербального сознания. Описаны психолингвистические эксперименты, на результатах которых строится модель. Рассмотрены более ранние реализации, их режимы работы и ограничения, преодолению которых посвящена данная работа. Демонстрируется режим моделирования с альтернативой, отсутствующий у прежних программных решений. В заключение обозначены основные недостатки и ограничения программного комплекса, предложено направление дальнейшего развития.

Ключевые слова: программный комплекс, когнитивное моделирование, вербальное сознание, ассоциативный эксперимент, когнитивный эксперимент.

Yuriy N. Philippovich, Alexander V. Sirenko

**SOFTWARE TO RESEARCH PSYCHOLINGUISTIC MODEL
OF VERBAL CONSCIOUSNESS BASED ON COGNITIVE
AND ASSOCIATIVE EXPERIMENTS**

Paper presents software to research cognitive model of verbal consciousness, based on achievements of scientific school "Russian verbal personality". At the beginning, there is brief information about modeling approach. Paper continues by description of psycholinguistic experiments, which are empirical base of modeling. For previously presented solutions, modes and constraints are described. Different modes of new application are demonstrated, including modeling with alternatives, which weren't implemented before. In conclusion shortcomings of current solution are noticed, followed by suggestion of future improvements.

Key words: Research software, cognitive modeling, verbal consciousness, free associative experiment, cognitive experiment

Введение

Одним из направлений научной школы «Русская языковая личность» [ЭР1] является исследование и разработка компьютерных моделей вербального сознания – информационных технологий и лежащих в их основе формальных методов и алгоритмов, а также реализующих их программных систем и комплексов для моделирования вербального сознания.

Основные результаты работ данного направления носят по отношению к лингвистическим исследованиям школы «прикладной» (инструментально-вспомогательный) характер. Их назначение состоит в поддержке экспериментальной (теоретической и эмпирической) научной деятельности исследователей, а весь их комплекс представляет собой автоматизированную систему научных исследований психолингвистических экспериментов – АСНИ ПМ. Вместе с тем, выполняя инструментальную функцию «самопишущего интеллектуального пера и бумаги XX–XXI вв.», разрабатываемые информационные технологии претендуют и на относительно самостоятельную потенциальную роль действующего макета интеллектуальных компонент систем поиска информации, машинного перевода, автоматизированной обработки текста (text mining), извлечения и контроля знаний и др.

Объектом моделирования в рамках данного направления исследований и разработок является вербальное=языковое сознание (ЯС), которое само является *логико-лингвистической моделью* атрибутивной способности человека, его речемыслительной деятельности, и описывается следующими суждениями:

(а) Языковое сознание, являясь формой мышления человека с использованием языковых единиц (ЯЕ), возникает и развивается как процесс осознания – перехода от неосознанного (неопределенного, «альтернативного») восприятия предмета реального мира к осознанному (определенному, «безальтернативному»). Предмет осознан

– значит вербализован и ему в соответствие поставлена некоторая конкретная языковая единица [Филиппович, 2007: 123].

(б) «Языковое сознание складывается из вербально выраженных знаний о мире, т.е. содержанием языкового сознания является вербализованная часть картины мира. Языковая, или наивно-языковая, картина мира складывается не из слов, не из понятий, имеющих логико-лингвистическую природу, а из единиц когнитивной природы, обладающих различной системообразующей мощностью и вступающих одна с другой в различные иерархически-координативные отношения» [Караулов 2009: 168].

(в) Понятие элементарной единицы знаний – «фигуры знания», «когнемы» – введено и интерпретировано как минимальная когнитивная единица, представляющая собой пятикомпонентное отношение {<Знак> <Формула-смысла> <Способ> <Когнитивная область> <Функция>} [Караулов 2009: 27].

(г) «... языковое сознание представляет собой подвижное, динамическое образование, своего рода когнайзер, манипулирующий элементарными единицами знания (фигурами знания) и функционирующий в активном, смыслопорождающем (т.е. в направлении от знака – к смыслу) и пассивном, знакопорождающем (от смысла – к знаку) режимах» [Караулов 2004: 7].

В приведенных суждениях, представляющих и специфицирующих логико-лингвистическую модель ЯС, центральным понятием является – *когнайзер*. Сформируем «рамочное» (по отношению к исследовательским материалам, на основе которых написана данная статья) определение этого понятия в следующем виде:

Когнайзер – это лингвистическая база знаний, манипулирующая единицами знаний о мире (ЕЗМ) – единицами когнитивной природы (б), построенная на основе языковых единиц (а) и элементарных единиц знания (в) и функционирующая в режимах смысло... и знакопорождения (г).

В [Филиппович, 2006: 319–334; Фи-

липович, 2007: 123–143; Караулов 2009: 122–145] изложены основы построения *формальной модели когнайзера*. Модельными сущностями при этом являются: языковые картины мира (ассоциативный и когнитивный тезаурусы), полученные в результате проведения ассоциативного и когнитивного экспериментов и представленные в форме баз данных; два процесса вербализации знаний о реальном мире – активный (от слова к знанию) и пассивный (от знания к слову); когнайзер – база знаний, интегрирующая процессы вербализации знаний и базы данных ассоциативного и когнитивного экспериментов в форме процедуры осознания – принятия решения о выборе вербальных альтернатив представления знаний о реальном мире.

Процедура осознания (переход от неосознанного к осознанному = от невербализованного к вербализованному) в формальной модели когнайзера сведена к безальтернативным и альтернативным вариантам. Безальтернативные варианты осознания – это переходы от априори известных ЕЗМ к ЯЕ и обратно. Альтернативные варианты характеризуются вариативностью, неопределенностью (вероятностью) и неточностью этих переходов. Иначе, имеется множество ЕЗМ и ЯЕ, а также процедура перехода между ними, которая состоит в выборе альтернативных единиц, традиционно разделяемая на две составные части – критериальная оценка альтернатив и принятие решения о предпочтении (выбор альтернатив).

Для описания функционирования когнайзера как инструментального средства компьютерного моделирования смысло... и знакопорождения можно предложить три типа формализмов: а) формально-логическое описание ассоциативных отношений вербальных единиц смыслопорождающей (стимульно-реактивной) компоненты языкового сознания – *формально-логическая модель когнайзера*; б) описание знакопорождающей компоненты языкового сознания, как процедуры настройки (обучения) нейросетевой модели ассоциативно-вербальной

сети – *нейро-сетевая модель когнайзера*; в) описание генетических алгоритмов смысло... и знакопорождения в ассоциативно-вербальной сети – *эволюционная модель когнайзера*.

В данной статье рассматривается программный комплекс, реализующий формально-логическую модель пассивного режима работы когнайзера. В первых реализациях этой модели внимание уделялось безальтернативному варианту осознания, который сводился к моделированию перехода от Формулы смысла к Знаку посредством ассоциативно-вербальной сети. Программа «Когнайзер» [Сиренко, 2007: 264–277] реализовала только безальтернативный вариант работы когнайзера, выполняя поиск цепочек в ассоциативной сети между любыми двумя априори известными словами, представленными в таких компонентах когнем как Формула смысла и Знак. Последующие реализации формально-логической модели когнайзера более полно реализуют его логико-лингвистическое описание.

1. Программный комплекс «Лингвокультурный тезаурус русского языка»

Программный комплекс «Лингвокультурный тезаурус русского языка» [ЭР2], который в настоящее время доступен для пользователей Интернет, предоставляет возможности построения цепочек во фрагменте АВС и просмотра фигур знания в базе когнитивного эксперимента (выбор в поле Навигация – «Ассоциативная сеть» и «Тезаурус» соответственно, рис. 2 и 1).

Просмотр фигур знаний (рис. 1) в базе данных когнитивного эксперимента реализован следующим образом. Для фильтрации по компоненте когнемы необходимо поставить флажок в поле перед соответствующим параметром. Если не указаны параметры, то его результатом будет все множество фигур знания, имеющихся в базе данных. Значение параметра выбирается из списка (поля – **Способ, Функция**), отмечается подмножеством на множестве допустимых значений

(поле – **Область**), либо вводится в текстовое поле (поля – **Знак, Смысл**). Перед выполнением поиска можно задать порядок сортировки результатов (поле – **Сортировка**). Поиск осуществляется по нажатию кнопки **Пуск**. Просматривать результаты поиска можно постранично (поле – **Страница**, кнопка – **Перейти**).

возможным является задание длины искомым цепочек – от 1 до 5 или нахождение кратчайших путей в данном диапазоне длин.

Существенными ограничениями при поиске цепочек являются: отсутствие лемматизатора исходных данных и элементов АВС, возможности осуществить синонимичные замены исходных данных и учета

Знак ☐	<input type="text"/>	общее начало	<input type="button" value="▼"/>	Допустимые области (при отсутствии выбранных областей ограничения на когнитивную область снимаются) ☒ язык ☐ авиация ☐ автомобиль ☐ алкоголь ☐ анатомия ☐ античность ☐ армия ☐ археология ☐ архитектура ☐ астрология ☐ астрономия	
Смысл ☐	<input type="text"/>	вхождение	<input type="button" value="▼"/>		
Способ ☒	афоризм	Сортировка			
Функция ☐	☐ Ретушь ☒ Рецепт	Знак	<input type="button" value="▼"/>		
Найдено записей: 87 Страница <input type="text" value="1"/> <input type="button" value="Перейти"/>				<input type="button" value="Поиск"/>	
Номер	Знак	Формула смысла	Функция	Способ	Области
1	аванс	"Материализованное доверие" (неизвестный)	Рецепт	афоризм	язык
2	азарт	"... - это похоть успеха" (Э. Севрус).	Рецепт	афоризм	язык
3	алиби	"Иногда само ... и есть преступление" (С.Е. Лец).	Рецепт	афоризм	язык

Рисунок 1. Запрос фигур знания

При поиске цепочек (рис. 2) поля **Стимул** и **Реакция** могут содержать по одной лексической единице. При моделировании перехода от Формулы смысла к Знаку исследователь должен самостоятельно выполнить запрос для каждой компоненты Формулы смысла, а затем объединить результаты. Воз-

омонимии; при поиске цепочек не учитывается и не указывается общее число реакций стимула; возможно выполнение только единичных запросов. К числу ограничений следует также отнести и тот факт, что в программном комплексе используется только фрагмент РАС объемом 122059 стимульно-реактивных пар. Есть и другие ограничения, которые связаны с особенно-

Стимул	Реакция	<input type="button" value="Поиск"/>
тайга	деревья	
Диапазона длин <input type="button" value="▼"/>	Длина пути от <input type="text" value="1"/> до <input type="text" value="3"/> шагов (не используется при поиске кратчайших путей)	

Пути длины 2:

1. тайга -> чаща -> деревья

Пути длины 3:

2. тайга -> чаща -> роща -> деревья
3. тайга -> болото -> трава -> деревья
4. тайга -> степь -> трава -> деревья
5. тайга -> море -> ветер -> деревья

Рисунок 2. Запрос поиска ассоциативных цепочек

стями разработанных алгоритмов обмена данными.

2. Программный комплекс «Терминал автоматизированной системы научных исследований психолингвистических экспериментов»

Для преодоления ограничений моделирования безальтернативного варианта работы когнайзера существующего программного комплекса «Лингвокультурный тезаурус русского языка», а также реализации варианта осознания с альтернативой разработан новый программный комплекс «Терминал автоматизированной системы научных исследований психолингвистических экспериментов» (далее «Терминал», «Терминал АСНИ ПМ»). В нем используется следующее лингвистическое обеспечение: Ассоциативно-вербальная сеть на материале Русского ассоциативного словаря объемом 462530 стимульно-реактивных пар [РАС, 2002]; ~18 300 фигур знания трех этапов когнитивного эксперимента; Электронная версия словаря синонимов Абрамова (~4000 синонимичных рядов) [ЭР3]; Орфографический электронный словарь iSpell (~1300 тыс. словоформ, ~129 тыс. лемм) [ЭР4]; 1047 экспертных правил-инструкций обработки частичной омонимии АВС.

Новый программный комплекс по-прежнему моделирует пассивный, знакопорождающий режим работы когнайзера, т.е. переход от смысла к знаку, но в двух вариантах – безальтернативном и альтернативном.

В нем АВС представлена вероятностной контекстно-свободной грамматикой, а смена активных знаков при поиске и формировании цепочек принимает форму вывода. Статистические свойства ассоциативных пар изначально формируют вероятностные свойства правил грамматики. Затем грамматика дополняется контекстно-зависимыми правилами на основе фигур знания по принципу: Формула смысла соответствует левой части правила, Знак – правой части.

В программном комплексе возможна лемматизация и синонимичные замены вводимых данных, элементов АВС и фигур

знаний; при поиске цепочек учитывается частичная омонимия элементов АВС и частотные характеристики стимульно-реактивных пар; возможной стала обработка множественных запросов. Вместе с тем программный комплекс реализован только как локальная информационная система [Сиренко, 2010: 118–119].

При запуске «Терминала АСНИ ПМ» отображается главная экранная форма (рис. 3). В ней представлены 7 наборов инструментальных средств: **Словоформы, Ассоциативная сеть, Анализ данных в БД, Выбор когнем из БД, Создать когнему, Моделирование**. Каждое инструментальное средство (технология) состоит из отдельных процедур и операций, доступных для исследователя. Главным инструментальным средством является Моделирование, использование которого и позволяет реализовать пассивный режим работы когнайзера в безальтернативном и альтернативном вариантах.

Лемматизация. Ассоциативно-вербальная сеть содержит многообразные грамматические формы. Узлы АВС могут быть стимульными (S), стимульно-реактивными (SR) и реактивными (R). Заметим, что узлы S и SR чаще представлены словами в основной форме, чем узлы R. Формула смысла фигуры знания также включает лексические единицы в разных грамматических формах. Знак, напротив, всегда представлен словом в основной форме. Перед началом моделирования в безальтернативном режиме необходимо представить Формулу смысла в виде упорядоченного множества узлов S или SR типов, а Знак – узла R или SR типа. В результате, моделирование перехода от Формулы смысла к Знаку затрудняется отсутствием необходимых лексем среди стимулов и реакций. Лемматизация АВС позволяет более полно использовать лексемы Формулы смысла и Знака.

Синонимия. Следующей доработкой программы моделирования является использование в ней словаря синонимичных отношений. При отсутствии Знака среди SR и R

Рисунок 3. Главная форма Терминала АСНИ ПМ

узлов, выполняется поиск узлов из ряда его синонимов. Аналогичные суждения применимы к Формуле смысла и стимульным узлам. Предположим, требуется моделирование для Формулы смысла, включающей слово «лицедей». Его среди S и SR узлов АВС на основе РАС нет, но есть синонимичный ему – «актер». Замена позволяет произвести моделирование.

Омонимия. В лингвистической базе данных Терминала узлы ассоциативной сети, имеют текстовое поле «Релятор», формально позволяющее различать полные омонимы. При лемматизации АВС было выделено 1047 частичных омонимов (банк – банка, белок – белка), что делает неопределенными 25880 связей. Неоднозначность частичных омонимов в АВС была устранена посредством диалога с экспертом. Результатом стали программные инструкции для разделения ассоциативных связей по леммам частичных омонимов.

№ ассоциации	Лемма 1: цвет	Лемма 2: цветок
1	базис → цветов	аромат → цветов
2	выбор → цветов	вредитель → цветов
3	радуга → цветов	выставка → цветов
4	семь → цветов	ваза → цветов

Таблица 1. Фрагмент инструкций устранения частичной омонимии узла АВС «цветов».

Частичная омонимия также актуальна и для вводимых запросов пользователя на этапе поиска входов в АВС, но дальнейшее построение ассоциативной цепочки производится без смешения разделенных правил, что можем увидеть на примере лемматизированного фрагмента АВС, обработанного с помощью инструкций.

№ ассоциации	Лемма 1: цвет	Лемма 2: цветок
1	базис → цвет	аромат → цветок
2	выбор → цвет	вредитель → цветок
3	радуга → цвет	выставка → цветок
4	семь → цвет	ваза → цветок

Таблица 2. Пример лемматизированного фрагмента АВС, обработанного с помощью инструкций устранения частичной омонимии.

Полная омонимия не была устранена. Это касается как правил АВС, так и вводимых запросов пользователя. Внутренние структуры программы позволяют добавить к лексеме поясняющий релятор, но это требует разделения омонимичных узлов АВС, связанных с ними правил и соответствующих изменений в грамматике.

Поиск в АВС. В Терминале моделирование режимов работы когнайзера осуществ-

вляется с учетом частотных характеристик ассоциативных связей. Прежде всего, это используется для управления поиском и позволяет обрабатывать более устойчивые ассоциации в первую очередь. В результате повысилась эффективность вычислительных процедур.

Множественные запросы. Фигура знания (когнema) является ключевой структурой в программном комплексе, поскольку исходные данные моделирования представляются в форме когнем даже для вручную заданных пропозиций. Программный комплекс позволяет обрабатывать последовательно несколько когнем. На главной форме (рис. 3) отображаются когнемы, с которыми в настоящий момент работает пользователь.

3. Терминал АСНИ ПМ:

безальтернативный вариант когнайзера

Диалоговое окно настроек моделирования вызывается кнопкой Моделирование

главной формы.

Диалоговое окно позволяет установить:

- ограничения на длину вывода в грамматике: **кратчайший вывод, фиксированное число шагов вывода, диапазон числа шагов вывода;**
- источник данных для обработки: **Обработка текущих когнем** – используется список когнем, представленных в главной форме, **Произвольные пропозиции** – формула смысла и знак устанавливаются в соответствующих полях окна;
- режим поиска: **Безальтернативный поиск** или с альтернативой – **Поиск неизвестного знака;**
- когнитивные области, которыми может быть ограничен поиск в режиме с альтернативой – **Область;**
- сохранение результатов поиска во внешний файл: **Сохранить отчет;**
- отображение результатов поиска в

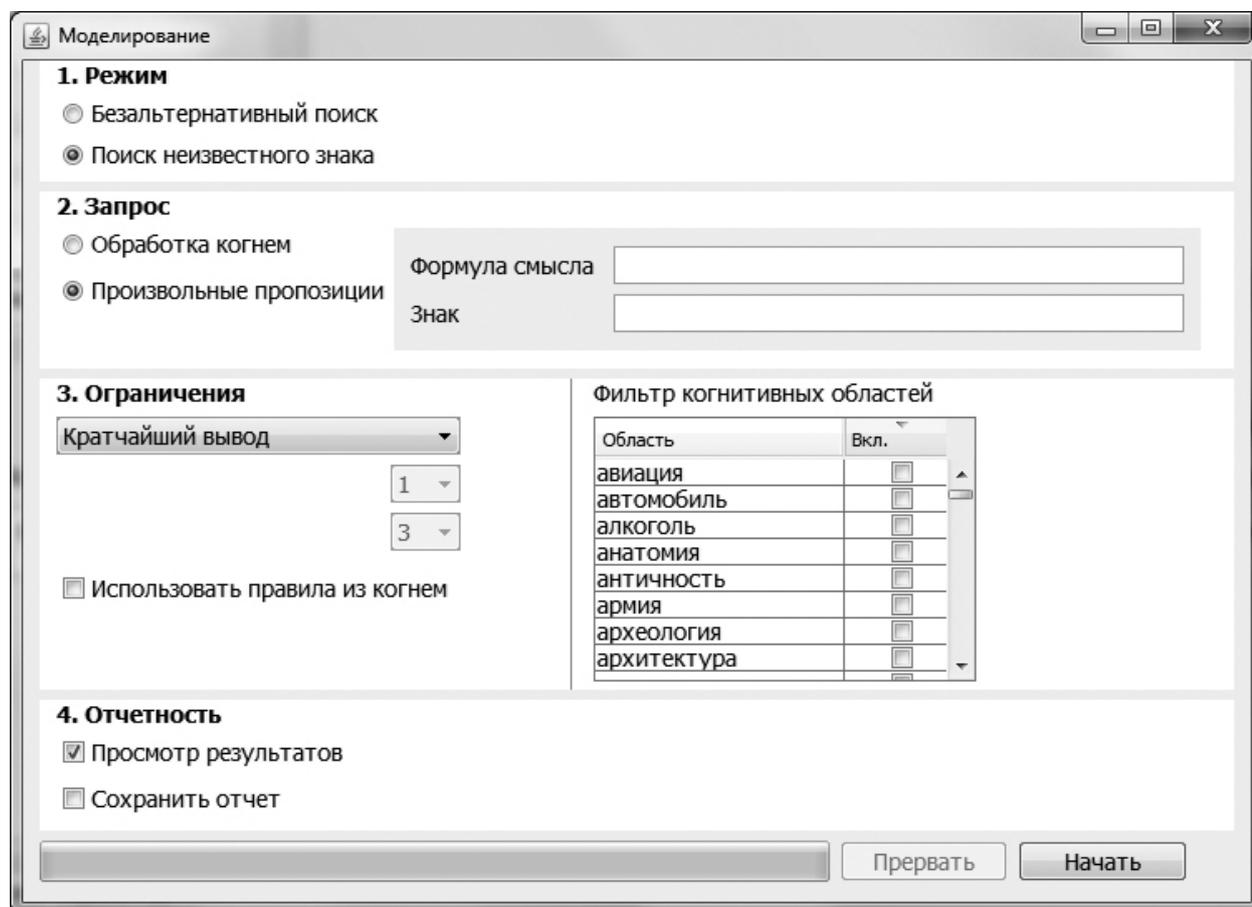

Рисунок 4. Установка параметров моделирования

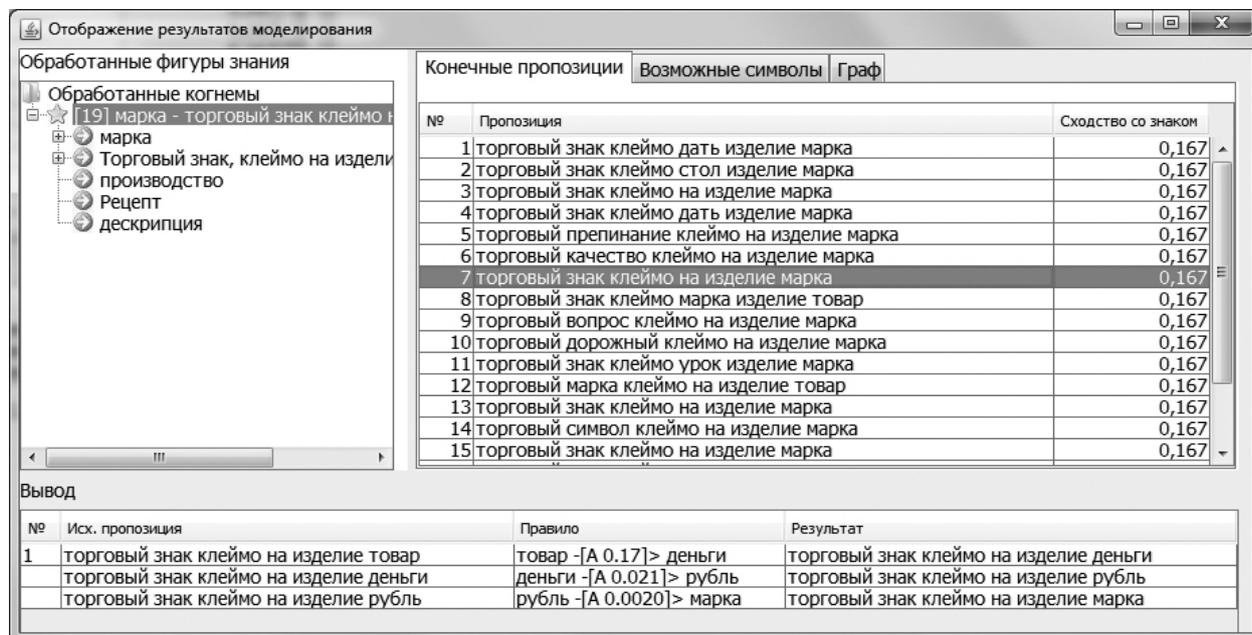

Рисунок 5. Результаты поиска в безальтернативном режиме.

программном окне терминала: **Просмотр результатов.**

В иллюстрации (рис. 5) представлено окно результатов моделирования в безальтернативном режиме для когнемы: {<Марка> <Торговый знак, клеймо на изделиях, товарах> <...> <...> <...> }.

Древовидная структура в левой части окна содержит параметры когнем. Выделение когнемы приводит к отображению результатов моделирования в таблицах справа. В таблице «Конечная пропозиция» перечислены сгенерированные грамматикой из Формулы смысла пропозиции, имеющие ненулевую степень сходства со Знаком, что соответствует построению цепочки от Формулы смысла к Знаку в АВС. Значение 0.167 в столбце «Сходство со знаком» соответствует наличию в пропозиции лексемы «марка». В качестве Знака может выступать естественно-языковая пропозиция, в этом случае «Сходство со знаком» для различных конечных пропозиций может отличаться. Таблица «Вывод» отображает вывод конечной пропозиции в грамматике.

На рис.5 таблица «Вывод» демонстрирует достижение Знака «марка» из лексемы Формулы смысла «товар» при по-

мощи вывода, соответствующего ассоциативной цепочке:

«товар» → «деньги» → «рубль» → «марка».

4. Терминал АСНИ ПМ: альтернативный вариант когнайзера

В Терминале предлагается реализация моделирования осознания с альтернативой. Конечный знак моделирования в этом режиме неизвестен, результатом будет ранжированный список знаков-кандидатов. Ранг знака должен быть связан с его релевантностью формуле смысла и, опционально, иным параметрам фигуры знания.

Поиск в альтернативном варианте предполагает генерацию пропозиций из формулы смысла, группировку достигнутых в процессе вывода знаков, их фильтрацию и ранжирование. На этапе оценки результатов проверяется наличие действительного знака среди достигнутых моделей и установка соответствующих значений в сводной таблице отчета (рис. 6).

Каждому знаку-кандидату на этапе ранжирования соответствуют две характеристики:

- *достижимость* – суммарная характеристика цепочек вывода, ведущих к знаку; Характеристика принимает значения

в диапазоне $(0 + \infty)$. Большему значению достижимости соответствуют более короткие цепочки с меньшей стоимостью применения правил.

- *использование формулы смысла* –

часть лексем формулы смысла, цепочки вывода от которых ведут к знаку. Характеристика принимает значения в диапазоне $(0...1)$. Нулевое значение невозможно, поскольку вывод всегда начинает работу с некоторого

Знак	Стоп-слово	Достижимость (cost)	Использование ФС (usage)		
		значение	ранг	значение	ранг
{<Клен> <Раскудрявый житель леса, весь резной лиственной одетый> <Метафора> <Ботаника> <Рецепт>}					
крона	Нет	3,528	1	7 / 7	1
дуб	Нет	1,379	2	7 / 7	1
кедр	Нет	1,11	3	7 / 7	1
тополь	Нет	0,839	4	7 / 7	1
трава	Нет	0,76	5	7 / 7	1
ствол	Нет	0,725	6	7 / 7	1
шелковица	Нет	0,697	7	7 / 7	1
клен	Нет	0,509	8	7 / 7	1
лист	Нет	0,497	9	7 / 7	1
{<Спорт> <Физические упражнения, направленные на достижение высоких результатов в соревнованиях> <Дескрипция> <Спорт> <Рецепт>}					
кросс	Нет	11,468	1	9 / 9	1
стол	Нет	8,54	2	9 / 9	1
спорт	Нет	5,694	3	9 / 9	1
бег	Нет	2,603	4	9 / 9	1
рост	Нет	0,975	5	9 / 9	1
{<Тротуар> <Пешеходная дорожка вдоль трассы> <Дефиниция> <Город> <Рецепт>}					
метро	Нет	0,291	1	4 / 4	1
зебра	Нет	0,188	2	4 / 4	1
тротуар	Нет	0,099	3	4 / 4	1
смог	Нет	0,008	4	4 / 4	3
трава	Нет	0,005	5	3 / 4	2
{<Фокус> <Искусный трюк, основанный на обмане зрения> <Дефиниция> <Шоу, цирк> <Рецепт>}					
фокус	Нет	30,445	1	6 / 6	1
акробат	Нет	7,683	2	6 / 6	1
шапито	Нет	0,487	3	5 / 6	2
номер	Нет	0,144	4	4 / 6	3
место	Нет	0,013	5	3 / 6	4
ложка	Нет	0,006	6	6 / 6	1
ложа	Нет	0,005	7	5 / 6	2

Таблица 3. Моделирование с альтернативой фигур знания

Сводная таблица когнем, знак которых присутствует в результатах поиска [1 из 1]

Знак	Формула смысла	Всего в области	Найдено символов	Ранг по достижимости	Ранг по использованию ФС
клен	Раскудрявый житель леса, весь резной лиственной одетый	149	50	8 из 47	1 из 7

Знак отсутствует в результатах поиска [0 из 1]

Знак	Формула смысла	Всего в области	Найдено символов	Ранг по достижимости	Ранг по использованию ФС
------	----------------	-----------------	------------------	----------------------	--------------------------

Детали:

Когнема: клен - Раскудрявый житель леса, весь резной лиственной одетый

Свойства

Знак	ФС	Знак преобр.	ФС преобр.	Способ	Области
клен	Раскудрявый житель леса, весь резной лиственной одетый	клен	раскудрявый житель лес весь резной листва одетый	метафора	ботаника

Настройки поиска

Режим	Диапазон	Мин. длина	Макс. длина	Фильтр областей	Лемматизация
Поиск неизвестного знака	Ближайший знак	1	6	AreaFilter: ботаника	Да

Найденные символы:

Код символа	Наименование	Стоп-слово	Достижимость	Использование ФС
43951	крона	false	3.528 (ранг 1)	7 / 7 (ранг 1)
26786	дуб	false	1.379 (ранг 2)	7 / 7 (ранг 1)
40083	кедр	false	1.11 (ранг 3)	7 / 7 (ранг 1)
115566	тополь	false	0.839 (ранг 4)	7 / 7 (ранг 1)
115810	трава	false	0.76 (ранг 5)	7 / 7 (ранг 1)
111447	ствол	false	0.725 (ранг 6)	7 / 7 (ранг 1)
145285	шелковица	false	0.697 (ранг 7)	7 / 7 (ранг 1)
40703	клен	false	0.509 (ранг 8)	7 / 7 (ранг 1)

Рисунок 6. Фрагмент отчета по поиску неизвестного знака

фрагмента формулы смысла.

Пусть цепочка вывода $Chain = A \rightarrow B \rightarrow C$. Тогда достижимость $Access(Chain) = invCost(A \rightarrow B) \times invCost(B \rightarrow C)$, где $invCost$ – инвертированная стоимость правила, определяемая эвристически для каждого типа правил и нормированная в диапазоне $[0..1]$. Для ассоциативных правил $invCost$ принимает значение вероятности перехода в ABC от левой части правила к правой части (контекстно-свободные правила). Для правил на основе когнем $invCost$ определяется через редакционные операции, которые надо произвести над предложением в грамматике, чтобы применить рассматриваемое правило. Для всех подстрок предложения рассчитыва-

ется редакционное расстояние Дамерау-Левенштейна [Navarro, 2001: 35–37] между подстрокой и левой частью правила. Минимальное редакционное расстояние приведет к применению правила с равной редакционному расстоянию стоимостью. Инвертированной стоимостью будет обратно-пропорциональная редакционному расстоянию величина, нормированная к диапазону $[0..1]$. Полное совпадение подстроки и левой части правила ведет к нулевому редакционному расстоянию и применению правила с максимальным значением $invCost = 1$.

Приведем примеры результатов моделирования в режиме с альтернативой для фигуры знания. После генерации пропозиций в

грамматике и фильтрации достигнутых Знаков по Когнитивным областям формируется список (в таблице и на рисунке выше приведены фрагменты списков Знаков с максимальными рангами).

Заключение

Разработанный программный комплекс АСНИ ПМ позволяет в исследованиях вербального сознания реализовать следующие цели: во-первых, верифицировать предложенную логико-лингвистическую модель работы когнайзера в пассивном режиме в двух вариантах – безальтернативном и альтернативном; во-вторых, манипулируя инструментальными средствами (технологиями и предусмотренными в них процедурами и операциями), изменять экспериментальные базы данных исследований – АВС и фигуры знаний; в-третьих, получить принципиально новый результат лингвистического конструирования – интегрированную базу лингвокультурных знаний типового носителя русского языка; в-четвертых, осуществить макетирование построенной на когнитивных принципах поисковой компоненты широкого класса информационных систем.

В настоящее время верификация когнайзера выполнена не полностью. Верифицированными являются только одна треть всех фигур знания (~6500 когнем первого этапа когнитивного эксперимента). Для них сначала были сформированы контекстно-зависимые правила, далее они были внесены в вероятностную контекстно-свободную грамматику АВС, в результате чего сформировалась контекстно-зависимая грамматика когнайзера. Тем самым в базе знаний когнайзера был «зафиксирован» безальтернативный вариант его работы, который можно интерпретировать как этап «обучения».

Верификация альтернативного варианта работы когнайзера состоит в получении «допустимого» результата моделирования, которым считается «удачное»

сопоставление Знака и Формулы смысла. Оно состоит в выполнении двух условий: а) в попадании действительного Знака когнем в число Знаков-кандидатов на «удачное» сопоставление – грубая оценка результата; б) в значении позиции Знака в списке Знаков-кандидатов по критериям использования Формулы смысла и достижимости – уточненная характеристика результата. Например (см. Рис.6 и Табл.3), полный набор знаков области <Ботаника> в базе данных включает 149 единиц, из которых системой для моделирования Формулы смысла <Раскудрявый житель леса, весь резной листвой одетый> отобраны 50 потенциальных кандидатов, в числе которых есть Знак <Клен> (условие «а»). Он имеет ранг = 1 из 7 возможных по использованию Формулы смысла и ранг = 8 из 47 возможных по достижимости (условие «б»).

Когнитивная область знаков устанавливается на основе когнем и играет роль фильтра Знаков-кандидатов при моделировании режима с альтернативой. Допустим, в системе нет данных о принадлежности Знака <Клен> к области <Ботаника>. Пусть моделируется сопоставление Формулы смысла <Дерево с широкими, у большинства видов резными листьями> из области <Ботаника> с некоторым Знаком. Тогда Знак <Клен>, как не имеющий отношения к области <Ботаника>, может быть обнаружен системой только с отключенным фильтром когнитивной области. А это в свою очередь приводит к увеличению множества Знаков-кандидатов. Для исключения подобной ситуации необходимо: а) определение Когнитивной области и для тех элементов АВС, которые не представлены множеством когнем; б) разработка процедур «автоматического» определения когнитивных областей у фигур знания по Формуле смысла.

Изменение базы данных исследований достигается за счет представления

базы знаний когнайзера в виде грамматики и внесения в неё новых правил. Ввод новых правил связан с тремя процессами: учетом омонимии – введены 1047 экспертных правил-инструкций обработки частичной омонимии АВС; учетом синонимии – фактическим добавлением в базу знаний когнайзера новых Знаков из синонимичных рядов; лемматизацией – переходом от Знаков-словоформ к Знакам-леммам с соответствующей перегруппировкой связей (правил вывода в грамматике).

В описании программной реализации представлено техническое решение только для устранения частичной омонимии АВС. Но этого недостаточно, требуется различение частичных омонимов при вводе запросов пользователя, а также устранение неоднозначности полных омонимов. В настоящий момент, при вводе запроса с полными омонимами, например «Замок в Лондоне», моделью будут применены правила, относящиеся как к строению, так и к охранному устройству.

База знаний когнайзера – это интегрированная база лингвокультурных знаний «усредненного» носителя русского языка. Она получена в результате лингвистического конструирования и является принципиально новым лексикографическим объектом. Каждая ЯЕ в нем специфицирована не только множеством параметров и эксцерпций (компоненты когнем, грамматические формы, синонимичные ряды, омонимия), но и эксплицитно задает возможную динамику ее использования носителем языка в виде ассоциативных цепочек. Полная реализация базы знаний когнайзера возможна только в виде компьютерной программы (информационно-программного изделия) зафиксированной на электронном носителе данных. В традиционной печатной форме возможно представление только ее частных проекций.

Постановка задачи поиска с альтер-

нативой в различных вариациях встречается в системах информационного поиска, вопросно-ответных систем, семантических информационных фильтрах, автореферировании и системах машинного перевода.

Наиболее близким к задаче моделирования осознания с альтернативой видится класс вопросно-ответных информационных систем (далее ИС) ориентированных на сущностно-ориентированные вопросы (Entity Search). Рассмотрение представленного решения с этих позиций позволит: во-первых, использовать общепринятые в области информационного поиска способы оценки качества модели; во-вторых, реализации данного режима могут быть применены как интеллектуальные (когнитивные) компоненты информационных систем вышеуказанных классов. Внедрение компоненты потребует доработки представленного решения под задачи конкретной ИС в отношении:

- качества работы – релевантности Знаков-кандидатов Формуле смысла в конкретной Референтной области, при типичных в ИС способах представления смысла;

- доступности данных – наполнение баз данных модели для конкретной предметной области, доступность компонент когнем при моделировании, специальных данных ИС (классификаций, обратной связи с пользователем);

- ресурсных ограничений – объема доступной памяти и вычислительной мощности, интеграция с архитектурой ИС.

Программный комплекс АСНИ ПМ несмотря на существование Интернет-версии «Лингвокультурного тезауруса русского языка» разрабатывается и функционирует в течение 2008–2010 гг. в виде локальной информационной системы. Основными причинами этого является [Сиренко, 2010]: требования к производительности; гетерогенность используемых программных средств; интерактивность

интерфейса пользователя; недостаток качественных каналов доступа к сети Интернет у пользователей; необходимость хранения персональных параметров работы пользователей.

Наращивание возможностей Интернет и распространение широкополосного доступа к сетевым ресурсам являются причиной ее использования в научных исследованиях. При этом необходимость установки программного обеспечения и его админи-

стрирование на стороне пользователя воспринимается нежелательной. Современной технологией совмещения этих противоречивых требований пользователей к средствам автоматизации исследований является технология «облачных вычислений», позволяющая организовать обработку удаленных заданий моделирования и доставку их результатов через сеть. Именно такой видится перспектива развития АСНИ ПМ.

Список литературы

Караулов Ю.Н. Концептография языковой картины мира. Статья 1. Первый этап «восхождения» к образу мира: от элементарных фигур знания к предметно-референтным областям культуры // Проблемы прикладной лингвистики. Выпуск 2. Сборник статей. / под ред. Н.В. Васильевой. – М.: Азбуковник, 2004.– С. 7-17.

Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. – М., 2009: Издательский центр «Азбуковник». – 336 с.

Русский ассоциативный словарь В 2 т. / Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов. – М.: Изд. «Астрель», 2002.

Сиренко А.В. Лингвокультурный тезаурус русского языка // Интеллектуальные технологии и системы. Сборник учебно-методических работ и статей аспирантов и студентов. Выпуск 9 / Сост. и ред. Ю.Н.Филипповича. – М.: «CLAIM», 2007. – С.264–277.

Сиренко А.В. Информационная технология анализа результатов ассоциативных экспериментов: переход от веб-ориентированной к локальной информационной системе // Язык и сознание: психолингвистические аспекты. Сборник статей / под ред. Н.В. Уфимцева, Т.Н. Ушакова. – М.-Калуга: Эйдос, 2010. С. 118-119.

Филиппович Ю.Н. Эскиз информационной технологии лингвокультурного тезауруса // Язык. Сознание. Культура. Сборник статей / Под ред. Н.В.Уфимцевой, Т.Н.Ушаковой. – М.-Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2006.– С. 319–334.

Филиппович Ю.Н. Моделирование работы лингвокультурного когнайзера русского языка // Вопросы психолингвистики, 2007, № 6, С. 123-143.

Ведущая научная школа Ю.Н. Караулова «Русская языковая личность». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philiprovich.ru/Projects/Karaulov/index.htm>, свободный (дата обращения: 20.03.2011). – ЭР1

Лингвокультурный тезаурус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tesaurus.ru/>, свободный (дата обращения: 22.03.2011).— ЭР2

Онлайн словарь. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова. 1999. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dict.t-mm.ru/abramov/>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 14.03.2011). – ЭР3

Russian ispell. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.opennet.ru/prog/info/59.shtml> (дата обращения: 10.03.2011). – ЭР4

Navarro G. A Guided Tour to Approximate String Matching. // ACM Computing Surveys, Vol. 33, No. 1, March 2001.– С. 31–88.

ДИСКУССИИ

ОТ РЕДАКТОРА

Натурфилософски воспитанный читатель при слове субъект сразу совершит подстановку воображаемого человека и, конечно, не сможет согласиться с определением текста как субъекта. Вещь – да. Инструмент – безусловно. Но субъект? Конечно же, это метафора. Однако для автора статьи ни субъект, ни вещь, ни инструмент не выступают образами действительности, но понятиями. Сегодня принято такого срединного уровня понятия называть концептами. Эти концепты захватывают же и концепт текста, вовлекая его в разные «понятийные связи». Текст-субъект нельзя дробить на элементы, как нас предупреждает автор статьи, зато он может вступать сам с собою в диалог. Выделение трех сфер текстового анализа очерчивает задачу статьи.

Приоритет, как мы поняли, отдается именно последнему подходу для дальнейших исследовательских целей автора. При этом предполагается, что диалогическому подходу в анализе текста должен соответствовать и диалогический способ изложения материала. Вынужденным методическим приемом становится легковесность изложения, тенденциозный подбор материала, избыток цитат, которые нередко превышают по объему комментарии к ним. Здесь все, однако, свидетельствует не о воинствующем дилетантизме, отправившемся в поход против академической науки, но о преднамеренном умысле. Техники подобного представления текстов были разработаны еще символистами в противовес гуттенберговскому методу гомогенной сегментации, физиологическую почву для которого на протяжении столетий подготавливало фонетическое письмо.

Методу фиксированной, или специализированной, точки зрения, который утверждает воспроизводимость в качестве

критерия истины и практической пользы, на смену пришел метод изобретения. В девятнадцатом веке этот метод был перенесен с производства на потребление. Так, для достижения целостного художественного впечатления необходимым оказалось участие в поэтическом процессе самого читателя. Сегодня же, по утверждению культовой фигуры в современной коммуникативистике Маршалла Мак-Люэна, «наука и ее метод нацелены не на выработку точки зрения, а на то, как от нее избавиться. Наука стремится не изолировать свой объект и рассматривать его в единой перспективе, а поместить его в открытое «поле» взаимодействий и отучиться от окончательных и однозначных суждений» (Галактика Гуттенберга 2003: 402). Обязательным условием такого взаимодействия является общее коммуникативное пространство общающихся, иначе, единая ситуация. В противном случае обмен сообщениями превратился бы в многочасовые дебаты и уточнения позиций. Текстовым механизмом взаимопонимания в этом методе становится техника включения читателя, слушателя в текст самого произведения. Приемов здесь несколько и один из них использован автором статьи – соизмеримость по объему своего и чужих голосов текста.

Будучи разработчиком деятельностной парадигмы в коммуникациях, я не согласен с Е.Никитиной, что инструментальный подход в анализе текста отошел в тень. Метод этот не отрефлектирован до конца и не исчерпал своих креативных возможностей. Однако попытки развернуть иные методы в изучении текста можно только приветствовать, особенно, если они будут доведены до технологического завершения. Статья вовлекает читателей в обсуждение проблем методов анализа текста и тем она интересна.

Е.Ф. Тарасов

ТЕКСТ В ДИАЛОГАХ

Текст в коммуникативной парадигме рассматривается как субъект. Для своего понимания, текст не может быть умерщвлен расчленением его на отдельные элементы. Только диалогические взаимоотношения между смысловыми рядами внутри текста позволяют последнему вступать в диалог с другими текстами и тем самым способствовать приращению смысла. Диалог - это текст в лицах. Но и сам текст есть конструкт диалогический. Чтобы порождать смысл, хотя бы две базовых подструктуры текста должны находиться в диалоге (смысловом рассогласовании) между собой. В противном случае текст превращается в цитату с единым заданным смыслом.

Ключевые слова: Текст коммуникативный субъект диалог смысл анализ текста диалог пониманий игра

Elena S. Nikitina

TEXT IN DIALOGUES

Text in the communicative paradigm is regarded as a subject. To its understanding, the text can not be put to death dismemberment into separate elements. Only a dialogical relationship between semantic rows within the text allows the latter to engage in dialogue with other tests and thereby contribute to the increment of meaning. Dialogue is the text in their faces. But the text itself is a construct of the dialogic. To generate a sense, at least two basic substructure of the text should be in a dialogue (semantic mismatch) between them. Otherwise, the text turns to a quote from one given meaning.

Key words: Text, the communicative entity, dialogue, meaning, text analysis, dialogue of understandings game

1. Текст, как предмет исследования, может рассматриваться под тремя углами зрения. Как отражение объектных отношений в мире: и тогда к нему применим естественнонаучный, в том числе и лингвистический метод анализа. Как орудие или средство взаимодействия и воздействия на других – это деятельностный, инструментальный подход. И как субъект порождения новых смыслов – это диалогический или коммуникативный подход, который формировался внутри семиотической парадигмы познания. Приведем примеры рассмотрения текста из этих трех позиций или, используя методологическую терминологию, парадигм.

К. Гинзбург в работе «Приметы» так описывает процедуру создания понятия текста, которая позволила представить последний по аналогии с естественнонаучными объектами изучения:

«Критика текста конституировала объект своего изучения в результате предельно жесткого отбора релевантных признаков: впоследствии число таких признаков еще более сократилось. Этот путь внутреннего развития дисциплины был отмечен двумя решающими рубежами: изобретением письма и изобретением книгопечатания. Как известно, критика текста родилась после первого из двух вышеназванных событий (когда возникло решение записать гомеровские поэмы) и упрочилась после второго (когда первые и зачастую торопливо-небрежные издания классиков надлежало заменить более надежными изданиями). Сначала были отброшены, как нерелевантные для текста, все элементы, связанные с произнесением и жестикуляцией; затем – также и все элементы, связанные с материальностью письма. Результатом этой двухэтапной операции стала нарастающая дематериализация текста, постепенно очищенного от любых чувственных опор: хотя связь с чувственно воспринимаемой субстанцией и необходима для продолжения жизни текста, текст ни в коей мере не отождествляется со своей опорой. Все это сегодня нам кажется само собой разумеющимся, хотя на самом деле отнюдь не является таковым. Достаточно вспомнить о решающей функции интони-

рования в устной словесности или о месте каллиграфии в китайской поэзии, чтобы осознать, насколько зависит вышеуказанное понятие текста от совершенно специфического культурного выбора, имевшего неисчислимы последствия. Такой выбор вовсе не был автоматически обусловлен и переходом от ручного воспроизводства текста к механическому его воспроизводству: яркое тому доказательство – широко известный пример Китая, где изобретение книгопечатания не прервало связи между литературным текстом и каллиграфией. (Вскоре мы увидим, что применительно к изобразительным искусствам проблема текста была поставлена совершенно по-иному.)

Это глубоко абстрактное понятие текста объясняет нам, почему критика текста, в значительной степени сохраняя дивинационный характер, все же обнаружила в себе способность к развитию в направлении строгой научности: эта потенция окончательно созрела на протяжении XIX века. Первопричиной здесь было радикальное решение принимать к рассмотрению лишь поддающиеся воспроизводству (сперва – ручному, а после Гуттенберга – механическому) признаки текста. Тем самым критика текста, хотя и имела объектом своего изучения индивидуальные случаи, однако же в конечном счете избежала главной обузы гуманитарных наук: связанности с качествами. Знаменательно, что Галилей, основывая посредством столь же беспощадной редукции современное естествознание, сослался на пример филологии. Традиционное средневековое сравнение мира с книгой предполагало изначальную внятность, непосредственную воспринимаемость смысла их обоих; Галилей же, наоборот, подчеркнул, что «философия <...>, написанная в этой огромной книге, постоянно открытой перед нашими глазами (я имею в виду вселенную) <...> не может быть понята, если сперва не научишься понимать язык и не изучишь письмена, коими эта книга написана», то есть «треугольники, окружности и прочие геометрические фигуры». Для естествоиспытателя, как и для филолога, текст представляет собой невидимую глубинную сущность, которая реконструируется при отвлечении от чувственно воспринимаемых

данных: «фигуры, числа и движения, но не запахи, вкусы и звуки, которые, по моему мнению, вне живого существа являются не чем иным, как только пустыми именами».

Этой фразой Галилей задал наукам о природе новое направление развития, принципиально антиантропоцентрическое и антиантропоморфное; с этого пути естествознание уже не сходило. На географической карте знания обозначился разрыв, которому суждено было расширяться и расширяться. И, конечно, трудно вообразить более контрастную пару, чем физик галилеевского типа, профессионально нечувствительный к звукам, вкусам и запахам, и его современник-врач, который, чтобы угадать диагноз, напрягает слух, приложив ухо к хрипящей груди пациента, принимает к его испражнениям и пробует на вкус его мочу» [Гинзбург 2004: 203-204].

Второй пример показателен для деятельностного или инструментального подхода к тексту, хотя и представлен нами в ироническом ключе. Так, Джонатан Свифт устами Лемюэля Гулливера описывал, как происходит обучение в Лапуте:

«Я посетил также математическую школу, где учитель преподает по такому методу, какой едва ли возможно представить себе у нас в Европе. Каждая теорема с доказательством тщательно переписывается на тоненькой облатке чернилами, составленными из микстуры против головной боли. Ученик глотает облатку натошак и в течение трех следующих дней не ест ничего, кроме хлеба и воды. Когда облатка переваривается, микстура поднимается в его мозг, принося с собой туда же теорему. Однако до сих пор успех этого метода незначителен, что объясняется отчасти какой-то ошибкой в определении дозы или состава микстуры, а отчасти озорством мальчишек, которым эта пилюля так противна, что они обыкновенно отходят в сторону и выплевывают ее прежде, чем она успеет оказать свое действие; к тому же до сих пор их не удалось убедить соблюдать столь продолжительное воздержание, которое требуется для этой операции» [Свифт 1987: 110].

Может сначала показаться, что описанная система обучения не имеет никаких аналогий в сфере научных поисков. Однако

в начале 60-х годов прошлого века в США в духе бихевиоральной методологии был проведен ошеломляющий эксперимент с червями планариями. Они, да будет известно, не особенно разборчивы в пище. При случае могут закусить и себе подобными. Этим и воспользовались исследователи. Сначала они провели обучение планарий. По световому сигналу те должны были двигаться в определенную сторону. Когда условный рефлекс был выработан, обученных червей перевернули в биомассу и накормили ею собратьев. А другая часть получила обычный корм. И вот когда обе группы червей стали снова учить по световому сигналу двигаться в определенную сторону, те черви, которые съели обученных собратьев, приобрели условный рефлекс намного быстрее, чем черви из контрольной группы [McConell 1962]. Получается, что правы были те каннибалы, которые старались съесть мозг поверженного противника, чтобы стать умнее. Впрочем, дальше экспериментов с червями дело не пошло. И о передачи людям информации химическим путем ничего не слышно. Кроме разве что химических веществ, улучшающих память. Вот вам и лапутянские методы обучения.

Впрочем, если по-научному, серьезно подойти к проблеме текста как инструмента, то необходимо констатировать, что практически все прикладные дисциплины, включенные в изучение текста рассматривают его как средство воздействия. Воздействие, овеянное авторитетом античной риторической традиции – основной мотив изучения текста. В рамках данной парадигмы проведено большое количество специальных экспериментальных исследований и на их основе разработано множество эффективных приемов и средств психологического и психолингвистического воздействия, которые с успехом применяются, в частности, средствами массовой информации при формировании общественного мнения, создании рекламы и т. п. Некоторые из них используются в педагогической практике. Тем не менее, представляется, что прав Г.А.Ковалев, написав,

что «многочисленные экспериментальные исследования и социальная практика ясно убеждают в том, что более совершенное знание и более глубокое проникновение в самые интимные механизмы психической природы человека не означают того, что эти научные открытия будут использоваться во благо человечества. Наоборот, зачастую это самым непосредственным образом используется в разработке изощренных средств и методов контроля за сознанием и поведением людей, манипулирования психикой, влияние которых трудно воспринимаемо и последствия трудно предсказуемы. <...> Ведь факт признания активности психического отражения может предполагать использование ещё более утонченных методов и средств, которые изменили бы установки и модели поведения людей так, чтобы последние не могли осознавать сам факт такого воздействия и их последствия. В противном случае воздействие не могло бы иметь место. <...> Несмотря на признание активности и индивидуальной избирательности психического отражения, провозглашаемой в рамках данного подхода, при использовании конкретных методов воздействия человек на самом деле все так же остается объектом внешних влияний и психического манипулирования, которые однако «отредактированы» в русле последних достижений психологической теории. Поэтому не будет, по-видимому, большой натяжкой говорить о том, что «императивную» и «манипулятивную» стратегии психологического воздействия можно отнести в целом к одному и тому же «одномерному», «объектному», «монологическому» радикалу во взгляде на человеческую природу, где человеку в целом отводится пассивная роль относительного влияния внешнего окружения» [Ковалев 2001: 31-32].

И, наконец, коммуникативный или диалогический подход к тексту. В гуманитарной традиции этот подход противостоит одномерному, пессимистическому взгляду на природу человека. Если основным положением пессимистического подхода является мысль о том, что человек по своей изначальной природе зол, деструктивен, агрессивен и аморален. Поэтому его необходимо обуздывать с помощью воздействия ав-

торитетов, общественных санкций и т.п. То оптимистическая традиция основана на вере в конструктивное, активное, созидательное и творческое начало человеческой природы, на его изначальной моральности и доброте, его альтруистической и коллективистической направленности, выступающих в качестве предпосылок и условий совместного существования и выживания людей. Главным в данной доктрине являются признание неповторимости и уникальности психической организации каждого отдельного человека, вера в позитивное и творческое начало человека, его социальную обращенность.

Существенной трансформации внутри этой позиции подверглось и понятие текста.

Так, Ю.М. Лотман внутри культурно-семиотического подхода выявил у текста три базовых функции. Если коммуникативная функция, «которая лежит на поверхности, легко схватывается наиболее простыми методами анализа и поэтому долгое время представлялась основной, а для некоторых лингвистов даже единственной» [Лотман 2002: 189], вполне может обслуживаться двумя предыдущими парадигмами представлений о тексте. То такие функции текста, как смыслообразующая и восстанавливающая культурную память, уже не могут «работать» внутри «объектных» парадигм. «Исходно заложенный в тексте смысл подвергается в ходе культурного функционирования текста сложным переработкам и трансформациям, в результате чего происходит приращение смысла. Поэтому данную функцию текста можно назвать творческой. Если в первом случае всякое изменение есть ошибка и искажение смысла, то во втором оно тяготеет к созданию нового смысла. <...> Если в первом случае шум съедает информацию, то во втором он может творчески ее преобразовывать. <...> В этом смысле текст как генератор смысла принципиально гетерогенен и гетероструктурен. В этом аспекте можно сформулировать правило: текст есть одновременная манифестация нескольких языков. Сложные диалогические и игровые отношения между разнообразными подструктурами текста, образующими его внутреннюю

полиглотизм, являются механизмом смыслообразования.

Эта особенность текста как генератора смысла ставит его в изоморфный ряд с такими явлениями, как индивидуальное сознание человека, с его функциональной асимметрией больших полушарий головного мозга и культура, с ее принципиальным гетерогенным и избыточным внутренним устройством. Механизм смыслообразования везде один: система внутренних переводов субъязыков данного текста, находящихся в отношении относительной непереводимости» [Лотман 2002: 190].

В своей третьей функции тексты образуют «свернутые мнемонические программы». «Не только метафорически можно в этом смысле сопоставить тексты с семенами растений, которые, являясь генерирующими информацией механизмами, могут переноситься в чуждую экологическую среду, сохраняя всхожесть, то есть реконструируя память о том дереве, которое их произвело. В этом смысле тексты тяготеют к символизации и превращаются в символы культуры. В отличие от других видов знака, такие, хранящие память, символы получают высокую автономию от своего культурного контекста и функционируют не только в синхронном срезе культуры, но и в ее диахронных вертикалях» [Лотман 2002: 190-191].

Текст как субъект не может быть описан только как статичное, вещное образование. Здесь он существует в динамике диалогических обменов и приращений смысла. Текст ищет и находит своих читателей, свою аудиторию, с которой он может вступать в диалог.

2. В коммуникативной парадигме текст есть субъект. И как субъект он не может быть расчленен на отдельные составляющие его части. Текст здесь существует как целостное, пространственно ограниченное образование. Последнее утверждение подразумевает, что с текстом могут выстраиваться только диалогические отношения. Этот тип отношений до сих пор изучен слабо. Не раскрыта особая, диалогическая природа взаимоотношения смысловых целых, смысловых позиций поскольку познание здесь направлено

на индивидуальное. Это область открытий, откровений, узнаваний, сообщений. Слово хочет быть услышанным, понятым, ответственным и снова отвечать на ответ, и так до бесконечности. Оно вступает в диалог, который не имеет *смыслового* конца, хотя для того или иного участника может быть физически оборван [Бахтин 1979: 303-306].

Сразу встает вопрос о единицах анализа текста как целостного, иначе, смыслового образования, поскольку смысл нельзя разделить на элементы. Еще Ф.де Соссюр сравнивал единицы языка с химическим соединением, например с водой, состоящей из атомов водорода и кислорода. Взятый в отдельности каждый из этих элементов не имеет ни одного из свойств воды. «Конкретная языковая сущность определяется полностью лишь тогда, когда она *отграничена*, отделена от всего того, что ее окружает в речевой цепочке. Именно эти отграниченные [конкретные языковые] *сущности*, то есть [речевые] *единицы*, и противопоставляются друг другу в механизме языка» [Соссюр 1977: 136]. Единицы, в отличие от элементов, образуют качественную определенность. Ю.Лотман такого рода целостности сравнивал с живыми организмами. «Подобно тому как, склеивая отдельные бифштексы, мы не получим тельца, но, разрезая тельца, можем получить бифштексы, – суммируя частные семиотические акты, мы не получим семиотического универсума. Напротив, только существование такого универсума – семиосферы – делает определенный знаковый акт реальностью» [Лотман 1992: 14]. Павел Флоренский изображал слово как последовательно обхватывающие один другой круги, причем фонему представлял как основное ядро, или косточку, обвернутую в морфему, на которой в свой черед держится семема. И такое трихотомическое строение слова ассоциировалось у него с образом семени. «Слово мы сопоставляем с семенем, словесность с полом, говорение с мужским половым началом, а слушание – с женским, действие на личность – с процессом оплодотворения. Сопоставление это – не ново, и

едва ли найдется древний писатель мистического направления мысли, чуждый выставленным аналогическим равенствам» [Флоренский 1990: 271].

Важно отметить, что если образ целостной единицы может меняться, суть его остается: такие образования вступают во взаимодействия с другими только в «собранном» виде, а никак не по частям. В тексте такой «собранный» единицей является смысл. Смысл – не делим. Но тогда с кем ему диалогизировать внутри текста? Чтобы смысл мог вступать в диалогические отношения с самим собой, он должен быть, по крайней мере, триедин.

3. Итак, в тексте как субъекте должен содержаться не один смысл. Хочется сразу знать сколько? Вопрос не простой. Пока установлена только нижняя граница: не меньше трех¹. Три смысла текста могут сосуществовать именно благодаря трем способам кодирования человеческого опыта и трем элементам, образующим единство знака, соответственно, и текста как знака. Это: действие – образ – слово. В христианской экзегетике каждое место и слово Писания имеет три смысла: телесный (буквальный, историческо-грамматический), душевный (моральный) и духовный (аллегорически-мистический). Каждый из этих смыслов текста старается захватить инициативу и навязать свой способ видения ситуации (реальности). Между смыслами может происходить борьба, как в поле восприятия двузначных картин, изучавшихся подробно в гештальтпсихологии. Что-то выступает «фигурой», что-то «фоном».

Отношение между фигурой и фоном динамичны: в одной и той же ситуации на передний план могут выдвинуться, в зависимости от различных интересов и сдвижек внимания, различные фигуры. Если некая фигура разложима на детали, она сама может стать фоном, в то время как ее деталь превратится в фигуру.

Можно увидеть этот рисунок как белую вазу на черном фоне. Если же принять за фон белое, то можно увидеть два силуэта в профиль. Можно научиться быстро переходить от одного способа восприятия к другому, но невозможно воспринимать обе фигуры одновременно. Переход восприятия от одной фигуры к другой не обусловлен какой-либо модификацией того, что объективно дано в рисунке; это результат активности воспринимающего организма.

Смысловое восприятие, в противоположность перцептивному, может одновременно держать в поле понимания не один смысл текста, если только сознание не «специализировано». Например. В течение почти тридцати лет А.Р. Лурия систематически наблюдал человека, чья память не имела границ ни в пространстве, ни во времени. Этот человек, в силу особенностей своей памяти, все «видел». Зрительное доминирование оказывало влияние и на другие психические процессы, в частности, на мышление. «Мы видели, какую мощную опору представляет собой образное мышление, позволяющее проделывать в уме все манипуляции, которые каждый из нас может проделывать с вещами. Однако не таит ли образное – и

¹ Умберто Эко говорит, что верхняя граница текста хотя и существует, но количественные показатели ее пока не определены.

еще больше синестезическое мышление – опасностей? Не создает ли оно препятствий для правильного выполнения основных познавательных операций? Обратимся к этому. <...> «...Мне дают фразу: «Н. стоял, прислонившись спиной к дереву...». Я вижу человека, одетого в темно-синий костюм, молодого, худощавого. Н. ведь такое изящное имя! Он стоит у большой липы, и кругом трава, лес... – «Н. внимательно рассматривает витрину магазина». Вот тебе и на! Значит, это не лес и не сад, он, значит, стоит на улице, – и все надо с самого начала переделывать!..» Усвоение смысла отрывка, получение информации, которое у нас всегда представляет собой процесс выделения существенного и отвлечения от несущественного и протекает свернуто, начинает представлять здесь мучительный процесс борьбы со всплывающими образами. Значит, образы могут быть не помощью, а препятствием в познании – они уводят в сторону, мешают выделить существенное, они толпятся, обрастают новыми образами, а потом оказывается, что эти образы идут не туда, куда ведет текст, – и все надо переделывать снова. Какую же сизифову работу начинает представлять собой чтение, казалось бы, простого отрывка, даже простой фразы... И никогда не остается уверенности, что эти яркие чувственные образы помогут разобраться в смысле, – может быть, они отведут от него? <...> Как легко познавательные процессы могут изменить свое нормальное течение, с какой легкостью цепь, в которой мысль ведет образы, замещается другой, в которой всплывающие образы начинают вести мысль...

Трудности яркого образного мышления не кончаются, однако, на этом. Впереди подстерегают еще более опасные рифы, на этот раз рождаемые самой природой языка. Синонимы..., омонимы..., метафоры... Мы знаем, какое место они занимают в языке и как легко обычный ум справляется с этими трудностями. Ведь мы можем совсем не замечать, когда одна и та же вещь называется разными словами; мы даже находим известную прелесть в том, что дитя может быть названо ребенком, врач – доктором или медиком, переполох – суматохой, а врун – лгуном. Разве для нас представляет какую-нибудь трудность, когда один раз

мы читаем, что у ворот дома остановился экипаж, а в другой раз с той же легкостью слышим, что «экипаж корабля доблестно проявил себя в десятибалльном шторме?». Разве «опуститься по лестнице» затрудняет нас в понимании разговора, где про кого-то говорят, что он морально «опустился»? И, наконец, разве мешает нам то, что «ручка» может одновременно быть и ручкой ребенка, и ручкой двери, и ручкой, которой мы пишем, и бог знает, чем еще?.. Обычное применение слов, при котором отвлечение и обобщение играют ведущую роль, часто даже не замечает этих трудностей или проходит мимо них без всякой задержки;

некоторые лингвисты думают даже, что весь язык состоит из одних сплошных метафор и метонимий. Разве это мешает нашему мышлению?

Совершенно иное мы наблюдаем в образном и синестезическом мышлении Ш. <...> «...Вот, например, «экипаж». Это обязательно карета. Ну, разве я могу сразу понять, что бывает морской экипаж?.. Надо проделать большую работу, чтобы избавиться от деталей и чтобы понять это... Для этого мне нужно представить, что в карете есть не только кучер, но и лакей, что карета обслуживается целым персоналом – и вот только так я и понимаю это.

...А «взвешивать слова»... Разве можно их взвешивать? Взвешивать: я вижу большие весы, как были в Р., в нашей лавочке; вот на чашку кладут хлеб, а на другой гиря; вот стрелка идет в сторону, вот она останавливается посередине... А тут – «взвешивать слова»... «...Один раз жена Л.С. Выготского сказала мне: «Вам нельзя на минутку подкинуть Асю?» – и я уже вижу, как она крадется у забора, как она что-то осторожно подкидывает..., – это ребенок. Ну, разве можно так говорить?.. ...И еще – «колоть дрова»: колоть – ведь это иголкой! А тут дрова... и «ветер гнал тучи»: «гнал» – это пастух с кнутом, и стадо, и пыль на дороге... И «рубка» капитана... И вот еще. Катя говорит ребенку: «Так тебе и следует»..., – а «следует» – это за кем-то следует... Я же все это вижу...».

Значит, далеко не всегда образное мышление помогает понять смысл языка.

Особенные трудности он испытывает в поэзии... Вряд ли что-нибудь было труд-

нее для Ш., чем читать стихи и видеть за ними смысл...

Многие считают, что поэзия требует своего наглядного мышления. Вряд ли с этим можно согласиться, если вдуматься в это глубже. Поэзия рождает не представления, а смыслы; за образами в ней кроется внутреннее значение, подтекст; нужно абстрагироваться от наглядного образа, чтобы понять ее переносное значение, иначе она не была бы поэзией... И что было бы, если бы мы вжились в образ Суламифи, наглядно представляя те метафоры, с помощью которых описывает ее «Песнь Песней»?..» [Лурия 1968].

Можно предположить, что за исключением крайних случаев: сверхспособностей, подобных описанному А.Р. Лурия или, напротив, измененных, суженных состояний сознания, в норме человек может выделять в тексте несколько уровней смысла. Правда, если его этому обучили.

Эти смыслы могут находиться друг с другом в самых разных диалогических отношениях. Как писал Бахтин: «Доверие к чужому слову, благоговейное приятие (авторитетное слово), ученичество, поиски и вынуждение глубинного смысла, *согласие*, его бесконечные градации и оттенки (но не логические ограничения и не чисто предметные оговорки), наслаивания смысла на смысл, голоса на голос, усиление путем слияния (но не отождествления), сочетание многих голосов (коридор голосов), дополняющее понимание, выход за пределы понимаемого и т. п. Эти особые отношения нельзя свести ни к чисто логическим, ни к чисто предметным. Здесь встречаются *целостные* позиции, целостные личности (личность не требует экстенсивного раскрытия – она может сказаться в едином звуке, раскрыться в едином слове), именно *голоса*» [Бахтин 1979: 300].

Основным методом анализа здесь может быть понимание. Не как «естественный» компонент осознания, но как особая, семиотически организованная деятельность по обнаружению смысловых рядов текста. Исследование текста становится спрашиванием и беседой, то есть, диалогом. Смысл мо-

жет быть понят, раскрыт только с помощью другого смысла. Растворить его в понятиях не возможно, говорил Бахтин. Понимание есть диалог смыслов. Смысловые отношения и есть отношения диалогические.

Понимание, утверждаем мы, возможно только в случае «зазора» между смысловыми структурами текста. В противном случае может быть только запоминание и узнавание как констатация уже заданного. Для понимания необходимо расхождение, непонимание с предстоящим смыслом. Текст должен нести в себе самом диалогические обертоны, чтобы вступать в диалог с другим текстом. Если в нем все отношения стали однозначными, связи окаменели – текст превратился в цитату с навсегда закрепленным смыслом. И тогда с ним возможны любые коммуникативные взаимоотношения кроме диалогических. Такой текст предполагает запоминания, соотнесения с принятой трактовкой, привычную интерпретацию, но не понимание.

4. Любой текст содержит в себе три базовых составляющих. Это «мир объектов», «мир представлений» и «мир слов». В разных жанрах они могут называться по-разному. Когда-то риторика, взяв на себя задачу описания характера взаимосвязи между «миром вещей», «миром слов» и «миром говорящих», совершила фактическое самоуничтожение. Она замкнула линию начатых ею исследований в круг, а сама осталась вне этого круга. Риторика возложила на себя миссию контроля над всеми стадиями процесса трансформации предмета в слово, передачи и хранения этого слова, но сама вышла из поля стратегических дисциплин, передав по эстафете эту функцию методологии. Инструментов для рефлексии понимающей позиции и ее связи с позицией понимаемой тогда еще не было выработано. Тем не менее, риторика развела «миры текста», поместив их в разные этапы (области, сферы, части) движения от мысли к слову. И закрепила жесткую последовательность движения от этапа к этапу. Таким образом риторика задавала целостность коммуникативного действия.

Все разделы, этапы воссоздания текста стояли на общем фундаменте **убеждения** – приобретения союзника в мысли и действии. О совместном размышлении речь не шла.

Технологии книгопечатания, и как следствие – всеобщая образованность, переместили текст из иерархически организованного пространства: говорящий – слушающий (пишущий – читающий) в пространство диалогическое (говорящий и слушающий – слушающий и говорящий). Структурный инвариант текста, наследуемый от риторики: «изобретение–расположение–выражение», приняв форму геометрической фигуры в виде треугольника, получил вращательный момент. Текст стал интересен сам для себя, безотносительно к толпе критиков. Он вступил в период автокоммуникации. И первым отношением внутритекстового диалогизма становится конструирование дистанции. Поскольку без дистанции не возможны никакие отношения. Денотация, манифестация и сигнификация расходятся по знаковым пространствам семиотики, чтобы, вступив во взаимоотношения, породить смысл. Ведь смысл проявляется только в структуре текста как целостности, т.е. в коммуникативном процессе. Сама же структура текста выстраивается вместе с выявлением смысла. Поэтому смысл здесь, внутри текста, есть результат игры. Пример ниже.

«Как писать (Выведение из практической стилистики русского языка)»

Прежде, чем начать разговор о стилистике русского языка, остановимся на том, **С ЧЕГО ВООБЩЕ НАЧИНАТЬ**. Начинать надо с главного. Многие авторы, особенно начинающие, страдают болезнью раскочки, начинают вяло, с неважного, второстепенного, долго разгоняются, тянут резину, боятся сразу взять быка за рога, сразу ввести в курс дела и вводят медленно, постепенно, что, конечно, утомляет читателя. Иногда на вводную часть уходит целый абзац.

Читателя утомляют и бесконечные **ПЕРЕЧИСЛЕНИЯ** фамилий, имен, отчеств, стран, городов, деревень, лесов, морей, полей и рек, озер, пойм, дамб, каналов, заливов и лиманов, а также арыков, айсбергов, оазисов, водопадов, водопроводов,

корогазов, козерогов и т. д. Перечислять можно до бесконечности. Но размер данной статьи не позволяет этого сделать. А потому сразу перейдем к другой распространенной ошибке – **ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ ЦИТАТАМИ**.

«Следует больше видеть самому, чем повторять чужие слова». Эти замечательные слова принадлежат Лихтенбергу. Гельвеций в этой связи заметил: «Немногие авторы мыслят самостоятельно». Поэтому не увлекайтесь цитатами. «Учеными глупцами» называл цитатчиков Лев Толстой. В подкрепление этой мысли не побоюсь привести цитату из латинского: «Цитатум минимум» (Цитируй только в случае крайней необходимости).

ИЗБЕГАЙТЕ НЕНУЖНЫХ КРАСИВОСТЕЙ. Красивое, но ненужное сравнение подобно бриллиантовому колье на груди бородавчатой жабы, которую из серебристого тумана выносит гнусная макака.

Теперь спросим: что такое **РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС**? Когда он ставится? И так ли уж всегда необходим?

К скучному тексту также может привлечь внимание **ИНВЕРСИЯ**. Неправильный в предложении слов порядок – вот что инверсия значит такое.

ИЗБЕГАЙТЕ БАНАЛЬНОСТЕЙ. Пишите хорошо, оригинально.

ОРИГИНАЛЬНО – то, что не банально. Если б все вокруг было оригинально, писать банально было б оригинально, а писать оригинально – банально.

НЕ ПОВТОРЯЙТЕСЬ. Не высказывайте одну и ту же мысль дважды. Дважды высказанная мысль – есть повторение сказанного. Поэтому не повторяйте сказанное дважды. Дважды сказанное – это повторение уже дважды высказанного.

ИЗБЕГАЙТЕ И БОЛЬШОГО ЧИСЛА ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ в одной фразе: одно, два числительных – куда ни шло; но три, четыре – уже много; пять, шесть, семь очень много; восемь – предел; максимум – девять; хотя можно – и больше, если очень хочется, но лучше не надо.

БУДЬТЕ КРАТКИМИ, НЕ УДЛИНЯЙТЕ НЕПОМЕРНО ФРАЗУ, загромождая ее **ДЕЕПРИЧАСТНЫМ ОБОРОТОМ**, стоящим **вдобавок** перед **ПРИЧАСТНЫМ**, который лучше, однако, **ПРИДАТОЧНОГО ПРЕД-**

ЛОЖЕНИЯ, ибо не увеличивает, не расширяет и не нагнетает количество ГЛАГОЛОВ, различных необязательных и лишних ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, стоящих уже непонятно, в каком ПАДЕЖУ, из чего ясно, что крайне много появляется не только НАРЕЧИЙ, но также и СОЮЗОВ, опять-таки каких-либо-нибудь-кое ЧАСТИЦ, СКОБОК, усложняющих (затемняющих) мысль, ЗАПЯТЫХ, ТОЧЕК С ЗАПЯТОЙ; МНОГОТОЧИЙ... прочих знаков препинания – в том числе – ТИРЕ, – если к тому же слог изобилует ложными АЛЛИТЕРАЦИЯМИ, иллюстрирующими лишь иллюзорность любви к слову, и ненужными и натужными РИФМАМИ-рифмами, потому что в КОНЦЕ ФРАЗЫ УЖЕ ЗАБЫВАЕШЬ ТО, О ЧЕМ ГОВОРИЛОСЬ В ЕЕ НАЧАЛЕ.

Несколько (*) слов **О ПРИМЕЧАНИЯХ**. Примечания оправданы только в том случае, когда объясняют темные (**) места (***). Крайне (****) редко пользовался примечаниями, например (****), Пушкин (*****).

Готовя произведение к публикации, НЕ ЛЬСТИТЕ РЕДАКТОРАМ. Редактора у нас – самые лучшие редактора в мире и не нуждаются в ваших похвалах.

ЗАКАНЧИВАТЬ произведение ни в коем случае нельзя категорически. Никогда, никого и ни в чем не поучайте! Запомните это раз и навсегда!!!

Примечания:

* Немного.

** Неясные.

*** Имеется в виду – в тексте.

**** Очень.

***** К примеру.

***** Великий русский поэт (1799-1837), писал стихи». [Константин Мелихан].

Завершив мы статью примером диалога, порожденного встречей трех субъектов, с собственной интерпретацией одного и того же текста. В книге «Между двух стульев» Е.В. Клюев в одном из лирических отступлений рассуждал так:

«Одному моему знакомому очень не нравилась сказка «Курочка ряба». Он не понимал ее. Поступки героев этой сказки казались ему дикими выходками. Рассуждал он примерно так.

«Жили себе дед да баба. Была у них курочка ряба» – это нормально: деды и бабы действительно живут на свете, и у них обыч-

но водится какая-нибудь живность. «Снесла курочка яичко – яичко не простое, а золотое» – что же, предположим. Примем это как допущение... А вот дальше... Дальше начинаются совершенно не мотивированные действия героев. Посудите сами: «Дед бил, бил – не разбил». Зачем, спрашивается, он это яичко бил, если понял, что оно золотое? Золотые яйца не бьются – каждому ясно. «Баба била, била – не разбила» – экая глупая баба! Мало ей, что яйцо золотое, так ее и печальный пример деда ни в чем не убедил... Идем дальше: «Мышка бежала, хвостиком махнула – яичко упало и разбилось». Как же оно, интересно, разбилось, когда золотые яйца (см. выше) не бьются? Ладно, примем это как второе допущение. Но что ж потом? А потом – «Плачет дед». С чего бы это? Ведь за минуту до разбиения яйца мышью сам он стремился к тому же результату! Очень непоследовательный получается дед... Или этот дед настолько мелочен, что ему важно, кто именно разбил яйцо? Непонятно. «Плачет баба» – опять же глупая баба! Механически повторяет все, что делает дед. «А курочка кудахчет: «Не плачь, дед...» – Стоп! Если курочка ряба умеет говорить, то почему же раньше она молча следила за бессмысленными поступками деда и бабы, почему не возмутилась, не объяснила ситуации? Подозрительная курица... Так вот, она говорит: «Не плачь, дед, не плачь, баба, снесу я вам яичко другое – не золотое, а простое!» Тоже мне, утешение: плакали-то они о золотом!.. И вообще – будь яичко с самого начала простым, никакой трагедии не произошло бы: дед благополучно разбил бы его с первого раза без посторонней помощи. И даже баба бы разбила. Но на этом сказка кончается. Что ж это за сказка такая? А вот представим себе: «Жили себе дед да баба. Была у них курочка ряба. Снесла курочка яичко – яичко не простое, а золотое. Обрадовался дед. Обрадовалась баба. Взяли они яичко и понесли на рынок. И там за это золотое яичко продали им десять тысяч простых. Сто яичек они съели, а остальные протухли... Чудная сказка! Я дарю ее моему знакомому: пусть рассказывает своим внукам и правнукам про оборотистых деда и бабу, а мы с вами давайте поставим перед собой вопрос: что же все-таки делать с золотым

яйчком? Ответ на этот вопрос может быть только один: делать с золотым яйчком нечего – и что бы ни предприняли дед и баба, все одинаково нелепо, потому как для них золотое яйцо – это привет из другой реальности. Это бабочка, залетевшая в комнату, где ей не выжить. Это персиковая косточка, брошенная в снег, где ничего не вырастет из нее. Это прекрасное стихотворение на не известном никому языке... «Дар напрасный, дар случайный». Всему – свое место.

«Всему – свое место» – таков, пожалуй, наиболее общий смысл, который можно извлечь из «Курочки рябы». Но вот что странно: вне истории о золотом яйчке, само по себе, суждение это никому не нужно. Представим себе такую ситуацию: некто собрал вокруг себя слушателей, предложил им рассаживаться поудобнее и приготовиться слушать. И вот они расселись по местам, приготовились. Рассказчик раскрыл рот и

произнес: «Всему – свое место». После этого он, может быть, сказал еще: «Спасибо за внимание. Все свободны». Слушатели встали и разошлись. Забавная ситуация...

Теперь спросим себя: какую информацию получили слушатели? Да, пожалуй, никакой. Однако то же суждение, добытое ими из сказки о курочке рябе самостоятельно – пусть и несформулированное, – имело бы гораздо большую ценность. Так рыбак подолгу сидит с удочкой у реки, вылавливая крохотного карасика, в то время как дома ждет его суп из судака. Так мальчишка взбирается на самую верхушку дерева за маленьким кислым яблочком, не обращая внимания на спелые плоды, упавшие на землю. И так бродим мы по дальним дорогам мира, чтобы в конце жизни понять, что значит родина, и вернуться к ней, кружными путями все бродим и бродим по дальним дорогам...» [Клюев 1988: 13-14].

Список литературы

- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 7-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 144 с.
- Гинзбург К.* Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. Сб. статей/Пер с ит. и послесл. С.К.Козлова. – М.: Новое издательство, 2004. – 348 с.
- Клюев Е.В.* Между двух стульев. – М.: Педагогика, 1988. – с. 62.
- Ковалев Г.А.* Три парадигмы в психологии – три стратегии психологического воздействия//Межличностное общение. Хрестоматия/Сост. и общая редакция Н.В. Казариновой, В.М. Погольши. – СПб.: Питер, 2001. – С.26 -39.
- Лотман Ю.М.* О семиосфере//Лотман Ю.М. Избр.статьи в 3-х тт. Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин: «Александра», 1992. Т.1. – С. 12–25.
- Лотман Ю.М.* Текст как семиотическая проблема// Ю.М. Лотман. История и типология русской культуры. – С-Петербург: «Искусство–СПБ», 2002. – 768 с.
- Лурия А.Р.* Маленькая книжка о большой памяти (ум мнемониста). – М.: МГУ, 1968. – с. 88.
- Мелихан Константин.* Избранные произведения. Режим доступа: [drink.nov.ru > avtor/melihan/index.shtml](http://drink.nov.ru/avtor/melihan/index.shtml). – Дата обращения: 12.02.2010. – Загл. с экрана.
- Свифт Джонатан.* Путешествия Гулливера // Jonathan Swift. Gulliver's travels Пер. с англ. под ред. А. А. Франковского. По изд.: Свифт Д. Сказка бочки. Путешествия Гулливера/ М.: Правда, 1987. OCR & spellcheck – Сергей Лапин. – Режим доступа: lib.ru/Старинная_европейская/SWIFT/gulliver.txt. – Дата обращения: 07.03.2011. – Загл. с экрана.
- Фердинанд де Соссюр.* Труды по языкознанию. Пер. с фр. Холодовича А.А. – М.: «Прогресс», 1977. – 696 с.
- Флоренский П.А.* У водоразделов мысли. Т. 2.- М.: «Правда», 1990. - с. 448
- McConnell J.V.* // J. Neurophysiol. 1962. V.3. Suppl.1. P.542-548.
- Eco Umberto.* The Limits of Interpretation. Bloomington: Indiana University Press, 1990.

Трибуна молодых ученых

В.А. Мальцева

УДК 430

СУДЕБНЫЕ ПРЕНИЯ: РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ

В статье рассматриваются речевые стратегии и тактики на примере судебных прений как ключевого этапа судебного процесса. Автором рассматриваются стратегии и тактики речевого воздействия и их реализация в судебной коммуникации. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что эффективность судебного спора непосредственно связана с задачами речевого воздействия.

Ключевые слова: Судебные прения, речевое воздействие, речевая стратегия, речевая тактика.

Valentina A. Maltseva

JUDICIAL DEBATE: SPEECH STRATEGY AND TACTICS

Speech strategy and tactics on an example of judicial debate as key stage of lawsuit are considered in this article. The author considers strategies and tactics of speech influence and their realization in the judicial communications. The carried out analysis allows making a conclusion that efficiency of judicial dispute is directly connected with problems of speech influence.

Key words: Judicial debates, speech influence, speech strategy, speech tactic.

Понятие речевого воздействия в современной науке активно разрабатывается в исследованиях, касающихся коммуникации, в разных аспектах и направлениях. В последние годы исследователи говорят о существовании особой науки о речевом воздействии. Эта наука формируется как интегральная, объединяющая усилия представителей целого комплекса смежных наук – традиционной системной лингвистики, психолингвистики, прагматической лингвистики, риторики, дискурсивной лингвистики, стилистики и культуры речи, психологии, теории массовой коммуникации и под. [Стернин 2001: 4]. Что касается предмета речевого воздействия, он в значительной степени различается в зависимости от аспекта изучения данных процессов. Сложность и многоаспектность самого объекта определяет различие предметных областей [Иссерс 2009: 22].

Мы отдаем предпочтение психолингвистической модели речевого воздействия. Именно в рамках психолингвистического подхода объединены исследовательские возможности психологии и лингвистики, что делает психолингвистическую модель наиболее адекватной при описании речевого воздействия. Данная модель разрабатывалась в рамках теории речевой деятельности с опорой на общепсихологическую теорию деятельности А.Н. Леонтьева [Леонтьев А.А. 2007: 271-281; Петренко 1990: 18-31; Тарасов 1990: 5-18]. Речевое воздействие может быть определено как целенаправленное речевое общение, предполагающее наличие субъекта и объекта воздействия с целью изменения сознания и/или управления поведением объекта со стороны субъекта.

Использование приемов речевого воздействия незаменимо в судебной коммуникации, т.е. речевого взаимодействия сторон в рамках того или иного вида судебной юрисдикции. Судебный дискурс представляет собой статусно-ориентированное общение, которому присуща высокая степень конвенционализации и иерархическая ролевая структура. Судоговорение в суде происходит

в определенном контексте, под которым понимается вся совокупность обстоятельств, в которых происходит речевая коммуникация. Эффективность судебной коммуникации связана с задачами речевого воздействия.

Юристы – это профессиональные коммуникаторы, то есть специалисты, ориентирующиеся на многообразные варианты речевого поведения и осознанно отбирающие их в зависимости от ситуации для достижения поставленных целей. Поиск судебной истины, который ведется сторонами судебного процесса с конечной целью принятия законного, обоснованного и справедливого решения, в определенной степени зависит от правильности выбора стратегий речевого воздействия, то есть от умелого ведения стратегической коммуникации.

Стратегия речевого воздействия представляет собой способ оперирования информацией с целью изменения поведения объекта речевого воздействия (т.е. того, кто подвергается речевому воздействию) в направлении, планируемом субъектом речевого воздействия (т.е. тем, кто осуществляет речевое воздействие) [Олянич 2007: 269]. В большинстве случаев существует несколько способов достичь цели, что требует привлечения понятия тактики. Именно в результате исследования речевых тактик возможно выявление стратегий в реальном речевом общении.

Речевая тактика – это одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии. Необходимо обратить внимание на динамический характер речевой тактики, обеспечивающей гибкость стратегии, оперативное реагирование на ситуацию. Именно тактики и являются практическим инструментом говорящего.

В основе понятий речевых стратегии и тактики лежит разграничение основных и второстепенных целей общения. Основные цели, ради которых и затевается коммуникация, соотносятся с семантическими (когнитивными) стратегиями, т.е. непосредственными целями воздействия, все остальные – с разнообразными мотивами человеческой деятельности

[Иссерс 2002: 58, 106-107]. Соответственно, выделяется группа вспомогательных стратегий – **прагматических (коммуникативно-ситуационных), риторических и диалоговых (конверсационных)**.

Судебные прения являются ключевым этапом судебной коммуникации. Это та часть судебного разбирательства, которая наступает после окончания судебного следствия, и, согласно ст. 292 УПК РФ, состоит из речей обвинителя и защитника. При отсутствии защитника в прениях сторон участвует подсудимый. В прениях сторон могут также участвовать потерпевший и его представитель. Именно в судебных прениях наглядно проявляется состязательное начало процесса, стороны подводят итоги проведенного исследования фактических обстоятельств дела, анализируют собранные доказательства, высказывают и обосновывают каждый свое мнение по поводу вопросов, подлежащих разрешению судом.

В ходе судебных прений происходит процесс окончательного убеждения суда, и речь, стратегически грамотно выстроенная и произнесенная в соответствии с требованиями данной части судебного процесса, окажется наиболее эффективной и может оказать влияние на принятие нужного судебного решения.

Материалом для статьи послужили тексты судебных прений по уголовным делам, рассмотренным в судах Республики Коми за период с 2007 по 2010 гг. Проанализированные материалы позволяют подтвердить выбранную классификацию: семантические стратегии в абсолютном большинстве случаев являются ведущими, прагматические, риторические и диалоговые стратегии являются вспомогательными, в большинстве речей эти виды стратегий представлены слабо или не представлены вовсе. На наш взгляд, причина абсолютного доминирования семантических стратегий вызвана недостаточным уровнем развития речевой компетенции многих юристов, малым практическим опытом использования средств речевого воздействия в судебном процессе. Данное

заклучение подтверждает необходимость профессиональной речевой подготовки студентов на юридических факультетах вузов.

Семантические стратегии рассматриваются как основные, наиболее значимые с точки зрения мотивов и целей, поскольку непосредственно связаны с воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей. Применительно к судебному судоговорению по уголовным делам можно сказать, что именно семантические стратегии играют решающую роль в построении картины «дела» каждой из сторон судебного процесса, именно с их помощью судебные ораторы оказывают влияние на убеждение судьи и присяжных заседателей. Разделение между стратегиями разного типа зачастую имеет условный характер, в самом дискурсе стратегии выступают в комплексе. Языковые маркеры, манифестирующие тот или иной тип стратегий, в приводимых примерах выделены с помощью шрифта, однако следует учесть, что в некоторых контекстах они могут идентифицировать одновременно разные типы стратегий.

К семантическим стратегиям, используемым в судебном судоговорении, относятся **стратегии убеждения, деструкции и интерпретации действительности** с соответствующим набором тактик.

1. **Стратегия убеждения** доминирует в судебных прениях, поскольку само судебное доказывание построено главным образом на рациональной аргументации. Наиболее ярко эта стратегия проявляет себя в обвинительных речах, поскольку государственный обвинитель в судебном процессе представляет «дело» в том виде, как оно сформулировано в обвинительном заключении. В других видах судебных речей эта стратегия также активно используется.

Рассмотрим основные тактики.

1) **Тактика экспликации причинно-следственных связей.** Используется для подтверждения или опровержения обвинения.

Я настаиваю на том, что оснований для применения ст. 64 УК РФ нет. Преступление, совершенное Ганюковым С.А.,

носит дерзкий и наглый характер, **так как события преступления происходили длительное время сперва в отношении одного, а затем – второго потерпевшего. Исходя из конкретных обстоятельств совершения преступления, какого-либо физического или психического воздействия на подсудимого не было. Он мог избежать совершения преступления. Поэтому не вижу никаких оснований доверять позиции подсудимого** (обвинительная речь).

2) Как разновидность рассмотренной выше тактики выступает **тактика экспликации временных связей**.

В конце апреля – начале мая 2008 г. Агафонов подобрал вариант – комнату по ул. Морозова стоимостью 900 000 рублей, затем в мае 2008 г. Агафонов показал Кочевой договор купли-продажи данной комнаты. Однако в последующем денежные средства, указанные в этом договоре, она не получила (обвинительная речь).

3) Тактика **апелляции к авторитетам**. Реализуется в судебных речах при квалификации преступления и, следовательно, предполагаемой мере наказания. В этом случае в качестве авторитетных источников выступают нормы законодательства. Обычно профессиональные участники судебного процесса точно формулируют ссылки на нормы законодательства.

Уважаемый суд, защита также считает, что по данному уголовному делу на основании статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации должны быть исключены как недопустимые доказательства, связанные с изъятием, исследованием и описанием джинсов Безнощенко (защитительная речь).

В качестве «авторитетов» могут выступать значимые в глазах общества награды и знаки отличия, пословицы и поговорки, общепризнанные нравственные запреты и императивы. Тактики экспликации причинно-следственных связей и тактика апелляции к авторитетам в обвинительных речах обычно выступают в сочетании:

1. Стратегия деконструкции направ-

лена на то, чтобы разрушать и порождать сомнения в доброкачественности смысловой структуры дела «дела» своего процессуального оппонента.

Основной в рамках этой стратегии является **тактика дискредитации**. Дискредитации могут подвергаться достоверность показаний подсудимых, свидетелей потерпевших, их репутация; действия следователей, адвокатов, судей, экспертов; уровень их квалификации, их незаинтересованность и объективность.

Прошу суд к показаниям свидетелей Агафонова О.Б., Шпортько Т.Н., Окунева, Расторгуева, Костылева, Донцова отнестись критически. Обвинение не принимает во внимание их показания и считает их ложными (обвинительная речь).

Считаю, что показания специалистов Шведовой и Дрокина, а также представленные стороной защиты рецензии других специалистов подлежат критической оценке, поскольку являются их личным мнением, не основанным на требованиях методики проведения почерковедческих экспертиз (обвинительная речь).

Тогда мы решили заявить отвод судье, который заинтересован в исходе данного дела (защитительная речь).

В ходе следствия я допустил много упущений из-за незнания. Адвокат не представил мне той защиты, которая должна быть, а я юридически неграмотен (последнее слово подсудимого).

3. Стратегия интерпретации действительности. Говоря о когнитивных механизмах интерпретации действительности, О.С. Иссерс приводит слова Ч. Ларсона, что все способы воздействия, связанные с интерпретацией того или иного события, образа, ситуации можно свести к двум когнитивным стратегиям: **интенсификации** (intensify) и **приуменьшения** (downplay). Их суть заключается в «дозировании» количества и качества информации о том или ином объекте действительности [Иссерс 2009: 54]. Мы рассматриваем их как тактики.

1) Тактика интенсификации предпо-

лагает «игру на повышение». Использование этой тактики в судебных прениях зафиксировано как в текстах обвинительных, так и защитительных речей и репликах.

Безмерно горе людей, потерявших своих близких в том аду. Горечь утраты не сможет уменьшить ничто. Но никакая трагедия и никакое горе не могут быть оправданием для осуждения невинного человека (защитительная речь).

Мы не воспринимали его как сотрудника милиции. ... Мы воспринимали его как гражданское лицо. Его действия мы воспринимали как угрозу для себя. Я воспринимал это как реальную угрозу (реплика подсудимого).

2). **Тактика приуменьшения** заключается в сокрытии или затушевывании информации, она чаще применяется в судебных прениях в обвинительных и защитительных речах, репликах и последних словах. Приуменьшается нанесенный ущерб, степень угрозы, наличие преступного умысла.

При каких обстоятельствах у подсудимого Воронова И.П. был изъят мобильный телефон потерпевшего, пояснил сам Воронов И.П. При этом Воронов И.П. осознавал, что данный мобильный телефон является чужим имуществом, но, по его словам, умысла на совершение хищения телефона он не имел (обвинительная речь).

От нас никакой реальной угрозы не исходило. В тот момент, когда потерпевший вышел, мы от всех действий добровольно отказались, ехали домой. Никаких побуждений у нас не было (реплика подсудимого).

Прагматические стратегии. Следует отметить их особую значимость в судебных прениях по уголовным делам. Данные стратегии опираются на компоненты коммуникативной ситуации, кроме сообщения: оно является предметом семантических стратегий. Коммуникативная ситуация судебного заседания на этапе судебных прений остается в основе своей стабильной и имеет ритуальный характер, мена коммуникативных ролей строго регламентирована председательствующим.

1. **Стратегия самопрезентации.** Следует отметить, что в судебных прениях для

выступающего чрезвычайно важным является «образ ратора», поэтому прагматическая стратегия самопрезентации является постоянной составляющей стратегической конфигурации текста. Рассмотрим основные тактики.

1) **Статусно-ролевая тактика** направлена на то, чтобы обозначить процессуальных участников и, соответственно, правила их речевого поведения в обвинительных и защитительных речах. Чаще всего используются процессуальные наименования: *обвинение, сторона обвинения, защита, сторона защиты, подсудимый, подзащитный*, реже используются личные местоимения и описательные обороты.

Сторона обвинения считает, что вина подсудимых полностью нашла свое подтверждение (обвинительная речь).

2). **Тактика построения имиджа** имеет огромное значение в судебных прениях и является основной в рамках стратегии самопрезентации. Она активно реализуется во всех видах выступлений и включает разнообразный набор тактик. Отметим основные имиджевые тактики, свойственные разным процессуальным участникам в соответствии с исполняемыми ими ролями в судебных прениях. Следует отметить, что в целом имиджевые тактики выходят за пределы собственно самопрезентации, с их помощью «конструируется» имидж подсудимого, потерпевшего и других участников судебного процесса.

А) **Имидж объективного и высококвалифицированного профессионала-юриста** используется в равной мере, как обвинителями, так и защитниками.

В большей мере это волнение вызвано тем, что на плечах государственного обвинения, лежит высокая ответственность, помочь вам уважаемый суд, объективно разобраться в доказательствах и принять справедливое и законное решение (обвинительная речь).

Гордиться выполненной работой в профессии адвоката можно когда осознаешь и доказал суду, что знаешь закон и умеешь его применять лучше оппонента (защити-

тельная речь).

Б) **Имидж честного профессионала-юриста** в большей степени используется защитниками в противовес укоренившемуся в общественном сознании стереотипу адвоката как защитника преступников.

Однако роль защитника в уголовном процессе не «отмазать» преступника, как преподносят герои сериалов, и не следовать общественному мнению, как хотелось бы обывателям, и не поддерживать версии обвинения, как желала бы сторона обвинения, а осуществить юридическую защиту лица, в отношении которого ведется уголовное преследование (защитительная речь).

В). **Имидж непримиримого борца с преступностью**, радеющего за общественное благо, часто используется государственным обвинителем.

*Сегодня я говорю не только от имени погибших, но и всего общества. Насильственные преступления должны вызывать осуждение у каждого человека. **Никому не дано право избивать, а тем более убивать других людей. Подсудимые с легкостью пошли на эти тяжчайшие преступления, а значит, представляют опасность для общества** (обвинительная речь).*

Г). **Имидж подсудимого как жертвы несправедливых обвинений** используется в защитительных речах, репликах подсудимых и последних словах подсудимых.

А мой подзащитный был просто сломлен, он говорил, что его не избивали, его морально и физически преследовали, на него давили, и он был вынужден признаться, написать явку с повинной и заявление, которое было сделано (защитительная речь).

Я признаю свою вину в том, что сделал, а за других я не должен нести ответственность (последнее слово подсудимого).

Д) **Имидж «невинной овечки»:**

В своей жизни не занимался, не занимаюсь, и не буду заниматься преступной деятельностью (последнее слово подсудимого).

При использовании имиджевой тактики «невинного и напрасно обвиняемого» под-

черкивается именно незаконный характер уголовного преследования, когда в совершении преступления обвиняется невинный человек или когда подсудимый обвиняется в совершении более тяжкого преступления, чем действительно содеянное, или когда в отношении него правоохранительными органами предпринимаются незаконные действия, противостоять которым он не в состоянии. Имиджевая тактика «невинной овечки» используется подсудимыми в последних словах и репликах, т.е. характерна именно для заключительных этапов судебного процесса, привязана к ним.

Отличие тактики «невинной овечки» от тактики «невинного и напрасно обвиняемого» заключается в том, что «невинная овечка» отрицает все, все обвинения полностью, делает акцент на своей невинности, даже если до этого обвинения частично призывались. Целью использования подобной имиджевой тактики именно перед вынесением судебного решения, является стремление убедить суд в том, что обвинительный приговор будет вынесен в отношении невинного человека.

Е) **Имидж искренне раскаявшегося** используется в защитительных речах, репликах и последних словах подсудимых:

*Я прошу прощения у потерпевшей. Обещаю, что **возмещу ей материальный и моральный ущерб. Я не хочу за решетку, буду работать, и приносить пользу обществу и государству** (реплика подсудимого).*

Ж) **Имидж подсудимого как «случайно оступившегося»** используется в защитительных речах. В данной имиджевой тактике подчеркивается случайный характер совершения преступления и невозможность рецидива.

*Мой подзащитный молодой парень, бывал в местах боевых действиях, имеет награды, удостоверение ветерана, **характеризуется положительно, к административной ответственности не привлекался** (защитительная речь).*

З) **Имидж требующего справедливости** используется в репликах потерпевших:

У нас нет связей, послушной прессы, денег. Мы простые люди, мы верим в торжество справедливости, просим вас изучить все внимательно и принять единственное правильное решение (реплика потерпевшей).

И) **Имидж жертвы преступников** используется в репликах потерпевших. При использовании этой тактики подчеркиваются физические и моральные страдания, которые причинили потерпевшим преступники.

Сына уже не вернуть. Подсудимые сломали себе жизнь, но они сломали жизнь и семье моего сына, оставили детей без отца. Не один год жизни они укоротили и нам с матерью (реплика потерпевшего).

3) **Тактика подстройки** предполагает отождествление себя как участника судебного процесса с обществом, по принципу «я такой же, как и вы». Используется в защитительных речах и в последнем слове подсудимого.

Я всегда был сторонником здорового образа жизни, всегда старался внести свой вклад в жизнь общества, поэтому и пошел в пожарную охрану. Я хочу создать свою семью, все для этого делаю. Я люблю свою супругу, мы не собираемся расставаться, несмотря ни на что будем вместе (последнее слово подсудимого).

2. **Эмоционально-настраивающая стратегия** относится к коммуникативному контексту как компоненту коммуникативной ситуации, поскольку реализация стратегических задач во многом зависит от контекста, в котором осуществляется речевое общение. Следует отметить, что эмоционально-настраивающая стратегия используется, как правило, в громких делах, к которым приковано общественное внимание и реализуются в обвинительных и защитительных речах, задавая тональность общения.

1) **Тактика создания эмоционального фона** имеет оценочный характер:

Очень непросто выступить в защиту того, кто, по мнению стороны обвинения, виновен в гибели двадцати пяти безвинных человек. Очень непросто противопостав-

лять себя общественному мнению, которое уже сделано свой вывод о бесспорной виновности Пулялина и Коростелева (защитительная речь).

2) **Тактика комплимента** в судебном судоговорении используется для реализации сокращения дистанции между процессуальными оппонентами с целью демонстрации общности целей.

Я знаю, не уверен, а знаю, что мои оппоненты знают закон не хуже, но лучше меня. Поэтому процесс не только трудный, но и страшный. Мои оппоненты, сторона обвинения – первоклассные профессионалы, которые не могут не видеть всей полноты картины следствия, не осознавать значения имеющих в деле недопустимых в правовом государстве обстоятельств, которые, на мой взгляд, имеют все признаки должностных преступлений, в конечном итоге приведшие к бездоказательному обвинению двух людей (защитительная речь).

Диалоговые в судебных прениях реализуются слабо в отличие от судебного следствия, в котором приемы управления диалогом чрезвычайно продуктивны, например, в судебном допросе.

В рамках **риторических** стратегий используются различные приемы ораторского искусства и риторические техники эффективного воздействия на адресата. Следует отметить, что в судебных прениях риторические стратегии носят инструментальный характер и реализуются в определенном наборе тактик.

Мы сочли возможным остановиться на приемах **эмоционального воздействия**, апелляции к человеку. По типу эта стратегия является семантической, по используемым речевым приемам – риторической.

Адвокат сказал, что у них дети. А у меня что, не дети? У меня двое детей остались без мамы (реплика потерпевшего).

Эти нелюди не должны находиться рядом с нами, их место в тюрьме. Должен же кто-то оградить порядочных людей от нечисти. Мы надеемся на порядочный суд. Божья кара все равно достигнет злодеяние

(реплика потерпевшей).

Отметим наиболее продуктивные **тактики**.

1) **Тактика привлечения внимания.**

Ваша честь, уважаемые присутствующие. Я начну с несогласия в предъявленных подсудимым обвинениях. Обвинение Мoiseву А.В. по ст. 167 ч. 1 УК РФ предъявлено без достаточных на то оснований (обвинительная речь). – Для речи государственного обвинителя в судебных прениях это неожиданное начало, сразу привлекающее к себе внимание.

2). **Тактика драматизации** построена на использовании гипотипоза. Используется в обвинительных и защитительных речах при изложении обстоятельств дела, в последнем слове – для стимулирования образного воображения, подстройке к судебной аудитории.

Я не могу слушать детей, когда они спрашивают, почему папа лежит в ямке, просят достать его из ямки, говорят, что будут лечить его, говорят, что хотят с ним туда. Мне тяжело это слушать. Дети спрашивают, почему плохие дяденьки убили нашего папу (последнее слово потерпевшей).

3) **Тактика имитации диалога**, основанная на прозопопее, используется преимущественно в речах защитников:

Ведь говорят же, что били, угрожали убить, пистолет совали, вымогали – а ре-

акция? – Ноль реакции. Странно? – Еще бы не странно. Нет объяснения двойному стандарту поведения следователя. Или есть? (защитительная речь)

4) **Тактика аналогии:**

Знаменитый французский юрист Луи Ферье сказал: доказательства строятся из фактов, как дом из кирпичей, однако нагромождение фактов не есть доказательство, как груда кирпичей не есть дом. Так и в данном случае, конфликт Давида Махмудова с подсудимыми является фактом отдельным, не повлекшим никаких последствий для них и не являющийся причиной корыстного мотива совершения поджога (защитительная речь).

5) **Тактика противопоставления**, построенная на антитезе:

Дети подсудимых дождутся их, а мои обречены, жить без отца (последнее слово потерпевшей).

Следует отметить, что перечисленными тактиками возможности риторических стратегий не исчерпываются и могут быть дополнены в соответствии с используемыми риторическими приемами.

Таким образом, коммуникативное поведение субъектов судебного дискурса включает иерархию основных и вспомогательных речевых стратегий и тактик, реализация которых направлена на достижение требуемого судебного решения.

Список литературы

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Изд. 2-е. – М.: «Едиториал УРСС», 2002. – 284 с.

Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». – М.: «Флинта»: «Наука», 2009. – 224 с.

Леонтьев А.А. Психология общения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 4-е изд. – М.: «Смысл»; Издательский центр «Академия», 2007. – 368 с.

Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: Монография. – М.: «Гнозис», 2007. – 407 с.

Петренко В.Ф. Структура сознания в речевом воздействии // Петренко В.Ф., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. и др. Оптимизация речевого воздействия. – М.: «Наука», 1990. – С. 18–31.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие: Монография. – Воронеж, 2001. – 252 с.

Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие: методология и теория // Петренко В.Ф., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. и др. Оптимизация речевого воздействия. – М.: «Наука», 1990. – С. 5–18.

Т.М. Терехова

УДК 81'23

РАДОСТЬ КАК ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ СЧАСТЬЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И НЕМЦЕВ

Статья посвящена сопоставительному анализу двух ассоциативных полей: русскоязычного «радость» и немецкоязычного «Freude». Образ языкового сознания «радость» рассматривается как эмоциональная составляющая счастья. Путем выявления черт сходства и различия и их интерпретации определяется этнокультурная специфика данных образов языкового сознания.

Ключевые слова: ассоциативное поле, когнитивные и эмоциональные компоненты, сфера сознания.

Tatyana M. Terekhova.

JOY AS AN EMOTIONAL COMPONENT OF HAPPINESS IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS AND GERMANS

The article deals with the comparative analysis of two association fields: Russian “Joy” and German «Freude». The image of “Joy” is viewed as an emotional component of happiness. By means of identification and interpretation of similarity and differences of these images their ethnocultural characteristics are defined.

Key words: association field, cognitive and emotional components, mental sphere.

Проблема сопоставительного изучения содержания двух эквивалентных слов в разных языках предполагает сравнительный анализ их компонентов. Результаты ассоциативных экспериментов свидетельствуют о том, что такая ценность как «радость» входит одним из компонентов в ассоциативное поле «счастье».

В психологии счастье является предметом изучения как явление субъективного благополучия. В рамках этого субъективного ощущения психологи выделяют когнитивный компонент – «это удовлетворенность своей жизнью, в процессе ее возникновения большую роль играют такие объективные факторы, как доход, занятость, образование, социальные отношения, состояние здоровья и т.п.» [Аргайл 2003: 68]. Другой составляющей счастья является его эмоциональный компонент, в рамках которого выделяются, с одной стороны, положительные эмоции, с другой стороны, отсутствие отрицательных эмоций. Причем, источники как отрицательных, так и положительных эмоций могут быть самые различные. Исследования позитивного настроения и положительных эмоций выявили, что они включают в себя чувства удовольствия, ощущение легкости и уверенности в себе. Но основным видом положительных эмоций является радость.

Целью описываемого ниже сопоставительного анализа ассоциативных полей слов «радость» и «Freude» [Ассоциативные нормы русского и немецкого языков 2004: 112] было выявление сходств и различий в содержании данных образов как эмоциональных составляющих счастья в сознании носителей русского и немецкого языков.

При анализе всей совокупности ассоциативных реакций, полученных на стимул «радость» у русскоязычных и «Freude» у немецкоязычных респондентов мы исходили из положения А.В.Иванова о четырехкомпонентной структуре человеческого сознания [Иванов 1994: 51]. В соответствии с этим положением в рамках целостного феномена сознания можно схематически вычленить

четыре компонента, соответствующие различным психическим видам восприятия и переработки субъектом информации, поступающей извне. Первым компонентом в этой структуре является телесно-перцептивная сфера сознания, в которую входят ощущения, восприятия и представления, связанные с информацией о внешнем мире и о собственном организме субъекта. В рамках этой сферы сознания формируется непосредственная чувственно-телесная картина реального мира. Второй компонент образует логико-понятийная сфера нашего сознания. Она объединяет понятия и абстракции различного уровня, являющиеся результатом мыслительного постижения свойств и связей окружающего мира. В третью сферу сознания, образующую его эмоционально-аффективный компонент, входят субъективные личностные чувства и переживания человека. Эта сфера непосредственно не связана с реальным предметным миром, в ней концентрируются различные психические реакции на реальные ситуации и события. Таким образом, сам образ «радость» располагается именно в этой сфере сознания. Последний, четвертый компонент представляет собой ценностно-мотивационную сферу нашего сознания, она объединяет высшие мотивы деятельности личности, её духовные смыслы и отражает ценности как формы согласования предметной действительности с духовными целями человека.

4	2
3	1

В соответствии с этой условной схемой все реакции на стимул «радость» для русскоязычных и „Freude” для немецкоязычных испытуемых были распределены по четырем сферам сознания, что представлено в Таблице 1 (частотные и единичные русскоязычные реакции) и Таблицах 2 и 3 (немецкоязычные частотные и единичные реакции соответственно). В центре таблиц расположены те слова-реакции, которые несут в себе признаки сразу нескольких сфер сознания и поэтому не могут быть однозначно отнесены ни в один из четырех секторов. Числа после

слов в таблицах с частотными реакциями обозначают количество подобных ответов в процентах от общего числа реакций.

Прежде всего необходимо отметить среди немецкоязычных ответов наиболее часто встречающуюся реакцию «счастье» (Glück – 21%), а также реакцию «счастливый» (glücklich – 5%). Это означает, что более четверти немецких респондентов а-

социируют радость со счастьем. В русскоязычных реакциях на стимул «радость» количество подобных ответов в пять раз меньше (лишь 5%).

Таблица 1.

Русскоязычные реакции на стимул «радость»

<p>горе 5 счастье 5 победы 2 бытия в дом всем напрасно на свете жить прекрасно удача хорошо</p>		<p>большая 8 встречи 3 моя 3 жизни 2 вместе день рождения женщины звонок иметь магазин неожиданная недолго общения огромная</p> <p>познания покупка принести пришла в дом прыгать ромашки стол смех сессия ты моя у меня чувство чужая</p>
	<p>улыбка 3 без конца и края жизнь затаенная людям мигомлетная небывалая одиночество слезы свет светлая ура</p>	
<p>веселье 2 гадость 2 грусть 2 нежданная 2 нечаянная 2 бурная восторг горесть дикая любви неописуемая приятно тоска удовольствие</p>		<p>секса тихая</p>

Продолжая анализировать ценностно-мотивационную сферу данного образа у русских и немцев, мы обнаруживаем, что для последних радость представляет нечто прекрасное («schön» 5%) и важное («wichtig» 3,5%). В отличие от немцев, у русских по-

добные реакции практически отсутствуют – мы находим лишь единичные ассоциации «прекрасно» и «хорошо».

Таблица 2.

Немецкоязычные частотные реакции на стимул «Freude»

<p>Glück 21 glücklich 5 schön 5 wichtig 3,5 Leid 3,5 Freunde 3 gut 1 Pech 0,5</p>		<p>Beethovens 2 groß 2 Gefühl 1 Stimmung 1 Treffen 0,5 Überraschung 0,5 erleben 0,5 Geburtstag 0,5 Geld 0,5 Kinder 0,5 lebensnotwendig 0,5 selten 0,5</p>
	<p>Lachen 13 leben 1,5 Geschenke 2 Weihnachten 1 am Leben 0,5 feiern 0,5 Feinde 0,5 lächeln 0,5 Lied 0,5 Musik 0,5 Zusammenhalt 0,5</p>	
<p>Spaß 6 Trauer 6,5 Ärger 1 Liebe 1 Traurigkeit 1 fröhlich 1,5 Hass 1 Jubel 1 Vergnügen 1 Glücksgefühl 0,5 Euphorie 0,5 freuen (sich) 0,5 Hochstimmung 0,5 Hoffnung 0,5</p>		

Большое количество реакций находится в эмоционально-аффективном секторе сознания, что обусловлено самим словом-стимулом «радость», часто ассоциирую-

щимся с различными положительными эмоциями.

Различия в ответах русских и немецких испытуемых в данном секторе тематически

Таблица 3.

Немецкоязычные единичные реакции на стимул «Freude»

<p>ehrlich Erfolg Erfüllung Freund freundlich positiv Sieg verlieren wunderbar zuverlässig</p>		<p>am Fahren Ausfall Befinden behalten Beziehung Clique deutsch Emotion Ferien Feuer Feuerwerk fühlen Fußball groß haben Herz Herzschlag</p>	<p>Springen jn treffen Kind lange nicht gehabt Menschen Mutter oft singen spielen Sonne Träume Urlaub Verbrauch Wangen wiedersehen zeigen</p>
	<p>Bruder ein Kopf voll Rasen feiern Götterfunken herrlich Kinderlachen Kumpel Leben Rückhalt Viele Arme</p>		
<p>Aufregung Erlebnis Erleichterung freuen Fröhlichkeit Frust Genuss Glückseligkeit happy jauchzen Kummer Lust Qual Unglücklich Wohlbefinden zufrieden</p>		<p>ficken Sex Tod Tränen warm</p>	

не значительны, они представляют собой синонимичные («веселье», «Spaß», «Jubel») или антонимичные («грусть», «Trauer») стимулы реакции. Однако обращает на себя внимание значительная разница в количестве реакций, выражающих разнообразные эмоции, у русских и немецких респондентов. В то время как подобные частотные реакции русских насчитывают только 4% (не считая отдельных единичных ответов), немецкоязычные реакции со значением положительных или отрицательных эмоций составляют около четверти (22,5%) всех частотных ответов. Помимо этого, сама палитра эмоций, ассоциируемых немцами с радостью, намного разнообразнее («Liebe», «Vergnügen», «Ärger», «Hass» и т.п.).

В логико-понятийном секторе можно выделить немецкоязычную реакцию «Beethovens» (2% ответов), относящуюся к категории пресуппозициональных, т.е. между стимулом и реакцией незримо присутствует реакция (ода «К радости»), ставшая стимулом для окончательного ответа, который является примером отражения в ассоциативном поле экстралингвистических знаний (в данном случае из области музыки).

В остальном, значительная часть как русских, так и немецких реакций, которые находятся в логико-понятийном и ценностно-смысловом секторах сознания, представляет собой информацию об источнике радости:

«встречи» 3%, «победы» 2%, «Geschenke» 2%, «Weihnachten» 1%, «Treffen» 0,5%, «Musik» 0,5%, а также единичные реакции «день рождения», «покупка», «Ferien», «Fußball» и т.п. Однако в отличие от русских реакций, среди которых мы не находим ни одного указания на одушевленное лицо как предположительный источник радости, у немцев мы обнаруживаем: «Freunde» 3% ответов и единичные реакции «Kumpel», «Freund», «Bruder», «Kind», «Mutter». В целом, эти данные соответствуют результатам психологических экспериментов, которые свидетельствуют о следующих наиболее распространенных источниках радости: прием пищи, межличностные взаимосвязи и сексуальные отношения, занятия спортом и физические упражнения, успех и социальное одобрение, музыка и другие виды искусства, отдых и релаксация.

Таким образом, из нашего сопоставительного исследования можно сделать вывод о том, что в русскоязычном сознании радость слабо закреплена как неотъемлемая эмоциональная составляющая счастья. Это подтверждается также проведенным ранее сравнительным анализом ассоциативных полей «счастье» и «Glück» [Терехова 2010: 128]. В немецком языковом сознании прослеживается тесная связь между образами «Freude» и «Glück», а в последнем активно задействованы эмоциональные компоненты.

Список литературы

- Аргайл М.* Психология счастья: пер. с англ. – СПб.: Питер, 2003. 271 с.
- Ассоциативные нормы русского и немецкого языков / Н.В. Уфимцева, И.А. Стернин, Х. Эккерт. и др. – Москва-Воронеж: Истоки, 2004. 130 с.
- Иванов А.В.* Сознание и мышление. – М.: Изд. МГУ, 1994. 129 с.
- Терехова Т.М.* Опыт сопоставительного анализа семантического поля «счастье» в русском и немецком языковом сознании // Вестник Военного университета, 2010. - №3 – С.124-128

Е.А. Таныгина

УДК 81'23

ВНУТРЕННИЙ ОБРАЗ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ КРАСНЫЙ В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье на примере цветообозначения красный обсуждаются результаты исследования внутреннего образа цветообозначений в сознании носителя современной русской культуры. В работе использовались методики свободного ассоциативного эксперимента, семантического дифференциала и факторного анализа.

Ключевые слова: цветообозначение, внутренний образ, сознание, ассоциативный эксперимент, семантический дифференциал, факторный анализ.

Elena A. Tanygina

INNER IMAGE OF RUSSIAN COLOUR TERM KRASNYI (RED) IN THE CONSCIOUSNESS OF REPRESENTATIVES OF MODERN RUSSIAN CULTURE

The results of research on special features of colour terms inner image in the consciousness of the representatives of modern Russian culture on the example of Russian colour term krasnyi (red). The following techniques are used: association experiment, semantic differential, factor analysis.

Key words: colour term, inner image, consciousness, association experiment, semantic differential, factor analysis.

Объектом исследования в настоящей статье является внутренний образ ЦО **красный** в сознании носителя русской культуры. Теоретическим основанием исследования являются психолингвистическое учение о слове А.А. Залевской [Залевская 2005], концепция культурного знания Ф. Шарифиана [Sharifian 2008], а также работы А.П. Василевича [Василевич 2003] и Р.М. Фрумкиной [Фрумкина 2001] по изучению ЦО в психолингвистическом аспекте.

В статье предложен комплексный подход к исследованию ЦО с использованием психолингвистических методов и методов статистической обработки данных. Целью исследования было выявление особенностей «внутреннего образа» ЦО **красный** в сознании носителя русской культуры. На соответствующих этапах работы были использованы ассоциативный эксперимент (АЭ), дефиниционный анализ, семантический дифференциал (СД) и факторный анализ (ФА).

Изучив подробнее вопрос о соотношении знания и наименования в лингвистике, а также о соотношении знания индивидуального и культурного при формировании внутреннего образа слова в сознании индивида [Залевская 2005; Sharifian 2008], мы пришли к следующему выводу: для того чтобы выявить психологически реальное значение ЦО недостаточно просто обратиться к значению, зафиксированному в словаре. Изучение психологически реального значения может быть предпринято с использованием АЭ в качестве способа выявления скрытых связей и смыслов, которые связаны с различными ЦО. Этот метод также помогает выявить специфику внутреннего образа ЦО в сознании носителей языка.

Исследование специфики внутреннего образа ЦО в сознании носителя языка основывалось на предположении о том, что между культурным образом ЦО и их «внутренним образом» в сознании рядового носителя языка имеются различия. В экспериментальном исследовании участвовали студенты

первого и второго курсов Юго-Западного государственного университета в возрасте от 17 лет до 21 года (67 человек (42 юноши и 25 девушек), носители русского языка). В качестве основного метода исследования использовался свободный АЭ. Испытуемым предлагалось написать первые пришедшие в голову слова на заданные стимулы, количество реакций не ограничивалось.

Всего в ходе эксперимента на ЦО **красный** было получено 167 реакций, 23 из которых относятся к повторяющимся реакциям (см. таблицу 1). Под повторяющимися реакциями понимаются те реакции, частота упоминания которых больше единицы (частота упоминания указана в скобках), орфография сохранена в том виде, в каком написали испытуемые.

Рассмотрим полученные результаты в сопоставлении с лексикографическими источниками. Далее в ходе анализа материалов реакции, полученные в ходе АЭ, трактуются как индивидуальное знание, а данные лексикографических источников – как культурное знание.

Наряду с выражением прямого значения красного цвета для слова **красный** характерно большое количество переносных значений. На основе изучения данных лексикографических источников [Ефремова 2006; Ожегов 2007; Гуськова 2003] можно заключить, что в семантической структуре прилагательного **красный** выделяются следующие значения (ЛСВ): ЛСВ1 – ‘цвета крови, спелых ягод земляники’; ЛСВ2 – ‘покрасневший, зарумянившийся’; ЛСВ3 – ‘парадный, почётный’; ЛСВ4 – ‘красивый, прекрасный, ясный, светлый’; ЛСВ5 – ‘название тех, кто во время гражданской войны в России воевал за советскую власть’; ЛСВ6 – ‘употребляется для обозначения наиболее ценных пород, сортов чего-либо’; ЛСВ7 – ‘красный (о вине)’; ЛСВ8 – ‘революционный, коммунистический, советский’.

Можно отметить, что в ответах испытуемых отобразились не все перечисленные выше ЛСВ (нет ассоциативных связей с ЛСВ3, ЛСВ6). Рассмотрим сначала реакции

Юноши	Девушки
Кровь (20), нос (5), помидор (4), цвет (4), бык (3), Дед Мороз (3), роза (3), Красная Шапочка (2), огне-тушитель (2), перец (2), страсть (2), армия (1), ба-гровый (1), белые (ый) (1), бубуин (1), вино (1), вле-чение (1), возбуждение (1), война (1), герб (1), глаза (1), губы (1), дерзкий (1), жажда (1), забор (1), закат (1), звезда (1), камеди клуб (1), комиссар (1), комму-низм (1), красивый (1), лава (1), Ленин (1), ложь (1), любовь (1), машина (1), море (1), мяч (1), огонь (1), пламя (1), пожарная машина (1), помада (1), прицел (1), революция (1), рубашка на выпускном (1), Русь-матушка – низ (1), ручка (1), свечи (1), сексуальный (1), сильный (1), словарь (1), солнце (1), солнышко (1), СССР (1), страстный (1), тепло (1), трусы (1), цвет крови (1), цвет лидерства (1), цвет советского флага (1), цветок (1), фасоль (1), феррари (1), фея (1), флаг (1), часть флага Белоруссии (1), яркий (1).	Страсть (7), кровь (5), сердце (5), помидор (4), тюль-пан (3), огонь (3), любовь (3), яркий (3), красивый (2), мак (2), роза (2), страстный (2), бесстрашный (1), ве-чернее платье (1), взрывной (1), горячий (1), Дед Мороз (1), коммунизм (1), Красная площадь (1), красная роза (1), маркер (1), машина (1), платье (1), прекрасный (1), притягательный (1), радость (1), сексуальный (1), «стоп» (1), танцы (1), флаг (1), эмо-циональный (1), яблоко (1).

Таблица 1. Результаты АЭ

связанные с ЛВС1 и ЛСВ2 (предметные ассоциации, такие как: *кровь* (25), *помидор* (8), *роза* (5), *тюльпан* (3), *мак* (2), *огнетушитель* (2), *перец* (2), *машина* (2), *губы* (1), *словарик* (1), *ручка* (1), *мяч* (1), *цветок* (1), *забор* (1), *лава* (1), *пожарная машина* (1), *феррари* (1), *яблоко* (1), *маркер* (1), *платье* (1), *красная роза* (1), *вечернее платье* (1), *фасоль* (1), *свечи* (1), *помада* (1), *закат* (1), *рубашка на выпускном* (1), *герб* (1), *солнце* (1), *звезда* (1)). Из полученных реакций мы можем сделать вывод, что в представлении современного молодого человека прототипом красного цвета являются *кровь*, *помидор*, *тюльпан* и *огонь*. Конечно, нетрудно заметить, что описание значения ЦО **красный** как «цвета помидора, тюльпана, мака» является результатом субъективного восприятия цвета, так как все перечисленные предметы могут иметь различную окраску. Однако в данном случае мы имеем дело с индивидуальным образом ЦО **красный** в сознании испытуемых, в котором отражается их индивидуальный опыт.

ЛСВ5 представлен двумя реакциями (*белые (ый)*), видимо, по ассоциации с антонимичным понятием ‘название тех, кто во время гражданской войны в России во-евал против советской власти’, и частично

реакцией *армия*).

ЛСВ8 отражает использование красного цвета в коммунистической символике. В нашем эксперименте данное значение отобразилось в следующих реакциях: *флаг* (2), *комиссар* (1), *цвет советского флага* (1), *закат* (1), *революция* (1), *армия* (1), *война* (1), *Ленин* (1), *СССР* (1), *коммунизм* (2).

Отдельно выделяется группа реакций, которую можно условно назвать «любовь, страсть». Кроме ассоциаций, которые вошли в название группы (*любовь*, *страсть*, *страстный*) сюда также можно отнести реакции *сексуальный*, *дерзкий*, *влечение*, *возбуждение*.

Появление всех перечисленных выше значений ЦО **красный** не случайно и может быть связано с этимологией и психологией восприятия данного цвета, который, по словам П.В. Яньшина, имеет стимулирующий и разогревающий эффект, способствует повышению тревоги и враждебности [Яньшин 2000] (про происхождение и символику данного ЦО см. подробнее [Таныгина 2009: 241 – 242]).

Нужно отметить, что при сопоставлении реакций на данное ЦО наблюдается некоторое расхождение с данными

предыдущих исследований (см. [Горошко 2000; Сафуанова 2004; Черкасова 2008; РАС 2002]). Кроме зафиксированных в указанных выше источниках реакций, таких как: *кровь, помидор, огонь, роза, красивый, тюльпан, мак, яркий, нос, перец*, отмечается наличие следующих ассоциаций: *страсть, сердце, Дед Мороз, любовь, страстный*. Кроме того, можно отметить постепенное уменьшение числа реакций, связанных с реалиями советской эпохи. Так, одной из самых частотных реакций, зафиксированной в ассоциативном словаре [Черкасова 2008] и исследованиях Е.И. Горошко [Горошко 2000] и О.В. Сафуановой [Сафуанова 2004] является ассоциация *флаг*, которая в нашем исследовании была упомянута всего два раза, а такая реакция как *галстук* в нашем исследовании вообще зафиксирована не была. Это можно объяснить тем, что испытуемыми в нашем случае являлись молодые люди в возрасте от 17 до 21 года, которые родились во времена перестройки и после развала Советского союза. Наше исследование показало, что на данный момент **красный** у молодых людей в первую очередь порождает реакцию *кровь, нос и помидор*, а у девушек *страсть, кровь и сердце*.

На втором этапе с целью изучения эмоционального отношения и его связи с внутренним образом ЦО было проведено исследование с использованием методики СД (см.: [Osgood et al. 1957; Петренко 1983] и др.). СД в психолингвистике – это метод количественного и качественного «индексирования» (оценки) значения слова с помощью двухполюсных шкал, на каждой из которых имеется градация с парой антонимических прилагательных [Глухов 2005: 305). Оценки понятий по разным шкалам коррелируют друг с другом, и с помощью ФА удается сгруппировать их в факторы. В исследованиях Ч. Осгуда было выделено три основных фактора: «оценка» (evaluation), «сила» (potency), «активность» (activity).

В нашем эксперименте приняли участие 80 русских испытуемых (48 юношей

и 32 девушки), студенты первого и второго курсов Юго-Западного государственного университета в возрасте от 17 лет до 21 года, средний возраст – 18 лет. Испытуемым было предложено оценить ЦО по двадцати двухполюсным шкалам (см. таблицу 2):

Таблица 2 Шкалы СД в исследовании ЦО

№ пп	Название шкалы
1	приятный – неприятный
2	радостный – печальный
3	тёплый – холодный
4	активный – пассивный
5	расслабленный – напряженный
6	смешной – серьезный
7	динамичный – статичный
8	эмоциональный – рациональный
9	прекрасный – безобразный
10	искренний – неискренний
11	хороший – плохой
12	мужественный – женственный
13	сильный – слабый
14	воинственный – миролюбивый
15	формальный – неформальный
16	успокаивающий – возбуждающий
17	предпочитаемый – отвергаемый
18	добрый – злой
19	позитивный – негативный
20	весёлый – грустный

Выбор шкал был определён с учётом требований к отбору шкал для проведения исследования с использованием СД, а именно: метафоричности шкалы, универсальности шкалы, учёта синонимии при выборе полюсов шкалы, контекстуальности шкалы и заданности шкалы респонденту [Грицанов 2003: 1000]. Исследование проводилось с использо-

ванием семибалльной шкалы, что позволило наглядно выявить как качество, так и интенсивность значения изучаемого признака.

Испытуемым была предложена следующая инструкция: «*Оцените каждый из предложенных вам цветов по каждой из характеристик, по шкале от «+3» до «-3» в соответствии с вашими ощущениями. Используя знак «X», обозначьте то место на шкале, которое наилучшим образом описывает ваше мнение. Пожалуйста, постарайтесь дать вашу оценку по каждой характеристике*». Из личных данных респондентам предлагалось указать только пол и возраст. Время, отведенное на выполнения задания, не было ограниченным, однако, испытуемым было сказано ставить оценки, не задумываясь, на основе первого впечатления.

На первом этапе обработки результатов был проведен анализ средних величин по шкалам (среднее арифметическое, среднее отклонение), высчитано количество различных вариантов ответов по каждой шкале. Для подтверждения выводов, сделанных на основе первичного анализа, находились математическое ожидание (среднее всех оценок), среднеквадратичное отклонение («разброс» оценок), эксцесс («острота» максимума и отсутствие побочных максимумов) и мода. Далее, на основе анализа шкал вычислялся процент положительных и отрицательных оценок.

В целом можно отметить, что как девушки, так и молодые люди оценили **ЦО красный** как “активный”, “возбуждающий”, “эмоциональный”, “воинственный”, “сильный”, “напряженный”, “прекрасный”, “радостный”, “тёплый”, “приятный”, “динамичный”, “хороший”. В то же время большинство девушек также оценивают **красный** как “женственный”, “предпочитаемый” и “позитивный”. Более эмоциональное отношение девушек к красному цвету можно объяснить, опираясь на результаты АЭ. **ЦО красный** вызывает у девушек такие ассоциации как: *страсть, сердце, любовь, яркий, красивый, страстный*. То есть для девушек **красный**, прежде всего, символизирует лю-

бовь и красоту. Частотные реакции молодых людей (*кровь, нос, помидор, цвет, бык, роза, огнетушитель, перец*) носят более нейтральный характер (результаты предварительного анализа подробнее описаны в [Таныгина 2010: 449 – 450]).

На втором этапе обработки полученных данных был проведен ФА с использованием пакета STATISTICA, в котором реализованы процедуры для анализа данных, управления данными, добычи данных, визуализации данных. Для обработки результатов был выбран метод Equamax normalized, так как при использовании именно этого метода все коррелирующие между собой признаки объединяются в факторы с наибольшим процентом вхождения. В результате обработки выделены факторные структуры и найдены нагрузки по отдельным факторам.

Рассмотрим результаты, полученные в ходе ФА (см. таблицу 3).

В целом можно отметить, что нагрузки по всем выделенным факторам распределены достаточно равномерно. Причём в данном случае мы наблюдаем, что фактор «оценка» для юношей не является доминирующим. Более того, нагрузка по нему минимальна. Наибольшую нагрузку для молодых людей несут факторы «сила» и «радостность», а для девушек это – «оценка» и «сила».

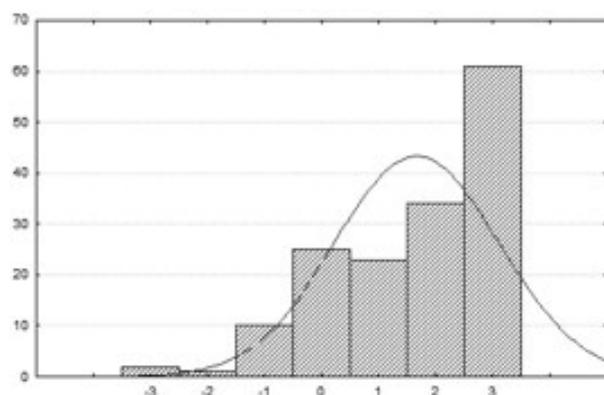
В качестве одного из методов исследования мы предлагаем анализ кривых распределения ответов респондентов после проведения ФА. Если распределение нормальное, то по данному фактору можно судить о некоторых склонностях респондентов (в зависимости от того, что покажет среднее) или отсутствии ярко выраженных ассоциаций с цветом. Если распределение будет ближе к пуассоновскому или геометрическому, то можно будет говорить о наличии внешнего влияния (с точки зрения математической статистики, когда в каждом опыте присутствует довлеющий фактор, который заставляет давать определённые ответы). В нашем случае таким фактором может быть наличие стойких ассоциаций в сознании респондентов, культурное знание о ЦО.

Юноши		Девушки	
СИЛА	расслабленный/напряженный сильный/слабый воинственный/ миролюбивый успокаивающий/возбуждающий	ОЦЕНКА	приятный/неприятный хороший/плохой радостный/печальный
РАДОСТНОСТЬ	радостный/печальный предпочитаемый/отвергаемый	СИЛА	расслабленный/напряженный сильный/слабый
ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ	тёплый/холодный эмоциональный/рациональный	ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОМФОРТ	успокаивающий/возбуждающий
ОЦЕНКА	прекрасный/безобразный искренний/неискренний	ЖЕНСТВЕННОСТЬ	мужественный/ женственный
		ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ	позитивный/негативный
		ФОРМАЛЬНОСТЬ	формальный/неформальный

Таблица 3. Результаты ФА оценок ЦО красный

Рассмотрим распределение оценок юношей по фактору «сила» (см. рис.1).

Рис.1 – Гистограмма для фактора «сила» (красный, юноши)

Оценки по данному фактору распределены по закону схожему с геометрическим распределением с модой «+3». Это может свидетельствовать о том, что в сознании современного носителя русской культуры существует стереотипная ассоциация красного с чем-то воинственным, сильным воз-

буждающим. Не случайно доминирующими ассоциациями на данное ЦО являются *кровь, огонь, страсть*. С этой точки зрения включение в данный фактор шкалы “успокаивающий – возбуждающий” представляется вполне логичным. Аналогичная ситуация наблюдается и при рассмотрении распределения ответов по данному фактору у девушек.

По фактору «радостность» оценки распределены более равномерно (см. рис. 2), распределение близко к нормальному с модой «0» и средним значением 0,55. Это может свидетельствовать о слабой положительной оценке ЦО **красный** респондентами. Схожая ситуация наблюдается и с распределением по фактору «оценка».

На графике 2 по фактору «эмоциональность» (см. рис. 3) мы отчетливо видим, что **красный** однозначно оценивается как “эмоциональный” и “тёплый”. При этом распределение оценок по данному фактору близко к геометрическому. Отметим, что оценки

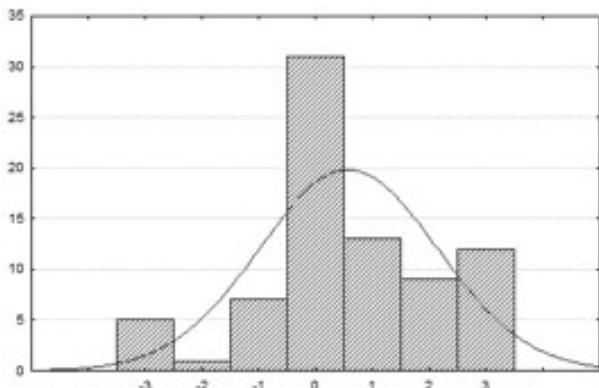

Рис.2 – Гистограмма для фактора «красность» (красный, юноши)

по данному фактору хорошо согласуются с ассоциациями, полученными на стимул красный в АЭ (страсть, огонь, сексуальный, дерзкий и др.).

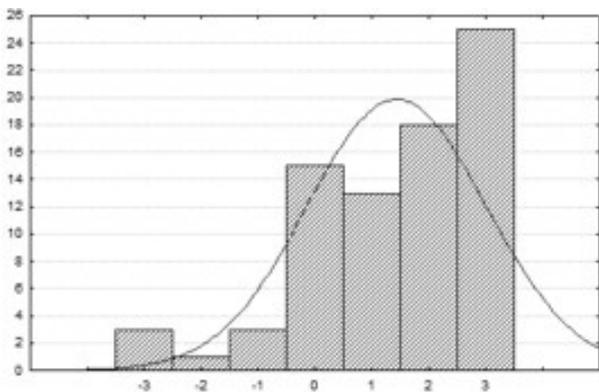

Рис. 3– Гистограмма для фактора «эмоциональность» (красный, юноши)

Далее рассмотрим распределение ответов девушек по фактору «оценка», нагрузка на который максимальна. На данном графике 0 соответствует 3 в ответах респондентов, 1 – 2, 2 – 1 и т.д. Как видно на представленной ниже гистограмме (см. рис.4), распределение оценок в данном случае близко к геометрическому. В целом оценка ЦО **красный**, несомненно, положительна.

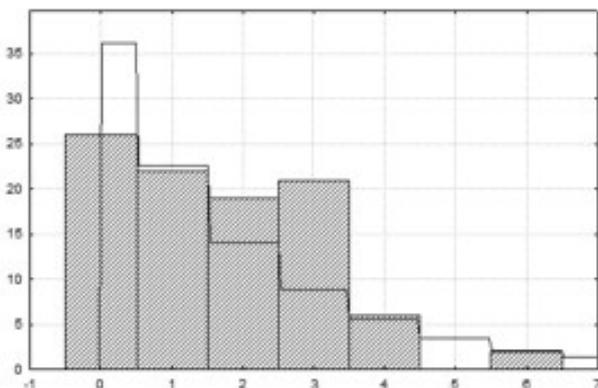

Рис. 4 – Гистограмма для фактора «оценка» (красный, девушки)

При рассмотрении факторов, выделяемых в ответах девушек можно сделать вывод, что положительная оценка красного представительницами женского пола связана с тем, что они считают его сильным и женственным.

Таким образом, можно заключить, что при формировании внутреннего образа ЦО **красный** в сознании носителя русской культуры важную роль играет как индивидуальное, так и культурное знание о данном цвете. На внутренний образ данного ЦО значительное влияние оказала его символика. С одной стороны ЦО ассоциируется с *кровью, войной*, что приводит к выделению в его семантическом пространстве такого фактора как «сила», а с другой стороны оно вызывает ассоциацию с *любовью, страстью*, что приводит к выделению эмоциональной составляющей. Можно также отметить наличие гендерных различий восприятия данного ЦО. В сознании юношей положительная оценка красного цвета связана с его мужественностью и силой, а в сознании девушек – с его силой (которая в данном случае связана с женственностью) и эмоциональностью. Кроме того, в настоящее время происходит переосмысление образа данного ЦО

Список литературы

Василевич А.П. Языковая картина мира цвета. Методы исследования и прикладные аспекты: Диссертация ... доктора филол. наук. / А.П. Василевич – М.: Институт языкознания РАН, 2003. – 95 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды / А.А. Залевская – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.

Глухов В.П. Основы психолингвистики: учеб. пособие для студентов педвузов. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 351 с.

Горошко Е.И. Изучение вербальных ассоциаций на цвета // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – 320 с.

Грицанов А.А. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. 1. А – Л / Т.Ф. Ефремова. – М.: АСТ : Астрель, 2006. – 1168 с.

Ожегов С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 тысяч слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов – Издание 4-е, доп. – М.: ИТИ Технологии, 2007. – 944 с.

Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 175 с.

Русский ассоциативный словарь (РАС). В 2 т. Т.1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.

Сафуанова О.В. Формы репрезентации цвета в субъективном опыте: дис. ... канд. психол. наук / Сафуанова О.В. – М., 1994. – 146 с.

Таныгина Е.А. К проблеме восприятия цвета (на материале экспериментального исследования) // Теория и практика языковой коммуникации: Материалы II Международной научно-методической конференции, 24-25 июня, 2010. – Уфа: УГАТУ, 2010. – С. 448 – 453.

Таныгина Е.А. Некоторые особенности употребления прилагательных red и красный в английском и русском языках // Теория и практика языковой коммуникации: материалы Международной научно-методической конференции, 25-26 июня, 2009. – Уфа: УГАТУ, 2009. – С.241–244.

Фрумкина Р.М. Психолингвистика / Р.М. Фрумкина – М.: АCADEMA, 2001. – 320 с.

Черкасова Г.А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. [Электронный ресурс] / Г.А. Черкасова. – М.: ИЯз РАН, 2008. – Режим доступа: <http://www.philippovich.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm>.

Яньшин П.В. Цвет как фактор психической регуляции [Текст] // Прикладная психология. – 2000. – № 4. – С. 14–27.

Osgood Ch.E., Suci G., Tannenbaum P. The Measurement of Meaning. – University of Illinois Press, 1957. – 346 pp.

Sharifian F. Distributed, emergent cultural cognition, conceptualisation, and language // In R.M. Frank, R.Dirven, T.Ziemke, & E.Bernandez (eds.) Body, Language, and Mind (Vol. 2): Sociocultural Situatedness. – Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2008. – P. 109–136.

Е.Г. Свинчукова

УДК 81'23

ЧЕЛОВЕК В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Данная статья посвящена представлению о человеке в русской культуре. Материалом для анализа послужили реакции, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента с русскими респондентами России и Казахстана. Дается сравнительный анализ образов языкового сознания русских, живущих в двух указанных странах.

Ключевые слова: языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент, образы сознания, культура, русские.

Elena G. Svinchukova

PERSON IN RUSSIAN CULTURE (BASED ON THE RESULTS OF ASSOCIATIVE EXPERIMENT)

This report circles round the notion “person” in Russian culture. The material for the experiment is the reactions got during the associative experiment carried out with Russian representatives from Russia and Kazakhstan. The comparative analysis of language consciousness images of Russians living in the two mentioned countries is given.

Key words: language consciousness, associative experiment, consciousness images, culture, Russians.

Целью данной статьи является рассмотрение образа человека в русском языковом сознании. Человек в качестве объекта исследования выбран не случайно. Как показывают исследования, языковое сознание русских, в отличие от языкового сознания носителей других культур, имеет в своем центре именно человека (См., напр., [Уфимцева 2003, 2005]).

Для «овнешнения» содержания языкового сознания нами был использован метод свободного ассоциативного эксперимента, проведенный со 129 русскими жителями Казахстана (далее группа К) и со 187 жителями России (далее группа Р). В такого рода эксперименте, по словам Е.Ф. Тарасова, «отражается закономерность человеческого сознания, которая заключается в том, что явления реального мира, предстающие человеческому сознанию в определенной временной или пространственной близости, отображаются таким образом, что сознание помимо образов этих явлений фиксирует также и их близость... За близостью в сознании испытуемых слова-стимула и слова-реакции лежат причины, которые в большинстве своем осмысливаются как семантические связи стимулов и реакций» [Тарасов 1997: 259].

Среди респондентов были представители обоих полов (32,5% мужчин и 67,5% женщин в группе К и 35% мужчин и 65% женщин в группе Р), с высшим (43,4% в группе К и 29% в группе Р), неполным высшим (22,5% в группе К и 32% в группе Р) и средним образованием (34,1% в группе К и 39% в группе Р). Большинство респондентов в обеих группах составляли студенты различных курсов вузов в двух странах (48,3% и 53,8% в группах К и Р соответственно).

Для анализа полученных в ходе эксперимента реакций мы использовали логико-понятийную модель основных компонентов и уровней сознания А.В. Иванова [Иванов 1994], разделяя реакции на 4 поля, вписанные в прямоугольник с выделенной 5-й зоной, предназначенной для тех реакций, которые, по нашему мнению, не вошли ни в одну

из указанных зон в силу того, что в некоторых случаях трудно отнести ту или иную реакцию в какую-либо конкретную зону из-за многозначности слов и невозможности определить, какое именно значение было выявлено в ходе эксперимента.

Ценностно-мотивационный сектор (IV)		Логико-понятийный сектор (II)
Эмоционально-аффективный сектор (III)		Телесно-перцептивный сектор (I)

К сектору I А.В. Иванов относит ощущения, восприятия и конкретные представления, с помощью которых человек получает первичную информацию о внешнем мире, о своем собственном теле и о его взаимоотношениях с другими телами. Здесь индивид формирует непосредственную чувственно-телесную картину реальности, обеспечивающую удовлетворение его базисных телесно-витальных потребностей и внешне-предметную деятельность.

В логико-понятийном секторе (II) отражаются способности человека к мыслительному постижению внутренних, феноменологически не данных свойств и связей внешнего мира. Этот сектор составляют те реакции, которые выходят за пределы непосредственно чувственно данного, т.к. при формировании реакций данного типа сознание опирается уже не на ощущения, образы восприятия и конкретные представления, а на «мощь философских категорий и абстракций различного уровня, существующих в виде языковых терминов». Эту сферу сознания Иванов называет «царством общих понятий, четких аналитико-синтетических мыслительных операций и жестких логических доказательств» [Там же: 84].

Секторы I и II образуют внешнепознавательную (внешнепредметную) составляющую сознания, где «субъективно-личностные и ценностно-смысловые компоненты психического мира находятся

как бы в снятом, латентном состоянии».

Реакции эмоционально-аффективного сектора (III) лишены непосредственной связи с внешним предметным миром, к ним автор относит переживания, воспоминания, предчувствия, эмоции, наслаждение, симпатию, антипатию, любовь и т.п.

В ценностно-мотивационном секторе (IV) отражаются высшие мотивы деятельности и духовные идеалы личности, а также способность к их формированию и творческому пониманию в виде фантазий, продуктивного воображения. Целью бытия этой сферы, по определению автора, выступает «не истина как форма согласования мысли с предметной действительностью, а ценности как форма согласования предметной действительности с нашими духовными целями и смыслами» [Там же: 85].

Секторы III и IV образуют ценностно-эмоциональную составляющую сознания, где в качестве предмета познания выступают собственное «я», другие «я», а также продукты их творческой саморегуляции в виде гуманитарно-символических образований [Там же: 86].

Начнем рассмотрение содержания образа языкового сознания «человек» с определений, встречающихся в различных словарях.

Этимологически слово «человек» означает член рода или семьи, исполненный силы [Ларин 1986]. Человек, по определению Даля В.И., – каждый из людей; высшее из земных созданий, одаренное разумом, свободной волей и словесною речью [Толко-

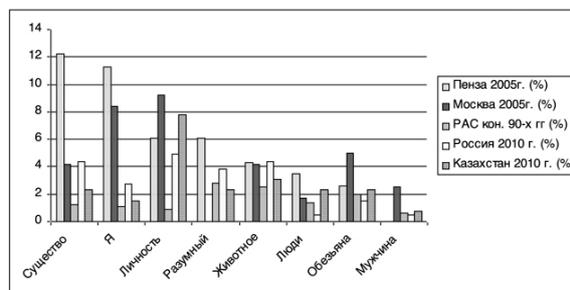
вый словарь ... В.И.Даля]. В толковых словарях С.И. Ожегова и О.Н. Ушакова встречаются следующие значения данного слова:

- 1) высшее из земных созданий, обладающее разумом и даром речи;
- 2) обладатель лучших моральных качеств;
- 3) слуга, официант [Ожегов 1989, Ушаков 1940].

Сравним наши данные с результатами ассоциативных экспериментов других авторов для стимула человек [Полякова 2009, РАС 2002].

Если представить приведенные в Таблице 1 данные в виде графика (График 1), то хорошо видна существенная разница в количестве реакций *существо, я, мужчина* у респондентов города Пензы и представителей всех остальных групп. Интересен и факт, что частотность реакции личность значительно выше в последних исследованиях (2005 и 2010 года).

График 1.

Систематизировав полученные нами данные по описанной ранее логико-понятийной модели А.В. Иванова, мы получили следующие результаты:

Таблица 1. Стимул Человек

Ассоциация	Пенза 2005г. (%)	Москва 2005г. (%)	РАС кон. 90-х гг (%)	Россия 2010 г. (%)	Казахстан 2010 г. (%)
Существо	12,2	4,2	1,2	4,4	2,3
Я	11,3	8,4	1,1	2,7	1,5
Личность	6,1	9,2	0,9	4,9	7,8
Разумный	6,1	-	2,8	3,8	2,3
Животное	4,3	4,2	2,5	4,4	3,1
Люди	3,5	1,7	1,4	0,5	2,3
Обезьяна	2,6	5	2	1,5	2,3
Мужчина	-	2,5	0,6	0,5	0,78

Таблица 2. ЧЕЛОВЕК (Россия)

Ценностно-смысловой		Логико-понятийный	
Личность 9 (4,9%)	Красота 1 (0,5%)	Животное 8 (4,4%)	Люди 1 (0,5%)
Разум 5 (2,7%)	Обман 1 (0,5%)	Существо 8 (4,4%)	Мужик 1 (0,5%)
Закон 2 (1%)	Оно 1 (0,5%)	Разумный 7 (3,8%)	Мужчина 1(0,5%)
Жизнь 2 (1%)	Превосходящий (0,5%)	Индивид 3 (1,6%)	Народ 1 (0,5%)
Верность 1 (0,5%)	Работа 1 (0,5%)	Обезьяна 3 (1,5%)	Организм 1
Глупость 1 (0,5%)	Совершенство 1 (0,5%)	Живое существо 2	(0,5%)
Гордость 1 (0,5%)	Ум 1 (0,5%)	(1%)	Особь 1 (0,5%)
Добродетель 1 (0,5%)	Ядро 1 (0,5%)	Взрослый 1 (0,5%)	Позвоночное 1
Жизнь 1 (0,5%)	К/р 0,55	Женщина 1 (0,5%)	(0,5%)
Забота 1 (0,5%)	26,9%	Живое 1 (0,5%)	Примат 1 (0,5%)
Земля 1 (0,5%)		Животное (0,5%)	Смерть (0,5%)
		Жить 1 (0,5%)	Сознание 1
		Земля/Вселенная 1	(0,5%)
		(0,5%)	Существо
		Землянин (0,5%)	разумное 1 (0,5%)
		И природа 1 (0,5%)	Хомо сапиенс
			(0,5%)
			К/р 0,5 27,4%
Звучит гордо 2 (1%)	Амфибия 4 (2,2%)	Человек 2 (1%)	
Это звучит гордо 1 (0,5%)	Паук 4 (2,2%)	Невидимка 1 (0,5%)	
И закон 1 (0,5%)	Дождя 1(0,5%)	За бортом 1 (0,5)	
Эмоционально-аффективный		Телесно-перцептивный	
Хороший 6 (3,3%)	Монстр 1 (0,5%)	Я 5 (2,7%)	Молекула 1(0,5%)
Добрый 3 (1,6%)	Образованный 1 (0,5%)	Слова 2 (1%)	Мотылек 1 (0,5%)
Любимый 3 (1,6%)	Одинокий 1 (0,5%)	Собака 2 (1%)	Нога 1 (0,7%)
Большой 2 (1%)	Плохо 1 (0,5%)	Актер 1 (0,5%)	Одежда 1 (0,5%)
Разный 2 (1%)	Порядочный 1 (0,5%)	Волк 1 (0,5%)	Опасность 1
Умный 2 (1%)	Родной 1 (0,5%)	Высшее образование	(0,5%)
Близкий 1 (0,5%)	Сильный 1 (0,5%)	1 (0,5%)	Пароход 1 (0,5%)
Велик 1 (0,5%)	Смелый 1 (0,5%)	Голое тело 1 (0,5%)	Результат 1
Венец природы 1 (0,5%)	Труженик 1 (0,5%)	Гуманоид 1 (0,5%)	(0,5%)
Верный 1 (0,5%)	Тупой 1 (0,5%)	И дерево 1 (0,5%)	Робот 1 (0,5%)
Глупый 1 (0,5%)	Уникален 1 (0,5%)	Идет 1 (0,5%)	Русский 1 (0,5%)
Грамотный 1 (0,5%)	Уникальный 1 (0,5%)	Компьютер 1 (0,5%)	Слово 1 (0,5%)
Загадка 1 (0,5%)	Царь зверей 1 (0,5%)		Смеется 1 (0,5%)
Занятой 1 (0,7%)	Целеустремленный 1		Улыбаться 1
Зверь 1 (0,5%)	(0,5%)		(0,5%)
Знатный 1 (0,5%)	Честный 1(0,5%)		К/р 0,74
Идиот 1 (0,5%)	Яркое 1 (0,5%)		17%
Интересный 1 (0,5%)	К/р 0,76		
Лучший 1 (0,5%)	27,5%		
Милый 1 (0,5%)			

Оценивая общее количество ответов по группам можно констатировать небольшие различия: казахстанцы чуть более единодушны в своих ответах, чем россияне (63,1% и 58,92% в группах Р и К соответственно).

Таблица 3. Коэффициент разнообразия реакций (КР)

Сектор	Русские России	Русские Казахстана
Ценностно-смысловой	0,55	0,4
Логико-понятийный	0,5	0,58
Эмоционально-аффективный	0,76	0,64
Телесно-перцептивный	0,74	0,77

Таблица 4. ЧЕЛОВЕК (Казахстан)

Ценностно-смысловой		Логико-понятийный	
Личность 10 (7,8%) Ум 6 (4,7%) Сила 2 (1,5%) Быть человеком 1 (0,78%) Гордость 1 (0,78%) Жизнь 1 (0,78%) Здоровье 1 (0,78%) Мир 1 (0,78%) Разум 1 (0,78%) Это всё 1 (0,78%) К/р 0,4 19,4%		Животное 4 (3,1%) Живой 1 (0,78%) Люди 3 (2,3%) Жить 1 (0,78%) Обезьяна 3 (2,3%) Мужчина 1 (0,78%) Разумный 3 (2,3%) Он 1 (0,78%) Существо 3 (2,3%) Ребенок 1 (0,78%) Индивидуум 2 Существо 1 (0,78%) (1,5%) Существовать 1 Молодой 2 (1,5%) (0,78%) Общество 2 (1,5%) Твари 1 (0,78%) Опытный 2 (1,5%) Творение 1 (0,78%) Вселенная 1 Хомосапиенс 1 (0,78%) (0,78%) Естество 1 (0,78%) К/р 0,58 28%	
Паук 2 (1,5%) Снежный человек 1 (0,78%)		За бортом 1 (0,78%)	
Эмоционально-аффективный		Телесно-перцептивный	
Умный 8 (6,2%) Мудрый 1 (0,78%) Хороший 7 (5,4%) Независимый 1 Близкий 2 (1,5%) (0,78%) Добрый 2 (1,5%) Обходительный 1 Родной 2 (1,5%) (0,78%) Беззаботный 1 Откровенный 1 (0,78%) (0,78%) Враг 1 (0,78%) Приятный 1 (0,78%) Года 1 (0,78%) С сердцем 1 (0,78%) Грамотный 1 Сильный 1 (0,78%) (0,78%) Смешливый 1 (0,78%) Грязнуля 1 (0,78%) Умелый 1 (0,78%) Злой 1 (0,78%) Уникальный 1 (0,78%) Интересный 1 К/р 0,64 (0,78%) 28% Любимый 1 (0,78%)		Робот 3 (2,3%) Незнакомый 1 Маленький 2 (0,78%) (1,5%) Свой 1 (0,78%) Собака 2 (1,5%) Сосед 1 (0,78%) Я 2 (1,5%) Тайна 1 (0,78%) Адам 1 (0,78%) Тепло 1 (0,78%) Анатомия 1 Топор 1 (0,78%) (0,78%) Ты 1 (0,78%) Биология 1 К/р 0,77 (0,78%) 17% Брат 1 (0,78%) Возрождение 1 (0,78%) И книга 1 (0,78%)	

КР ценностно-смыслового сектора составляет 0,55 и 0,4 в группах Р и К соответственно, логико-понятийного сектора – 0,5 и 0,58 для групп Р и К, эмоционально-аффективного сектора – 0,76 в группе Р и 0,64 в группе К, телесно-перцептивного сектора – 0,74 и 0,77 соответственно.

Как мы видим, общее количество ответов в процентах по секторам таково: ценностно-смысловой сектор – 26,9% от всех

ответов в группе Р и 19,4% в группе К, логико-понятийный – 27,4% в группе Р и 28% в группе К, эмоционально-аффективный – 27,5% и 28% соответственно, телесно-перцептивный – по 17% в группах Р и К. Таким образом. Группа ценностно-смысловых реакций у россиян на 7,5% больше, чем у казахстанцев, при этом отмечается большее разнообразие и количество единичных реакций у россиян.

Таблица 5. Общее количество ответов в %

Сектор	Русские России	Русские Казахстана
Ценностно-смысловой	26,9%	19,4%
Логико-понятийный	27,4%	28%
Эмоционально-аффективный	27,5%	28%
Телесно-перцептивный	17%	17%

Таблица 6.

Россия			Казахстан (русские)		
Ранг	Реакция	%	Ранг	Реакция	%
1	личность	4,9%	1	личность	7,8%
2,5	животное, существо	4,4%	2	умный	6,2%
4	разумный	3,8%	3	хороший	5,4%
5	хороший	3,3%	4	ум	4,7%
6,5	разум, я	2,7%	5	животное	3,1%
8,5	амфибия, паук	4,8%	8,5	люди, обезьяна, разумный, робот, существо	2,3%
11,5	добрый, индивид, любимый, обезьяна	1,6%	16,5	близкий, добрый, индивидуум, маленький, молодой, общество, опытный, паук, родной, сила, собака, я	1,5%
18,5	большой, живое существо, жизнь, закон, звучит гордо, невидимка, слова, собака, разный, умный, человек	1%			

В Таблице 6 представлены реакции респондентов России и Казахстана, с указанием количества одинаковых реакций (в процентах) и ранга каждой реакции в общей выборке.

Наши данные показывают, что Русские России и Казахстана прежде всего в «человеке» видят «личность» (4,9% и 7,8% ответов в группах Р и К соответственно), т.е. отдельное человеческое «я» как носителя социальных и субъективных признаков и свойств.

Второй по популярности ответ в группе Р – «животное» и «существо» (по 4,4%) и «умный» в группе К (6,2%). В целом, интеллектуальные способности человека отмечаются в таких реакциях как «разумный», «разум», «умный», «ум».

Интересен и набор слов, которые используют представители двух стран для обозначения умственных характеристик человека: у казахстанцев – это «ум» (4,7%) и «умный» (6,2%), у россиян – «разум» (2,7%) и «разумный» (3,8%). «Разум и «разумный»

намного реже встречаются в ответах группы К (0,78% и 2,3% соответственно), а «ум» и «умный» единичны для группы Р (0,5% и 1% соответственно). Причем, если сложить частотность реакций «ум» – «умный» и «разум» – «разумный» соответственно группам испытуемых, то ассоциации, связанные с умственными характеристиками «человека», выйдут на первое место (8% в группе Р и 18% в группе К).

Как мы видим, наблюдается качественное отличие в ответах русских респондентов двух указанных стран: россиянами **человек** характеризуется как *разумный*, а казахстанцами – как *умный*. На первый взгляд эти определения синонимичны, но если обратиться к сути значения слов *ум (умный)* и *разум (разумный)*, то становятся понятными причины, по которым отдаются предпочтения конкретному слову-реакции в двух группах испытуемых.

Для уточнения значения слов «ум»

(«умный») и «разум» («разумный») обратимся к синонимическим словарям. Следует сказать, что не во всех словарях отмечается принципиальное различие между данными синонимами. Так, например, в словаре под редакцией Л.Г. Бабенко, где разум определяется как «способность здраво оценивать обстановку и руководствоваться в поведении этой трезвой оценкой, а не эмоциями» [Бабенко 2006], *ум* рассматривается как полный синоним *разума*. Но эта трактовка, на наш взгляд, несколько однобока, т.к. характеризуется лишь одно из значений данной пары синонимов. Поэтому обратимся к толкованию *ума* и *разума*, которое представлено в «Новом объяснительном словаре синонимов» под редакцией Ю.Д. Апресяна. Данные синонимы различаются по следующим смысловым признакам: 1) место семантического акцента: *ум* – акцент на процессе получения знания, на процессе думания; *разум* – на результате этого процесса, т.е. на знании, на понимании (в это связи интересна трактовка русского человека у В.М. Соловьева: «Ум и знания в России издавна были в меньшей цене, чем смекалка и жизненный опыт» [Соловьев В.М. 2001: 109]); 2) возможность служить характеристикой конкретного человека (*ум*) или человека как вида (*разум*). Ум образует оценочные сочетания, характеризующие данную способность конкретного человека, тот или иной способ обработки информации. Определительные сочетания со словом разум могут обозначать соответствующую способность, присущую человеку вообще или группе людей [Апресян 2000].

Человек «добрый» в 1,6% ответов россиян и в 1,5% ответов казахстанцев, а если принять во внимание слова Д.С. Лихачева, что «хороший» в русском языке – это, пре-

жде всего, «добрый» [Лихачев 2006: 263], то к этим результатам можно прибавить 5,4% ответов «хороший» в группе К и 3,3% в группе Р. Смысловую близость понятий «хороший» и «добрый» отмечает и К. Касьянова: первичные ценности русской культуры «повелительно требуют от человека быть причастным к чему-то «доброму», «вечному» в мире к чему-то непреходящему» [Касьянова 1994: 183] (См. также [Уфимцева 2003]).

По данным «Казахско-русского ассоциативного словаря» для казахов человек «хороший» (10,4% всех ответов и 1-е место среди всех 160 различных реакций) и «умный» (9,1% ответов и 2-е место). Кроме того, человек рассматривается как «большой», «высокого роста» и «красивый» [Дмитрюк 1998].

Множество разнообразных реакций на стимул «человек» связано с социальными характеристиками: 35,6% ответов в группе россиян и 42,6% ответов в группе казахстанцев.

Для россиян человек более «биологичен», для казахстанцев – более «социален». Таким образом, человек, как полагают россияне, – это существо, часть животного мира, которое отличается от других живых существ тем, что обладает разумом, т.е. способностью мыслить (или жизненным опытом, смекалкой по В.М. Соловьеву). Для русскоязычных жителей Казахстана, помимо того, что человек «личность», он также «умный» и «хороший».

Можно констатировать определенное влияние казахской культуры на языковое сознание русских жителей Казахстана (человек «умный», а не «разумный» в большинстве их ответов, и выше частота реакции «хороший»), но это влияние не настолько сильно, чтобы вытеснить реакцию «личность» на периферию.

Список литературы

- Антропологический словарь. – М., 2004. – 328 с.
 Бердяев Н.А. Философия свободы. – М., 1994. – 480 с.
 Большая советская энциклопедия в 30-ти томах. – М., 1969–1978
 Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2000. – 1543 с.
 Большой толковый словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание – 2000 синонимических рядов. 10500 синонимов / Под ред. Л.Г. Бабенко. – М., 2006. – 784 с.

- Даль В.И.* Пословицы русского народа. – М., 2000. – 750 с.
- Дмитрюк Н.В.* Казахско-русский ассоциативный словарь (Словарь ассоциативных норм казахского языка). – Шымкент–М., 1998. – 240 с.
- Захарченко Н.А., Косиченко И.Ф.* Об одной особенности русского менталитета // Российский менталитет и его значение в социально-политическом процессе: Сборник / Под ред. Германович А.П. – Шахты, 2001. – С. 41-50
- Зимин В.И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. – М., 2008. – 729 с.
- Иванов А.В.* Сознание и мышление – М., 1994. – 129 с.
- Казахско-русский словарь. – Алма-Ата, 1987. – 507 с.
- Касьянова К.* О русском национальном характере. – М., 1994. – 367 с.
- Лихачев Д.С.* Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. – М., 2006. – 336 с.
- Лопатин В.В., Лопатина Л.Е.* Русский толковый словарь. – М., 1997. – 831 с.
- Новый объяснительный словарь синонимов / под ред. Апресяна Ю.Д. – М., 2000. – 1417с.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1989. – 921 с.
- Павлович Н. В.* Язык образов: Парадигмы образов в русском поэтическом языке. - М., 1995. – 491 с.
- Полякова Т.А.* «Особенности языкового сознания русских (на материале семантического поля «Нравственный идеал»)» // Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009
- Русский ассоциативный словарь: [В 2 т.] / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин. – М., 2002
- Русский семантический словарь (опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову) / Ю.Н.Караулов, В.И. Молчанов, В.А. Афанасьев, Н.В. Шихалев, отв. ред. С.Г. Бархударова. – М., 1982. – 563 с.
- Сикевич З.В.* Национальное самосознание русских: (Социологический очерк). – М., 1996. – 204 с.
- Словарь образных выражений русского языка. /Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева и др.: Под ред. В.Н. Телия. – М., 1995. – 368 с.
- Соловьев В.М.* Тайны русской души: Вопросы, ответы, версии: Книга для чтения о русском национальном характере для изучающих русский как иностранный. – М., 2001. – 198 с.
- Тарасов Е.Ф.* Исследование ассоциативных полей представителей разных культур // Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) /Под ред. И.Г. Дубова. – М., 1997. – С. 253-277
- Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль [Электронный ресурс]. – <http://www.slovari.yandex.ru/dict/dal/>
- Толковый словарь русского языка: В 4 т./Подред. Д.Н. Ушакова. 1935–1940 [Электронный ресурс]. – <http://ushdict.narod.ru/>
- Уфимцева Н. В.* Археология языкового сознания: первые результаты // Язык. Сознание. Культура. Сборник статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М.–Калуга, 2005. – С. 205–216
- Уфимцева Н.В.* Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М., 2003. – С. 135–170
- Фразеологический словарь русского языка: 700 фразеологических оборотов / Д.Э. Розенталь, В.В. Краснянский. – М., 2008. – 415 с.
- Этимологический словарь русского языка в 4 т./ Под ред. Б.А Ларина. – М., 1986.

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

К.Я. Сигал, Н.М. Юрьева

УДК 81'23(075.8)

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА МАРКОВИЧА ШАХНАРОВИЧА (1944—2001)

Настоящая статья посвящена памяти выдающегося российского психолингвиста А.М. Шахнаровича. Авторы статьи останавливаются на ключевых положениях его теории онтогенеза речи, а также рассказывают о деятельности отдела экспериментальных исследований речи, созданного им в Институте языкознания РАН.

Ключевые слова: психолингвистические исследования, экспериментальные методы в психолингвистике, онтогенез речи.

Kirill J. Seagal, Nadezhda M. Yurieva

IN MEMORY TO ALEXANDR M. SHAKHNAROVITCH (1944—2001)

This article is devoted to the memory of outstanding Russian psycholinguist A.M. Shakhnarovitch. The authors of the article dwell upon the significant statements of his ontogenesis of speech theory and tell about the department of experimental researches of speech, that was organized by him in the Institute of linguistics (Russian Academy of Science).

Key words: psycholinguistical researches, experimental methods in psycholinguistics, ontogenesis of speech.

5 февраля 2001 года не стало выдающегося ученого-психолингвиста, одного из основоположников психолингвистической теории онтогенеза речи в нашей стране, талантливого организатора науки и необыкновенно чуткого и доброго человека, учителя и друга – Александра Марковича Шахнаровича. Он долго болел, но до конца жизни работал. Много планов и надежд было связано с созданным в 1997 году отделом экспериментальных исследований речи, так как именно в различных направлениях экспериментальной работы с носителями языков – детьми и взрослыми – ученый видел серьезную и надежную базу для своих неиссякаемых замыслов.

В тот, скорбный для всех нас, год стояли сильные морозы. Пришел вечером домой из Института, погулял с собакой, зашел на кухню – и все... Друзья называли его Саша, в Институте языкознания, ставшим для него родным, сотрудники и аспиранты – Александр Маркович, но чаще всего между собой просто – Шах. Его потеря была невосполнима не только в целом для Института – ушел активный, талантливый, творческий ученый, полный новых идей и ярких гипотез. Для каждого, кто был с ним знаком и знал его, это была личная потеря.

Александр Маркович любил нас приглашать к себе домой на Смоленский бульвар, где можно было не торопиться, вдумчиво поговорить, без суеты набросать план работы или сразу же прочитать написанную кем-нибудь из аспирантов статью. У многих из его бывших аспирантов остались книги, которыми он охотно делился, его статьи, которые он всегда с удовольствием дарил для чтения. Жизнерадостный, доброжелательный, внимательный и честный человек, с которым было интересно, надежно, комфортно. Его влияние на нас было огромно, с его помощью «вышли в люди» и состоялись в науке десятки молодых людей, увлеченных лингвистикой вообще и психолингвистикой в частности.

Еще при жизни Александр Маркович Шахнарович стал классиком отечественной

психолингвистики: ссылки на его труды никогда не были парадной необходимостью, наоборот, до уровня психолингвистических обобщений, предлагаемых в этих трудах, нужно было дорасти, а потому обращения к ним неизменно свидетельствуют о научной и, если угодно, методологической зрелости того или иного специалиста.

Нам, ученикам и коллегам Александра Марковича Шахнаровича, особенно повезло потому, что мы могли общаться с этим замечательным ученым и человеком, а также потому, что мы запомнили его на всю жизнь и в наших сердцах остается благодарная память о нем.

В предлагаемой вниманию читателей журнала «Вопросы психолингвистики» мемориальной статье мы хотели бы, не останавливаясь детально на внешней биографии ученого (см. биографические и мемуарные материалы, опубликованные в [Шахнарович 2001]), рассмотреть, во-первых, тот круг идей, который был обозначен в научных трудах А.М. Шахнаровича по психолингвистике развития, а во-вторых, то, как осуществляется реализация научно-исследовательского и научно-организационного потенциала созданного им в Институте языкознания РАН отдела экспериментальных исследований речи.

Шахнарович Александр Маркович (3.11.1944 г. – 5.02.2001 г.) – известный ученый-лингвист, доктор филологических наук, профессор, в течение ряда лет, а именно в непростые девяностые — с 1993 по 2001 гг., – был заместителем директора по научной работе Института языкознания РАН, совмещая эту должность с руководством отделом экспериментальных исследований речи.

Александр Маркович принадлежал к тому небольшому числу молодых ученых нашей страны, которые в самом начале 1970-х годов закладывали основы современной психолингвистики. После окончания филологического факультета Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, отслужив в два

года в армии – в Златоусте, в сентябре 1969 года он начал работать в только что созданной Алексеем Алексеевичем Леонтьевым Группе психолингвистики Института языкознания АН СССР. А.А. Леонтьев вспоминал, что у него уже тогда было две особенности: во-первых, удивительная человеческая надежность, и, во-вторых, умение быстро войти в любую новую для него проблему. И буквально с первых месяцев он гигантскими шагами начал становиться профессионалом-психолингвистом.

В 1974 году Александром Марковичем была защищена кандидатская диссертация «К проблеме психолингвистического анализа детской речи», в 1985 году – докторская диссертация на тему «Семантика детской речи».

А.М. Шахнарович является автором более 300 научных трудов по различным проблемам лингвистики и психолингвистики, среди которых назовем такие его монографические труды, как «Детская речь в зеркале психолингвистики» (1999); «Язык и дети» (1981; в соавторстве с Е.И. Негневичкой); «Психолингвистический анализ семантики и грамматики» (1990; в соавторстве с Н.М. Юрьевой); «Интонация и модальность» (1997; в соавторстве с Б.Е. Арамой). В 2001 году, уже после безвременной кончины ученого, его вдова, ныне покойная, Наталия Николаевна Шахнарович опубликовала «Избранные труды, воспоминания друзей и учеников» Александра Марковича Шахнаровича.

После его ухода прошло целых десять лет. Лингвистика движется и развивается, в ней возникают новые подходы и новые парадигмы, и сейчас часто можно услышать, что почти вся современная лингвистика стала психолингвистикой. Об этом можно долго рассуждать и даже спорить. Но хочется сказать, что Александр Маркович Шахнарович был едва ли не первым среди тех, кто понял необходимость объединения достижений психологической науки, лингвистики и психолингвистики и предвидел положительные результаты, которые

это объединение может дать для научного объяснения генезиса языковой способности человека, а также функционирования ее в непосредственной речевой деятельности общающихся и взаимодействующих людей.

Нам, его ученикам и последователям, ясно, что на сегодняшнем этапе развития лингвистической науки без сомнения и оговорок можно сказать, что Александр Маркович Шахнарович по праву относится к классикам отечественной психолингвистической науки. Его труды и его яркая личность оказали глубокое влияние на развитие психолингвистики и современную теорию речевой деятельности. С самого начала своей работы в Институте языкознания (тогда еще – АН СССР) он проявил редкостное сочетание творческих и организаторских способностей, а также ярко выраженное стремление разрушать барьеры между теоретическим и прикладным языкознанием. Его интересы затрагивали всю теорию языка, но основной и любимой областью для него всегда оставалась «детская речь», поэтому он всегда радовался, когда молодые исследователи и новые аспиранты выбирали именно эту область для своих исследований.

Сформулированные им в конце XX века положения о закономерностях процесса усвоения родного языка ребенком послужили тем ядром, вокруг которого развивались и продолжают развиваться многие исследования в области онтогенеза речи. В поисках специфики онтогенетического периода формирования языковой способности А.М. Шахнарович, основываясь на том, что «понятийному уровню развития сознания соответствуют конвенциональные знаки языка, а образному – мотивированные языковые знаки», выдвинул гипотезу, согласно которой «развитие речевой деятельности представляет собой движение от использования мотивированных знаков языка к использованию знаков условных» [Шахнарович 1979: 159]. Это движение он проследил на различных уровнях системы языка, выделив в целях анализа каждый из

них из общего процесса онтогенетического развития речевой деятельности.

Опираясь на важнейший принцип, выдвигаемый современной психолингвистикой, в соответствии с которым при анализе различных явлений детской речи следует исходить из ее тесной связи с развитием предметной деятельности ребенка и его общепсихическим развитием, А.М. Шахнарович выявил одну из основных закономерностей формирования языковой способности в онтогенезе. Эта закономерность сформулирована им в работе «Психолингвистические проблемы овладения общением в онтогенезе» следующим образом: прежде чем овладеть социально закрепленной, условной связью денотата и знака, ребенок проходит ступень образной связи означаемого и означающего (денотата и знака) [Шахнарович 1979]. На уровне слова как номинативной единицы это образная связь предмета и названия, на уровне морфологии (словообразования) – образная связь морфемы (звукокомплекса) с измененным означаемым. На уровне синтаксиса – связь ситуации и предложения (психологическая предикативность).

Уже самые ранние публикации Александра Марковича способствовали опровержению ранее существовавшего взгляда на детскую речь как на неправильный или примитивный слепок речи взрослых носителей языка. В них было убедительно показано, что своеобразное использование детьми языковых средств на ранних этапах онтогенеза является следствием и проявлением необычайно сложного процесса «присвоения» или усвоения ребенком родного языка, который осуществляется во взаимосвязи с познанием предметного мира и звучащей вокруг ребенка речи.

Обращаясь здесь к некоторым теоретическим положениям концепции А.М. Шахнаровича, среди множества его идей мы стремимся выделить те мысли, которые имеют принципиальное значение для характеристики психолингвистического метода в изучении генезиса речевой деятельности

ребенка, равно как и для практики экспериментальных исследований.

Следует сказать о том, что важнейшее место в концепции А.М. Шахнаровича занимает «фактор ребенка», с которым в отечественной теории онтогенеза речи неразрывно связано положение о необходимости изучения различных аспектов усвоения языка в детском возрасте как процесса, осуществляющегося в контексте развития познавательной и предметно-практической деятельности ребенка. А.М. Шахнарович неоднократно подчеркивал, что исследователи, «проводя анализ становления языковых категорий в детской речи, часто игнорируют наличие предметной деятельности, факт ее развития в связи с развитием речи, сложные и многообразные отношения, которые устанавливаются между предметной и речемыслительной деятельностью, забывая о том, что мы мыслим, потому что мы действуем» [Шахнарович 1990: 45].

Исследователи, рассматривающие эти деятельности в отрыве друг от друга, считают речь самостоятельным явлением, не связанным с практическими действиями. Развитие предметных действий у ребенка, а также возникновение в процессе предметных действий перцептивно-моторных образцов он считал необходимой основой для формирования семантических структур и использования языковых знаков в речевой деятельности. Ученый писал: «Познавая в процессе предметной игровой деятельности отдельные стороны предметов и явлений действительности, ребенок познает связи и отношения между ними. Одновременно ребенок овладевает и элементами языка» [Шахнарович 1995: 218]. Эти положения в настоящее время хорошо известны, но в свое время признавались далеко не всеми, особенно за рубежом.

К факторам, определяющим психолингвистический подход, принадлежит также «фактор ситуации», т.е. предметной ситуации, в которой ребенок действует, познает предметный мир, вступает в общение и взаимодействие с окружающими людьми.

Ориентация на «фактор ситуации» связана с переходом лингвистики от описания «языкового материала» к изучению внутренних психолингвистических процессов, механизмов и операций, которые обеспечивают порождение и восприятие речи, функционирование языка и его единиц в речевой деятельности говорящего индивида в конкретных ситуациях.

А.М. Шахнарович обращается к проблеме отражения ситуации в однословных высказываниях детей раннего возраста в работе «Психолингвистические проблемы овладения общением в онтогенезе» [Шахнарович 1979]. Речевую деятельность ребенка в период однословных высказываний, когда ребенок еще не обладает достаточным набором речевых действий и языковых средств, А.М. Шахнарович определяет как «допрограммную». При этом он проводит аналогию с выявленным А.А. Люблинской фактом, в соответствии с которым дети раннего возраста не могут спланировать свою предметную деятельность, т.е. создать какую-либо программу из некоторого последовательного набора предметных действий для осуществления деятельностной задачи. Ученый отмечает, что «в этот период ребенок определенным образом ориентируется в ситуации, у него появляется потребность выразить в общении некоторое содержание его знаний о ней, но построить программу речевых действий (высказывания) он еще не в состоянии, поэтому и ситуация отражается в однословном высказывании нерасчлененно» [там же: 219].

Как подчеркивает А.М. Шахнарович, «в нерасчлененной форме высказывания проявляется в известном смысле знание ребенка о строении конкретной ситуации», которое в этот период отражает образ нерасчлененной ситуации [там же: 221]. Далее он замечает: «Связь однословных высказываний с чувственно воспринимаемой ситуацией настолько прочна, что сами высказывания являются как бы частью ситуации. <...> В однословных предложениях слитыми оказываются субъект и предикат» [Шахнарович 1979: 224–225]. Важно обратить

внимание, что суть дела не в абстрактной ситуации, а в том, что это — деятельностная ситуация, которая «потому отражается в высказывании ребенка, связана с этим высказыванием предикативностью», что «это – связь деятельностей – речевой и неречевой, предметной. Первая деятельность осуществляется ребенком на основе и при посредстве второй. Эти деятельности слиты и до некоторого времени неразрывны» [Шахнарович 1979: 223]. Для детей раннего возраста предметная ситуация и речь слиты в единый комплекс и продолжают оставаться слитными до тех пор, пока ребенок не может осуществлять планирование некоторой последовательности действий, что проявляется не только в предметной деятельности, но и в речи, и прежде всего в связной речи и многословном высказывании.

В ряде работ, посвященных семантическому компоненту языковой способности, Александр Маркович подчеркивает, что «именно в ситуации надо искать его основания». Одновременно с этим он высказывает мысли о «семиотико-ситуативном анализе» как необходимом звене речемыслительной деятельности ребенка и процессов порождения высказывания, в результате которого выявляются значимые для общения и деятельности элементы ситуации [Шахнарович 1990: 44, 47]. Уместно привести также следующие его слова: «Когда мы говорим о том, что высказывание соотносится с ситуацией, то было бы неверным понимать под ситуацией строго предметную ситуацию, так как между структурой предметной ситуации и семантической структурой высказывания находится когнитивная структура ситуации. Поэтому, разумеется, не предметная ситуация отображается в формально-грамматических компонентах высказывания, а когнитивная ее структура. <...> Именно сложностью когнитивной структуры ситуации и способами отражения этой структуры в семантической структуре высказывания различаются речь взрослого и ребенка» [Шахнарович 1990: 51].

Итоги многолетних исследований А.М. Шахнаровича отражены в его послед-

ней прижизненной монографии «Детская речь в зеркале психолингвистики» (1999), в которой он выделил и сформулировал проблематику дальнейших исследований в этой области.

Приведем ряд (безусловно, далеко не полный) выдвинутых им положений, которые в современной теории речевого онтогенеза рассматриваются в качестве важнейших закономерностей процесса усвоения родного языка ребенком. На наш взгляд, эти положения не требуют никаких дополнительных комментариев. Это положение об ориентировочной деятельности ребенка в мире звучащей речи и формировании языковых обобщений, положение о динамике развития речевой деятельности ребенка, которая характеризуется переходом от целостных, нерасчлененных, внешне простых форм знакового поведения к более аналитическим, к расчлененному и сложному высказыванию, в котором в условных формах выражается относительно сложное знание ребенка о действительности, а также уже упоминавшееся положение о семиотико-ситуативном анализе ситуации как необходимым звеном речемыслительной деятельности ребенка и процессов порождения высказывания.

Вплоть до настоящего времени научная интуиция Александра Марковича Шахнаровича и неповторимая оригинальность его научного мышления, широта и разносторонность интересов привлекают ученых, работающих в самых разных областях лингвистики, способствуют продвижению вперед, поиску новых методов и новой точки зрения в решении возникающих проблем.

Думается, что целый ряд теоретических идей А.М. Шахнаровича в области онтогенеза речи ждет своего осмысления и дальнейшего развития. В частности, это идея о взаимообусловленности в речемыслительном процессе семантической изотопии связной речи (текста) и ассоциативной структуры значения ключевых слов текста, о прагматике текста как «пусковом» механизме овладения текстовой

структурой в ходе вербальной социализации, о предикативности как о смысловой категории, преодолевающей «скважинность» минимальных текстовых сцеплений и ориентированной на построение целого текста в рамках принятия решения в сфере предметно-практической деятельности (преимущественно – игровой), а также об интонационно-просодической стороне онтогенеза синтаксических структур, связанной с «присвоением» ребенком тех или иных речевых актов как моделей коммуникативных событий (действий).

Далее мы остановимся на том, как происходит развитие научно-исследовательского и научно-организационного процесса в созданном А.М. Шахнаровичем отделе экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН – главном детище ученого.

Напомним, что это подразделение было образовано в 1997 году по инициативе Александра Марковича на базе лаборатории экспериментальной фонетики и группы онтогенеза речи. Сам А.М. Шахнарович руководил отделом с момента его создания вплоть до своей кончины в 2001 году. С 2001 по 2004 гг. обязанности заведующего отделом исполняла Н.М. Юрьева. С 2004 года и по настоящее время руководителем подразделения является К.Я. Сигал.

Необходимо сказать о том, что уже при Александре Марковиче проблематика научных исследований, осуществляемых в отделе, выходила за пределы экспериментальной фонетики и онтогенеза речи. В последние годы научными сотрудниками подразделения проводятся изыскания, основная проблематика которых ориентирована на такие области, как 1) теория и методология эксперимента в науке о языке и речи; 2) теоретические и прикладные аспекты речеведения; 3) онтогенез речи и коммуникативных форм речевого общения; 4) отражение психологических процессов в речи; 5) производство и функционирование синтаксических структур в речи; 6) механизмы усвоения иноязычной речи взрослыми; 7) сигнальная фонетика.

Основные результаты плановых исследований научных сотрудников подразделения отражены в целом ряде коллективных публикаций, в частности в сборниках научных трудов: «Экспериментальные исследования языка и речи» (2003; отв. ред. Н.М. Юрьева); «Проблемы экспериментальной лингвистики и онтогенеза речи: К 60-летию со дня рождения А.М. Шахнаровича» (2004; отв. ред. К.Я. Сигал); «Лингвистика речи в теории и эксперименте» (2005; отв. ред. К.Я. Сигал); «Речевые исследования: теория, эксперимент, практика» (2007; отв. ред. К.Я. Сигал); «Проблемы экспериментальных исследований речи» (2011; отв. ред. Н.М. Юрьева). Отметим, что в названных публикациях экспериментирование охватывает не только психолингвистику, но и функциональное моделирование языка, сигнальную фонетику, полевою лингвистику, обучение иностранным языкам, социолингвистику, а в качестве материала привлекаются речевые феномены, полученные путем экспериментальной работы с носителями целого ряда языков: русского, английского, китайского, хинди и др.

В настоящее время перед научными сотрудниками отдела стоит непростая задача совмещения конкретных экспериментальных исследований с подготовкой к созданию обобщающих монографических трудов по истории и теории эксперимента как в самой лингвистике, так и в «стыковых» областях, в частности в психолингвистике. Первым таким трудом стала недавно опубликованная монография К.Я. Сигала и Н.М. Юрьевой «Метод эксперимента и его применение в речевых исследованиях» [Сигал, Юрьева 2009]. В этой книге авторы предприняли попытку методологически осмыслить теорию и практику эксперимента как метода лингвистического и психолингвистического исследования, в чем они шли вслед за А.М. Шахнаровичем, предложившем подобный анализ применительно к научной ситуации начала 1970-х годов (см. [Шахнарович 1974]).

Научно-исследовательская работа

отдела экспериментальных исследований речи, по замыслу А.М. Шахнаровича, должна обеспечивать создание новых, перспективных направлений в лингвистике и психолингвистике. За последние десять лет научными сотрудниками подразделения, непосредственными учениками и коллегами Александра Марковича, были успешно защищены 4 докторские диссертации, обосновавшие выделение новых направлений в нашей науке, связанных с применением экспериментальной методологии анализа. Это докторские диссертации И.М. Румянцевой «Психолингвистические механизмы и методы формирования речи» (2001); К.Я. Сигала «Сочинительные конструкции в тексте: Опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения)» (2004); Н.М. Юрьевой «Речевой онтогенез: теория и эксперимент» (2006); К.И. Долотина «Диагностика экстралингвистических факторов звучащей речи (экспериментально-статистическое исследование)» (2007).

И.М. Румянцева на основе обобщения современных научных воззрений в области природы, формирования и развития речи не только в лингвистике, но и в психологии и педагогике предложила новую технологию обучения иностранным языкам взрослых людей, в том числе тех, кто имеет негативный опыт овладения языками или приступает к их изучению впервые. Назвав эту технологию Интегративным лингвопсихологическим тренингом и открыв тем самым новое направление в прикладной психолингвистике, И.М. Румянцева при этом сделала заявку на создание интегративной теории речи.

К.Я. Сигал разработал теорию функционально-порождающего синтаксиса сочинения, раскрывающую природу сочинительной связи словоформ как функционирующей языковой структуры и фрагмента психолингвистической грамматики. На основе обобщения результатов целой серии экспериментальных исследований им построена и обоснована психолингвистиче-

ская модель сочинительных отношений, релевантная для задач моделирования порождающих процессов в рамках теории речевой деятельности.

Н.М. Юрьевой освещается теоретико-экспериментальный опыт применения психолингвистического подхода к изучению двух конкретных проблем теории речевого онтогенеза: становления словообразовательной номинации в онтогенезе речи и диалогического взаимодействия детей-сверстников дошкольного возраста.

К.И. Долотин представил обоснование разработанного им метода обнаружения имплицитной информации в сфере сигнальной фонетики, позволяющего дифференцировать три типа имплицитных структур речевого сигнала: квазисегментную, квазиритмическую и квазикодевую.

В целом за прошедшие после безвременной кончины А.М. Шахнарвича десять лет научными сотрудниками отдела экспериментальных исследований речи были опубликованы 14 книг, в том числе 8 монографий и 1 словарь: Ветров П.П. Фразеология современного китайского языка: Синтаксис и стилистика. М., 2007; Долотин К.И. Квазиритмическая структура речевого сигнала (экспериментально-статистическое исследование). М., 2007; Румянцева И.М. Психология речи и лингвопедагогическая психология. М., 2004; Румянцева И.М. Русские и английские пословицы и поговорки. Учебный словарь фразеологических соответствий. М., 2008; Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте: Опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения). М., 2004; Сигал К.Я. Синтаксические этюды. М., 2006; Сигал К.Я. Словосочетание как лингвистическая и психолингвистическая единица. М., 2010; Сигал К.Я., Юрьева Н.М. Метод эксперимента и его применение в речевых исследованиях. М., 2009; Юрьева Н.М. Проблемы речевого онтогенеза: Производное слово. Диалог. М., 2006.

Все, кто знал Александра Марковича, помнят, как он любил работать с талант-

ливой молодежью. Научно-педагогическая сторона деятельности ученого отражена в работе сотрудников отдела с аспирантами и докторантами. За последние несколько лет были успешно защищены следующие кандидатские диссертации, выполненные в русле проблематики подразделения: Ветров П.П. «Проблемы синтаксиса и стилистики фразеологических единиц в свете экспериментальных данных (на материале современного китайского языка)» (2007); Полякова С.В. «Словоизменение количественных числительных в современной русской речи (экспериментальное исследование)» (2011) и др. В текущем году в отделе выполняется 1 докторская и 2 кандидатские диссертации.

В плане научно-организационной деятельности отдела считаем необходимым отметить, что с 2004 года и по настоящий момент отдел экспериментальных исследований речи совместно со Смоленским гуманитарным университетом проводит ежегодную международную конференцию «Культура как текст», на которой неизменно обсуждаются вопросы теоретической и экспериментальной лингвистики и психолингвистики.

В заключение следует сказать о том, что А.М. Шахнарвич, по-видимому, довольно точно предвидел то, в каком направлении будет развиваться современная наука о речи (иначе – речеведение). Вне экспериментального обоснования теорий, моделей, частных гипотетических положений или просто без осуществления поисковых экспериментальных исследований речеведение окажется выхолощенным и практически бесполезным! Именно этот методологический посыл и завет ученого реализуется в повседневной научной работе сотрудников отдела экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН.

В связи с этим хотелось бы отметить повышенное внимание к работе круглого стола «Экспериментальные исследования функционирования речевых структур», состоявшегося 16 июня 2009 года в рамках XVI симпозиума по психолингвистике и

теории коммуникации и посвященного памяти А.М. Шахнаровича, которому в тот год должно было бы исполниться 65 лет. Среди докладчиков было докторов наук – 5, кандидатов наук – 3, в том числе из дальнего зарубежья. На заседании круглого стола присутствовало около 20 участников и гостей симпозиума (а это, согласитесь, рекорд для узкотематического академического общения!). В тематике прочитанных и обсужденных докладов отразился круг интересов А.М. Шахнаровича: теория и методология экспериментальных исследований речи, онтогенез речи, детское двуязычие, психолингвистические проблемы семантики и грамматики, просодический анализ речи. Особенно приятно для нас, организаторов этого круглого стола, было то, какую высокую заинтересованность проявили все участники заседания в решении важнейших теоретико-методологических вопросов экспериментального подхода к явлениям речи,

во многом поставленных в трудах Александра Марковича – замечательного теоретика эксперимента и непревзойденного экспериментатора-практика.

Безусловно, отделу не хватает блестящего и неповторимого организаторского таланта А.М. Шахнаровича, умевшего с видимой легкостью устанавливать научные контакты, обеспечивать периодичность фундаментальных публикаций, ежегодно выводить на защиту все новых и новых аспирантов. Здесь всем нам есть чему поучиться! Тем не менее хотелось бы искренно сказать, что не проходит и дня, чтобы мы не вспоминали нашего Александра Марковича, нашего дорогого Шаха, чтобы мы не подумали о том, как он поступил бы или что он сказал бы, чтобы, наконец, мы не обращались к его прекрасным трудам, придавшим новый импульс экспериментальным исследованиям психолингвистических механизмов усвоения и функционирования речи.

Список литературы

1. Сигал К.Я., Юрьева Н.М. Метод эксперимента и его применение в речевых исследованиях. — М.: Ключ-С, 2009. — 240 с.
2. Шахнарович А.М. Лингвистический эксперимент как метод лингвистического и психолингвистического исследования// Основы теории речевой деятельности. — М.: Наука, 1974. — С. 129—134.
3. Шахнарович А.М. Психолингвистические проблемы овладения общением в онтогенезе// В кн.: Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. — М.: Наука, 1979. — С. 148—233.
4. Шахнарович А.М. Языковая способность человека: онтогенетический аспект// В кн.: Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики. — М.: Наука, 1990. — С. 19—58.
5. Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность// Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. — М.: Наука, 1995. — С. 214—223.
6. Шахнарович А.М. Избранные труды, воспоминания друзей и учеников/ Сост. Н.Н. Шахнарович. — М., 2001. — 727 с.

А.М. Шахнарович

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК МЕТОД ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья впервые опубликована в коллективной монографии «Основы теории речевой деятельности» (М.: Наука, 1974) – первом обобщающем труде, созданном отечественными психолингвистами. Автор рассматривает различные виды научных экспериментов в лингвистике. Недостаточное понимание того, что всякое обращение к «языковому сознанию» есть разновидность лингвистического эксперимента, приводит к недооценке места эксперимента в системе методов «классической» лингвистики и, соответственно, недооценке места психолингвистики в системе дисциплин современного языкознания.

Ключевые слова: эксперимент, психолингвистика, метод, исследование

The article was published for the first time in collaborative monograph “The bases of the theory of speech activity” (Moscow, Publishing house “Nauka”, 1974) which is the first summarizing work created by Russian psycholinguists. The author describes different kinds of scientific experiments in psycholinguistics. Insufficient understanding that each access to language consciousness is a kind of linguistic experiment leads to underestimation of the place of an experiment in the system of classical linguistics methods and correspondently to underestimation of psycholinguistics’ place in the system of modern linguistics disciplines.

Key words: experiment, psycholinguistics, method, research.

Цель научного эксперимента – искусственно вызвать явление, подлежащее изучению, с тем чтобы, наблюдая за этим явлением, более глубоко и полно его познать. Эксперимент должен давать возможности более подробного наблюдения над объектом исследования, иногда в условиях, максимально приближенных к естественным. Эксперимент при формулировании научной теории не только является методом проверки, верификации построенной модели и базой ее создания, но и позволяет обобщить частный случай исследования. Экспериментируя над единичными явлениями, исследователь должен осознавать каждое явление как частный случай общего, способ существования последнего.

Эксперимент является эмпирической

базой научной теории и, следовательно, влияет на ее эвристическую ценность. Сказанное в полной мере относится к лингвистическому эксперименту.

Лингвистический эксперимент наиболее широко применяется в двух областях науки: в языкознании и обучении языку (соответственно он называется лингвистическим и педагогическим).

Лингвистический эксперимент служит способом верификации построенной лингвистом модели. При помощи эксперимента лингвист определяет эвристическую ценность модели и, в конечном счете, гносеологическую ценность всей теории. Языковую модель (логическую модель) мы понимаем как «всякое достаточно правильное, т. е. удовлетворяющее определенным требованиям к адекватности, описание

языка» [Леонтьев 1965, 44].

Педагогический эксперимент проводится с целью выяснения сравнительной эффективности отдельных методов и приемов преподавания языка. Он проводится в обычных условиях учебной работы. Кроме того, педагогический эксперимент может означать «исprobование на практике какой-нибудь новой педагогической идеи – возможности ее осуществления, ее эффективности» [Рамуль 1963]. Педагогическая идея в этом случае выступает как модель познания учеником нового материала. Эксперимент в этом случае выступает как способ верификации модели.

Применительно к обучению языку педагогический эксперимент должен помочь ответить на вопрос, «функцией каких аргументов является результат нашего обучения» [Леонтьев 1969]. Последнее необходимо предполагает, чтобы педагогическому эксперименту предшествовал эксперимент психологический.

Эмпирическое (в нашем контексте это то же, что экспериментальное, вследствие совпадения этих понятий в практике лингвистического исследования) изучение языка строится на основе получения данных о функционировании системы живого языка в индивидуальной речевой деятельности его носителя. От эксперимента вообще такой эксперимент отличает то, что лингвистика имеет дело с самими фактами, процессами, сторонами языковой системы, но не с их отображаемыми характеристиками. Иначе говоря, лингвистический эксперимент имеет дело всегда с изучением прямым образом отображаемых свойств явлений.

Эвристическая значимость лингвистического эксперимента определяется тем, насколько корректно он выявляет меру адекватности языковой модели.

Лингвистический эксперимент нашел широкое применение в практике диалектологических исследований. Диалектологи

стоят перед задачей моделирования «микросистемы» языка, идя от частных случаев, отмеченных в живой речи, к построению некоторой модели данного диалекта. Верификация же модели производится в ситуации мысленного эксперимента, когда лингвист отождествляет себя с носителем языка (диалекта). О специфике мысленного лингвистического эксперимента см. ниже.

Имеется целый ряд методов экспериментальных диалектологических исследований, которые было бы справедливее назвать не методами, но приемами исследования. Диалектолог имеет дело, как правило, с носителями диалекта и разными способами получает от них информацию о разных сторонах языка¹. Однако наблюдения диалектолога весьма осложняются тем, что их практически нельзя повторить. Получив некоторый эмпирический материал, построив модель какого-либо говора, диалектолог часто лишен возможности проверить абсолютную правильность своей модели. Объясняется это тем, что устная речь «доступна наблюдению лишь в момент произнесения, когда осуществляется акт речи» [Аванесов 1949, 263]. Этим, в частности, отличаются эксперименты над живыми языками от экспериментов над языками мертвыми.

Главными приемами, используемыми диалектологами, являются беседа и опрос. В ходе живой беседы с носителями диалекта или в наблюдении за их беседой исследователь получает фонетический и морфологический материал. При сборе материала по лексике может применяться опрос. В ходе опроса выясняются названия ряда предметов быта и т. п. При этом ставятся вопросы: «Что это такое?» и «Как это называется?». Не рекомендуется задавать вопросы типа «Произносят ли у вас так-то?». Такие вопросы, помимо того, что они приводят к стереотипным ответам, причем не всегда верным, еще и создают определенную установку у носителя диалекта. От-

¹ *Случай, когда диалектолог имеет дело с текстами (записями, фольклором), мы не рассматриваем.*

рицательной стороной подобных вопросов является и то, что они апеллируют к «языковому чутью» носителей языка и в ответе содержится субъективная оценка, которая не учитывается (так что не годятся не сами по себе вопросы, но их использование и интерпретация ответов).

Близка по приемам наблюдения и значению к диалектологическим изысканиям и так называемая «полевая лингвистика». В широком смысле под этим названием объединяется совокупность приемов и способов работы с информантами при изучении бесписьменных языков. Предполагается, что в результате «полевых» экспериментов может быть составлена некоторая модель живого языка (см. в этой связи [Gudschinsky 1965; Samarin 1965; Healey 1964]).

Л.В. Щерба, едва ли не впервые поставив проблему лингвистического эксперимента, писал о том, что исследователь живых языков, «построив из фактов этого материала некую отвлеченную систему», должен «проверять ее на новых фактах, т. е. смотреть, отвечают ли выводимые из нее факты действительности. Таким образом, в языкознание вводится принцип эксперимента» [Щерба 1965, 368]. Как следует из этих слов Л.В.Щербы, методы лингвистического эксперимента тесным образом связаны с моделями. При эксперименте в диалектологических исследованиях лингвист имеет дело, как правило, с генетическими моделями, и это определяет приемы эксперимента. В «полевой лингвистике» могут верифицироваться не только генетические модели, но и аксиоматические.

Л.В. Щерба выделяет два вида эксперимента – положительный эксперимент и отрицательный эксперимент. При положительном эксперименте, «сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т. п., следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило. Утвердительный результат подтвердит

правильность постулата ... » [там же].

Если при положительном эксперименте строится правильная форма, высказывание и т. п., то при отрицательном эксперименте строится заведомо неправильное высказывание, а от информанта требуется отметить неправильность и внести необходимые исправления. Отрицательный эксперимент по своему строению – тот же положительный, и между ними «нет принципиального различия и они зачастую дополняют друг друга» [Леонтьев 1965, 67].

Третий вид лингвистического эксперимента выделен А.А. Леонтьевым. Это альтернативный эксперимент, в ходе которого информант определяет тождество/нетождество предлагаемых отрезков. В связи с этим важно максимально объективизировать данные, полученные от информанта. Для этого Харрис предлагает информанту повторить то, что он уже сказал, или обращает к другому информанту вопрос «А вы бы так же сказали?» [Harris 1960]. Однако такой вариант объективизации мало удачен. Более удачным представляется вариант, когда информанту задается стандартный вопрос – о тождестве или нетождестве предлагаемых отрезков речи, на который можно ответить однозначно – «да» или «нет». Однако и этот вариант эксперимента прямо апеллирует к языковому сознанию информанта. Наиболее естественными были бы данные, полученные не прямым путем – в максимально естественных условиях живой непринужденной беседы (снятой своего рода «скрытой камерой»). В ходе такой беседы происходит экстерниоризация психологически реальных элементов системы языка, они приобретают функциональную определенность. Кроме того, обратная связь, которая устанавливается при общении, позволяет по реакции собеседника объективировать получаемые данные. В ходе беседы информант свободно оперирует слогами, словами, предложениями – реальными «квантами» потока речи. Психолингвистическая реальность этих «квантов» всегда одинакова (в отличие от реальности в сознании инфор-

манта фонемы, морфемы и т. п.), не зависит от уровня развития речевых умений и от условий обучения информанта родному языку.

Любопытный вариант предлагает А.Хили. Он описывает эксперимент с использованием двух информантов, помещенных спинами друг к другу. Перед одним лежит серия предметов, а другому молча показывают любой предмет такой же серии. Информант называет предмет, а его партнер должен выбрать аналогичный. Таким образом, построенный эксперимент «включает» не только систему порождения, но и систему восприятия. Вопрос тождества/нетождества отрезков речи объективируется, и появляется возможность (после ряда опытов) оценки правильности высказывания [Healey 1964].

Задача исследователя состоит еще и в том, чтобы вскрыть и актуализовать все потенции языка. Только при соблюдении этого условия описание языка будет достаточно адекватным. При «полевом» же эксперименте, проводящемся традиционными методами работы с информантами, часто невозможно открыть «потенциальных порождающих возможностей языка, не находящих по тем или иным причинам широкого применения в речи говорящих» [Кибрик 1970, 160-161]. Живая беседа и в этом смысле оказывается весьма полезной: в непосредственном общении «оборот» потенциальных возможностей языка значительно шире.

В цитированной работе Л.В. Щербы выделяются три аспекта языковых явлений. «Процессы говорения и понимания» составляют «речевую деятельность». Словари и грамматики языков составляют второй аспект – «языковую систему». «Совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке, в ту или иную эпоху жизни данной обществен-

ной группы составляет третий аспект языковых явлений – «языковой материал»².

Из этого следует необходимость включения в моделирование языка («языковой системы») двух других аспектов – «речевой деятельности» и «речевой организации». Если в модели эти три аспекта находят свое выражение, то в ходе лингвистического эксперимента должны верифицироваться языковые явления в единстве этих трех аспектов. (Иначе говоря, лингвист должен изучать язык, которым пользуется говорящий человек.)

Традиционно проводимый лингвистический эксперимент ориентирован лишь на один из аспектов языковых явлений. Модель верифицируется на «индивидуальной речевой системе» как конкретном проявлении языковой системы, без учета тех внутренних факторов, которые определяют в конечном счете саму «индивидуальную речевую систему».

Исследование триединства языковых явлений обязательно должно предполагать, помимо «языковой системы» и «языкового материала», еще и выяснение «индивидуальной речевой деятельности». Иными словами, следует найти пути и способы актуализации потенциальных возможностей языка по их функционированию в сознании говорящего. При этом собственно лингвистические данные могут не всегда совпадать с теми, которые получаются в результате психологического (точнее – психолингвистического) «поворота» эксперимента. В подтверждение сказанного можно привести эксперименты, проведенные Л. В. Сахарным в Перми по исследованию психологической реальности словообразовательных моделей. Эти эксперименты показали, что традиционное в лингвистике выделение семантически обобщенных классов слов не вполне соответствует конкретным семантическим типовым признакам при группи-

² Ср. у А.А. Леонтьева соответственно: «языковая способность», «языковой процесс», «языковой стандарт» [Леонтьев 1965].

ровке их в сознании говорящего [Сахарный 1970]. Как видно, при подобном «повороте» эксперимента выигрывает и лингвистика, ибо дополняется и уточняется картина «языковой системы». Таким образом, «... лингвистика ... не может замкнуться в рамках языкового стандарта. Она должна изучать языковой стандарт, соотнося его как с языковым процессом, так и с языковой способностью» [Леонтьев 1965, 58].

Сказанное выше особенно важно применительно к мысленному эксперименту, под которым понимается такой вид лингвистического эксперимента, когда экспериментатор и испытуемый – одно лицо. Л.В. Щерба, описывая этот вид эксперимента, применил известный психологический термин «самонаблюдение» и писал, что «индивидуальная речевая система является лишь конкретным проявлением языковой системы, а потому исследование первой для познания второй вполне законно» [Щерба 1931, 123]. Однако на индивидуальную речевую систему влия-

ют внутренние и внешние факторы, под воздействием которых она не сводится к простой актуализации языковой системы. Элиминировать эти факторы (или учесть их) можно, только подготовив некоторые условия, сформулировав гипотезу и введя модель, подлежащую верификации (см. [Поливанов 1928]). Чем большее внимание при проведении мысленного эксперимента уделяется процессу («говорения», формирования, организации) высказывания, тем выше мера адекватности лингвистического эксперимента. Недостаточное понимание того важного факта, что всякое обращение к «языковому сознанию», лингвистическая «интроспекция» есть разновидность лингвистического эксперимента и что этот эксперимент должен быть организован по общим правилам, приводит нередко к недооценке места эксперимента в системе методов «классической» лингвистики и, соответственно, недооценке места психолингвистики в системе дисциплин современного языкознания.

Список литературы

- Аванесов Р.И.* Очерки по русской диалектологии. Т. I. – М., 1949.
- Кибрик А.Е.* Психолингвистический эксперимент в полевой лингвистике// Материалы 3-го симпозиума по психолингвистике. – М., 1970.
- Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности. – М., 1965.
- Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М., 1969.
- Поливанов Е.Д.* Введение в языкознание для востоковедных вузов. – Л., 1928.
- Рамуль К.А.* Введение в методы экспериментальной психологии. – Тарту, 1963.
- Сахарный Л.В.* К проблеме психологической реальности словообразовательной модели// Материалы 3-го симпозиума по психолингвистике. – М., 1970.
- Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании// Известия АН СССР. – сер. 7. – 1931. – № 1.
- Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании// В кн.: Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. – М., 1965.
- Gudschinsky S.C.* How to learn an unwritten language. – Santa Ana, 1965.
- Harris Z.S.* Structural linguistics. – Chicago, 1960.
- Healey A.* Handling unsophisticated linguistic informants. – Canberra, 1964.
- Samarin W.* Field linguistics. – New York, 1965.

А.М. Шахнарович, В.И. Голод

КОГНИТИВНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья впервые опубликована в журнале «Вопросы языкознания», № 2, 1986. Анализ эмпирического материала позволил авторам заключить, что психофизиологической основой коммуникативной деятельности является совместная работа обоих полушарий головного мозга, каждое из которых вносит свой специфический вклад в процесс общения.

Ключевые слова: коммуникация, речевая деятельность, языковая способность, онтогенез.

The article was published for the first time in “Journal of linguistics” № 2 1986. The analysis of the empirical material allowed the author make the conclusion that psycho-physical basis of communicative activity is the joint work of both hemispheres of a cerebrum each of which makes its own contribution to the communication process.

Key words: communication, speech activity, speech ability, ontogeny.

Одна из наиболее актуальных проблем современной психолингвистики – проблема адекватного описания языковой способности человека. По существу, все психолингвистические исследования служат одной цели: раскрытию природы этой способности. Наиболее удобным полем исследования языковой способности как механизма, обеспечивающего владение языком, является онтогенез речевой деятельности, в процессе которого многие факты оказываются наблюдаемыми, поддающимися анализу и представляющими автоматизированные и свернутые «в норме» процессы в дезавтоматизированном и максимально развернутом виде.

Построение теоретической модели, представляющей природу языковой способности человека, предполагает анализ эмпирического материала на трех уровнях: во-первых, на уровне характеристики средств, используемых человеком для реализации языковой способности, во-вторых, характеристики систем, в которых функционируют данные средства, в-третьих, характеристики материального субстрата, обеспечивающего осуществление указанных процессов, или,

иными словами, характеристики (неполной, разумеется) психофизиологического механизма этих процессов.

Первый уровень является собственно лингвистическим. В настоящее время достаточно полно и подробно описаны средства, используемые носителями языков разной типологии в процессе общения, имеется ряд описаний онтогенетического развития языковых средств.

Значительно меньше известно о формировании психолингвистических механизмов коммуникативной функции. В этом плане весьма перспективны исследования последних лет, в которых прослеживаются особенности формирования коммуникативных средств, начиная с довербального периода жизни и вплоть до появления конвенциональных коммуникативных знаков [Исенина 1983; Горелов 1974; Bruner 1975; Bates 1976; Bates 1979; Greenfield 1979.]. Несмотря на значительные различия в подходах и методах исследования, различия в интерпретации эмпирического материала, все эти работы объединяет одна мысль: функциональной системой, в которой происходит формирование коммуникативных

средств, является совместная деятельность взрослого и ребенка. Это представление соответствует идее Л.С. Выготского, согласно которой только совместная деятельность людей в определенных социальных условиях развития является «пусковым механизмом» речевого общения [Выготский 1984]. Таким образом, теоретической платформой, своего рода концептуальной базой для всех упомянутых исследований, является концепция культурно-исторического развития Л.С. Выготского.

На основе экспериментов удалось выяснить, что динамика развития психолингвистического механизма усвоения языка характеризуется переходом от целостных, нерасчлененных, синкретических форм знакового поведения ко все более аналитическим [Голод, Шахнарович 1982].

Сравнительно мало известно об организации психофизиологического субстрата развития языковой способности в онтогенезе. Одной из попыток объяснения того, как это происходит, является идея «пластичности» детского мозга, тесно связанная с гипотезой эквипотенциальности полушарий мозга на ранних этапах онтогенеза. Согласно этой гипотезе, ребенок рождается с функционально равнозначными полушариями и в процессе развития происходит латерализация речевой функции в левом полушарии. Однако в последние десять лет были получены факты, противоречащие гипотезе эквипотенциальности полушарий. Выяснилось, что на самых ранних ступенях онтогенеза имеет место тонкое различие признаков речевых стимулов, т.е. отчетливая асимметрия полушарий относительно речевой функции [Molfese 1977]. В исследовании [Симерницкая 1978] было показано, что нарушения речи в детском возрасте значительно чаще встречаются при поражениях левого (как у взрослых), чем правого полушария. Все эти факты привели к пониманию того, что проблема мозговой организации речевой функции в онтогенезе представляет собой проблему межполушарного взаимодействия в процессе восприятия и порождения

коммуникативных единиц. Очень важным является и тот факт, что по мере изменения внутренней структуры функции происходит изменение ее мозговой организации. На разных этапах онтогенеза речевой деятельности ведущее место занимают последовательно недоминантное и доминантное полушария. С деятельностью недоминантного полушария связывается осуществление таких компонентов речевой деятельности, как образность, понимание метафорического значения, коннотативные значения, эмоциональная окраска высказывания, а также целый ряд семантико-синтаксических функций высказывания. Эти факты, как и многие другие результаты психолингвистических и психофизиологических исследований, дают возможность обратиться к внутренним механизмам речевой коммуникации, без прояснения которых не может быть адекватного описания модели этого процесса и его результатов. При анализе внутренних механизмов речевой коммуникации, как нам представляется, наиболее существенной единицей анализа должен быть текст.

Если рассматривать текст как актуализацию свойств описанных в нем объектов, то единственный способ выявить актуальные свойства объектов – изучать их восприятие в условиях неопределенных инструкций, т.е. в условиях максимально свободного оперирования текстами [Артемьева 1980]. Речь идет об условиях коммуникативных ситуаций, в которых и происходит обмен языковыми знаками, объединенными в тексты. В психолингвистическом смысле текст – это реализация структурных компонентов языковой способности. Развернутый текст в коммуникативном акте содержит в себе в «снятом» виде всю историю онтогенетического формирования языковой способности. Именно благодаря рассмотрению этой истории оказывается возможным подойти к пониманию таких феноменов, как внутренняя речь, формирование программы речевого высказывания, реализация языковой способности.

Функционирование текста в коммуникативном акте (в среде «коммуникатор – ре-

ципиент») будет иметь место, если произойдет смысловое восприятие текста, которое возможно только при соотнесении содержания текста с опытом индивида. Это весьма существенно для понимания внутренних механизмов речевой коммуникации, поскольку такое соотнесение – один из существенных компонентов этого механизма. Опыт можно определить как набор эталонов, в соответствии с которыми индивид производит квалификацию, оценку, селекцию элементов окружающего его мира. Можно выделить эталоны следующих типов – по уровню обобщения и способу отражения материального мира сознанием индивида, эталоны представления и понятия. Перцептивный эталон – зафиксированное в опыте обобщение перцептивных характеристик объекта, образа предмета, в том числе и отраженного в тексте. Перцептивный эталон можно определить еще как первичную обработку информации, как начало формирования когнитивных структур.

Представление – это зафиксированное в опыте обобщение предметов по их функции в деятельности. Речь идет об одной из основных оперативных единиц субъективной семантики, поскольку представление – функциональное обобщение, являющееся редукцией перцептивных характеристик образа.

Одним из этапов развития представления является формирование общего образа, который нельзя считать понятием в строгом смысле слова из-за недостаточной абстрактности. Представление и общий образ фиксируют наиболее полную картину когнитивного развития индивида. Применительно к идеальной (мыслительной) деятельности, в частности применительно к деятельности по смысловому восприятию текстов, отражение общих образов в сознании есть результат когнитивных процессов. Соотнесение когнитивных структур сознания с предметным аспектом текста и составляет когнитивный аспект текста как знакового образования. Однако текст никогда не существует сам по себе, как некая объективная реальность. В

реальных процессах деятельности (мысле-речевой деятельности) он всегда представляет собой продукт и инструмент коммуникации.

Уже отмечалось, что между действительностью и отражающим эту действительность текстом находится специальная работа сознания по выделению элементов действительности, по расчленению предметной ситуации с особой целью – с целью выражения этих элементов языковыми средствами. Данная работа сознания представляет собой в свернутом и редуцированном виде когнитивный аспект текста, а само выражение языковыми средствами того или иного предметного содержания является коммуникативным аспектом текста. При таком способе представления мы можем применить к исследованию текста как психолингвистического феномена категории формального и семантического синтаксирования, введенные ЛС. Выготским в связи с обсуждением проблемы сознания [Выготский 1982а; Ахутина, Наумова 1983; Шахнарович 1981].

Одним из существенных внутренних компонентов общения является содержание общения, т. е. то знание, которое надлежит передать партнеру по коммуникативному акту. Для того, чтобы передать знание, необходимо его сформировать. В формировании знаний большая роль принадлежит упомянутой индивидуальной классифицирующей системе (системе эталонов), которая в конечном счете составляет некую «сетку», как бы «пропускающую» через себя опыт индивида. Результатом такого «пропускания опыта» является классификация объектов. Для коммуникации необходимо провести акт номинации объектов по каким-то релевантным признакам. Эти признаки фиксируются в понятиях или в предшествующих понятиям формах отражения и генерализации.

А.Н. Леонтьев писал о том, что общественно выработанные словесные значения, усваиваясь субъектом, приобретают как бы новую свою жизнь, новое движение в его индивидуальной психике. В этом движении они вновь и вновь, но особым образом соединяются с чувственной тканью, которая

непосредственно связывает субъект с предметным миром, как он существует в объективном пространстве и времени [Леонтьев 1976]. Это движение значений прослеживается в весьма широком круге специально сконструированных экспериментальных ситуаций и в большом числе видов человеческой деятельности. Сюда, без сомнения, входит и деятельность по восприятию языковых знаков.

Экспериментальные исследования психологии субъективной семантики позволили увидеть, сколь пристрастно отношение субъекта к входящему с ним в контакт предметному миру, как активно субъект структурирует этот мир, создавая для себя его проекцию. В процессе взаимодействия с миром у субъекта складывается нечто, называемое «картиной мира», картина свойств вещей в их отношениях друг к другу и к субъекту [Артемьева 1980]. Эти представления как бы сосредоточены в некоторых структурах, которые являются единством отношения, функционирования и знания и потому подлежат семантическому анализу, неотделимому от анализа особенностей актуализации знания. Таким образом, проблема структур, которые мы можем назвать когнитивными (поскольку они формируются только одним путем – путем познания окружающего мира), и проблема содержания текста как продукта некоторой деятельности по актуализации когнитивных структур смыкаются и предстают в некотором единстве. По мере онтогенетического развития индивида коммуникативные (звуковые) номинации и когнитивные содержания развиваются раздельно, но при этом в тесной взаимосвязи. Косвенным подтверждением этого является описанный в советской дефектологии феномен «общее недоразвитие речи». Особенностью этой формы патологии является как раз недоразвитие когнитивных структур вследствие недоразвития коммуникативных содержаний. Упомянутые структуры формируются главным образом для того, чтобы быть участниками акта передачи знания. Передача знания в

акте общения, вступление в отношения общения возможны при условии совпадения двух типов структур: структур языковой способности и когнитивных структур. По мере развития индивида коммуникативные единицы (единицы номинации) и когнитивные содержания вступают во взаимодействие и служат основанием тех новых психических содержаний, которые появляются с развитием речи.

Как отмечает Ф. Кликс, процессы понятийного обобщения и абстрагирования обеспечивают отбор концептуальных и сенсорных признаков, которые соответствуют мотивам и целям деятельности индивида [Кликс 1983]. Абстракция сенсорных признаков дает основания для множественной категоризации (множественности выделяемых оснований для классификаций). Этот процесс лабилен и неустойчив. Выделенные классы и наборы признаков хранятся в памяти короткое время. Как только возникает необходимость в категоризации нового типа, сложившиеся когнитивные структуры могут распасться. Фиксируются же они в языковых знаках.

Подобно тому, как речь возникла из потребности называния вещей в процессе коммуникации, она может использоваться для обозначения результатов когнитивных процессов, т.е. внутренних психических состояний. По мере фиксации в памяти происходит структурное оформление механизма выделения категориальных признаков. Устойчивая множественная классификация вообще возможна только благодаря разнообразным языковым обозначениям. Только с их помощью в памяти стабилизируются специфические конфигурации признаков, соответствующие категориям, к которым может быть отнесен некий предмет. Таким образом, выделение категорий связано с когнитивными процессами. Специфической особенностью развития средств общения в онтогенезе является переход от целостных, нерасчлененных средств кодирования ситуации ко все более аналитическим. Это отчетливо прослеживается при анализе се-

мантических изменений, наблюдаемых в онтогенезе при переходе от однословных высказываний к многословным. На этапе однословных высказываний «голофраза» целиком фиксирует всю ситуацию, в которой реализуется коммуникативный акт. Говоря словами Л.С. Выготского, «первичное слово ... – это скорее образ, скорее картина, умственный рисунок понятия, маленькое повествование о нем. Оно – ... художественное произведение» [Выготский 1982б]. Однословное высказывание ребенка, являясь составной частью всей ситуации общения, реализует и соответствующие коммуникативные цели и задачи. На это указывают данные о характере интерпретации вербальных форм поведения и однословных высказываний взрослыми партнерами по коммуникативным актам [Гринфилд 1984]. Однословное высказывание ребенка, включенное в конкретную ситуацию коммуникативного взаимодействия и одновременно отражающее эту ситуацию в целом, может рассматриваться как своеобразный текст, особым синкретическим образом охватывающий все необходимые компоненты коммуникативного акта как потенциальные возможности.

По мере перехода к многословным высказываниям в ходе онтогенетического развития репертуар коммуникативных возможностей речевой деятельности расширяется и начинает реализовываться конвенционально символическими средствами языковой системы. В основе этого процесса лежит изменение когнитивных структур, опосредующих деятельность индивида, что связано с развитием формально-логического мышления. В результате в текстах, являющихся средством коммуникативного взаимодействия, оказываются эксплицитно представленными как компоненты языковой способности, так и когнитивные структуры.

В начале статьи мы обратились к эмпирическим данным, которые свидетельствуют

о специфической организации межполушарного взаимодействия при осуществлении речевой деятельности. Анализ этих данных позволяет заключить, что психофизиологической основой коммуникативной деятельности является совместная работа обоих полушарий головного мозга, каждое из которых вносит свой специфический вклад в процесс общения. В плане обсуждаемой в статье проблемы интерес представляет выделение таких компонентов языковой способности и когнитивной структуры, которые связаны с реализацией в коммуникативном акте единиц, обеспечивающих, с одной стороны, целостность содержательной структуры текста, а с другой – аналитическую расчлененность стоящей за данным текстом экзистенциальной реальности. Оба эти компонента в конкретных актах коммуникации действуют в неразрывной связи, что и обеспечивает нормальное протекание общения, использующего в качестве своего средства речевую деятельность.

Коммуникативным средством реализации целостности содержательной стороны когнитивной структуры является текст, понимаемый как единица речевой деятельности. В этом плане текст по своей семантике равнозначен семантике однословного высказывания, «голофраза» детской речи [Dore 1975]. Он содержит в себе как бы всю «картину» ситуации общения в ее единстве и нерасчлененности. Когнитивным механизмом, лежащим в основе порождения текста, является актуально-семантический аспект речевого поведения. Когнитивной единицей процесса общения является образ или эталон, который при порождении текста в коммуникативном акте расчленяется на составляющие элементы с помощью имеющихся в распоряжении коммуникантов языковых средств, а при восприятии текста реконструируется. Сказанное делает понятным источник семантической неоднозначности текста как средства общения.

Список литературы

- Артемяева Е.Ю.* Психология субъективной семантики. – М., 1980.
- Ахутица Т.В., Наумова Т.Н.* Смысловой и семантический синтаксис. Детская речь и концепция Л.С. Выготского// В кн.: Психолингвистические проблемы семантики. – М., 1983.
- Выготский Л.С.* Проблема сознания// В кн.: Выготский Л. С. Собр. соч. Т. I. – М., 1982а.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь// В кн.: Выготский Л.С. Собр. соч. Т. II. – М., 1982б.
- Выготский Л.С.* Орудие и знак в развитии ребенка// В кн.: Выготский Л.С. Собр. соч. – Т. 6. – М., 1984.
- Голод В.И., Шахнарович А.М.* Семантические аспекты порождения речи. Семантика в онтогенезе речевой деятельности. – ИАН СЛЯ, 1982, № 3.
- Горелов И.Н.* Функциональный базис речи в онтогенезе. – Челябинск, 1974.
- Гринфилд П.М.* Информативность, пресуппозиция и семантический выбор в однословных высказываниях// В кн.: Психолингвистика. – М., 1984.
- Исенина Е.И.* Психолингвистические закономерности речевого онтогенеза. – Иваново, 1983.
- Кликс Ф.* Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. – М., 1983.
- Леонтьев А.Н.* Восприятие и деятельность. – В кн.: Восприятие и деятельность. – М., 1976.
- Симерницкая И.Г.* Доминантность полушарий. – М., 1978.
- Шахнарович А.М.* Исследования синтаксиса детской речи и идеи Л.С. Выготского о семантическом синтаксировании// В кн.: Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология. – М., 1981.
- Bates E.* Language and context. – New York, 1976.
- Bates E.* The emergence of symbols. – New York, 1979.
- Bruner J.S.* The ontogenesis of speech acts// Journal of child language, 1975, №2.
- Dore J.* Holophrases, speech acts and language universals// Journal of child language, 1975, №2.
- Greenfield P.M.* A developmental study of the communication of meaning: the role-of uncertainty and information// The development of meaning. – Tokyo, 1979.
- Molfese D.L.* Infant cerebral assymetry// Language development and neurological theory/ Ed. by Segalowitz S. J. and Gruber F. A. – New York, 1977.

Ю.Н. Караулов, Ю.Н. Филиппович.

Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М.: Изд. ц. «Азбуковник», 2009. – 336 С.

В монографии приведены материалы последних исследований авторов в их поиске ответов на вопрос о структурно-формальных единицах существования и функционирования сознания. Эти исследования являются одним из главных направлений Ведущей научной школы РФ «Русская языковая личность» под руководством Ю.Н.Караулова. Предметом описанных в книге исследований является языковое сознание. Впервые эти исследования были представлены в докладе Ю.Н.Караулова на научном семинаре в ИЯз РАН весной 2002 г., а, начиная с 2003 г., их промежуточные результаты регулярно публикуются в журналах и материалах конференций. В связи с этим монография не столько подводит итог некоторого этапа работы (анализов, наблюдений и построений), сколько открывает новые перспективы в исследовании языкового сознания.

Караулов Юрий Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор «Научного центра русского языка» МГЛУ, автор более 300 научных трудов по проблемам русского и общего языкознания, в том числе одиннадцати монографий и десяти словарей. Филиппович Юрий Николаевич, кандидат технических наук, доцент кафедры «Системы обработки информации и управления» МГТУ им. Н.Э.Баумана, автор более 100 научных трудов в области информатики, искусственного интеллекта и компьютерной лингвистики, в том числе четырех монографий и пяти учебных пособий. Работы авторов книги всегда вызывают интерес у коллег. Они содержат новые идеи и результаты оригинальных исследований. Рецензируемая монография является первой совместной публикацией авторов, хотя знакомы они с начала 80-х годов и вместе выполняли не один проект.

Монография относится к области когнитивной и компьютерной лингвистики и содержит разработку теоретических основ устройства и функционирования лингвокультурного сознания, структура и состав которого призваны моделировать языковую картину мира в повседневно-обыденной речемыслительной деятельности носителя русского языка-культуры. В ней представлен совместный анализ результатов двух экспериментов – ассоциативного психолингвистического и когнитивного (языковой игры типа «кроссворд»).

Книга состоит из Введения, 13 глав, Заключения, Списка литературы, включающего 58 источников, Приложения. Текст снабжен рисунками, схемами и таблицами. Теоретические суждения авторов иллюстрированы многочисленными примерами, которые совместно с данными приложений полно представляют эмпирический материал проведенных экспериментов и анализ результатов исследования.

Ключевой термин книги – когнайзер. Авторы вводят его как некий эквивалент понятия «языковое сознание» – «особого рода механизм, специальное экспериментальное устройство, которое обеспечивает слияние, интеграцию знания языка со знаниями о мире». Языковое сознание, по мнению авторов, «возникает как результат взаимодействия единиц знаний о мире (ЕЗМ) с языковыми единицами (ЯЕ) ... характеризуется собственными единицами, имеющими бинарную структуру, формируемую из двух составляющих, – единиц знания и единиц языка». Авторская формула единиц языкового сознания (ЯС) выглядит следующим образом: $ЕЗМ + ЯЕ = ЯС$.

Термин когнайзер передает две идеи: во-первых, он подчеркивает ориентированность исследования на сферу знаний о мире,

зафиксированных в языке; во-вторых, представляет собой объект динамического, деятельностного характера, функционирование которого характеризуется постоянным приращением смыслов, ростом количества входящих в него специфических ЕЗМ. Когнайзер сочетает в себе две части – теоретическую базу и экспериментально-технологическую часть.

В основу теоретической части положены следующие понятия: языковое сознание; языковая способность; языковая личность; языковая картина мира; когнайзер vs тезаурус; когнема как элементарная единица знаний; фигура знания как структура когнемы; концепт как более крупная единица знания по отношению к когнеме; концепты разных уровней на пути восхождения к образу мира: концептосферы и суперконцепты; размерности (аспекты) языкового сознания: функциональный, концептуальный, лексический, операционный, гипертекстовый; активный и пассивный режимы работы языкового сознания (когнайзера).

Экспериментально-технологическую часть когнайзера составляют следующие объекты и материализованные понятия: ассоциативный эксперимент (активный режим) и ассоциативно-вербальная сеть (АВС) как его результат; эксперимент-кроссворд (пассивный режим) и база знаний (БЗ) как результат знакопорождающего режима; ассоциативная цепочка в АВС и когнема (фигура знания) в БЗ – как результат пересечения двух баз данных; ассоциативная цепочка и дискурс как результат смыслопорождения; референтная область и концепт; функция когнемы (рецепт vs ретушь), эквивалентность цепочек когнемам и наоборот; навигация (у авторов – «путешествие») по АВС в «ручном» исполнении и в компьютеризованном (методы и алгоритмы поиска).

Авторы считают, что когнайзер, как новый лингвокогнитивный и трансдисциплинарный объект, дает выходы на проблематику языковой личности, языковой способности, языкового сознания и языковой картины мира. В книге излагаются принци-

пы построения и функционирования когнайзера – модели лингвокультурного сознания, а также описание информационной технологии обработки данных эксперимента и получения фрагмента образа мира.

Экспериментальным материалом построения нового исследовательского объекта – лингвокультурного когнайзера русского языка – послужили две базы данных: уже известная научной общественности ассоциативно-вербальная сеть объемом более 103 тыс. вершин, представленная в «Русском ассоциативном словаре» и отражающая активный режим работы когнайзера (стимульно-реактивный режим – от знака к смыслу); и новая база данных, построенная авторами из «фигур знания» с использованием «метода кроссворда» и отражающая пассивный режим работы когнайзера – от заданного смысла к знаку. База знаний лингвокультурного когнайзера русского языка, сформированная в ходе экспериментов и обработки их результатов, составляет $\approx 7\ 000$ когнем (единиц знания) и охватывает более 100 референтных областей.

Один из главных выводов, к которому пришли авторы в ходе конструирования когнайзера и наблюдений за его функционированием, – это взаимная эквивалентность активного и пассивного режимов работы. Ключом к выявлению эквивалентности служат способы и формулы задания смысла, которыми реально пользуется владеющий языком его носитель в своей речемыслительной деятельности.

Каждого из авторов отличает особенность изложения материалов самостоятельных исследований и разработок, которая ориентирована на постановку и решение новых теоретических и практических задач. И в их совместной монографии в большинстве глав и в заключении сформулированы конкретные проблемы и задачи для последующих исследований и разработок, в некоторых случаях предложены варианты возможных путей их решения.

Книга стала доступной для читателей в 2010 г. практически одновременно

с базой знаний лингвокультурного когнитивера русского языка на интернет-сайте Научно-образовательного кластера CLAIM (Computer Linguistics, Artificial Intellegence, Multimedia) по адресу www.philippovich.ru. Разместив базу знаний и программный инструментарий работы с ней в Интернете, авторы фактически пригласили к сотрудничеству своих коллег.

Книга адресована специалистам, ра-

ботающим в области теории языка, психолингвистики, лингвокультурологии, а также русистики в широком смысле этого термина. Однако она может быть рекомендована и более широкой аудитории читателей, студентам, обучающимся по гуманитарным и техническим (информатика и вычислительная техника) специальностям, магистранты и аспиранты.

Г.А.Черкасова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Боголепова Светлана Викторовна, аспирант кафедры английской филологии МГОУ, e-mail: bogolepovasv@mail.ru

Боронин Александр Анатольевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков ГОУ ВПО Московский государственный медико-стоматологический университет, e-mail: inloco@inbox.ru

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии МГПУ, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации МИЛ, e-mail: ari-bubnova@yandex.ru

Василевич Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики МГОУ, главный научный сотрудник сектора психолингвистики ИЯз РАН, e-mail: basilevich@mail.ru

Власенко Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка при факультете права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ–ВШЭ) e-mail: svlaskenko@hse.ru

Ишанкулова Дилбар, аспирантка кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН, e-mail: dilbar_hasanova@mail.ru

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского института лингвистики, e-mail: akirilina@inyaz-mil.ru

Ларина Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН, e-mail: larinat@list.ru

Мальцева Валентина Александровна, старший преподаватель, кафедра русского и общего языкознания, Сыктывкарский государственный университет; e-mail: mval79@mail.ru

Никитина Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора психолингвистики ИЯз РАН, e-mail: m1253076@narod.ru

Озюменко Владимир Иванович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков юридического факультета РУДН, e-mail: Vladimir@ozyumenko.ru

Полякова Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, e-mail: tatpolyakova@list.ru

Свинчукова Елена Геннадьевна, аспирантка сектора психолингвистики ИЯз РАН, e-mail: elena-neutral2@rambler.ru

Сигал Кирилл Яковлевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи ИЯз РАН, e-mail: kjseagal@yandex.ru

Сиренко Александр Викторович, соискатель степени кандидата технических наук МГУП, e-mail: y_philippovich@mail.ru

Соснова Маргарита Львовна, доцент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Российского государственного социального университета, e-mail: art-Margo-1@yandex.ru.

Таныгина Елена Александровна, аспирант кафедры иностранных языков Юго-Западного государственного университета (г. Курск), e-mail: eabel@yandex.ru

Терентий Ливиу Михайлович, ректор МИЛ, кандидат политических наук, e-mail: info@inyaz-mil.ru

Терехова Татьяна Михайловна, старший преподаватель кафедры немецкого языка Всероссийской академии внешней торговли, e-mail: tanyaterekhova2007@rambler.ru

Филиппович Юрий Николаевич, кандидат технических наук, доцент МГТУ им. Баумана, e-mail: y_philippovich@mail.ru

Черкасова Галина Александровна, научный сотрудник ИЯз РАН, e-mail: gacherk@mail.ru

Юрьева Надежда Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела экспериментальных исследований речи ИЯз РАН; e-mail: kjseagal@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В ЖУРНАЛ «ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ»

Подготовка рукописи к публикации

Рукопись должна быть представлена в бумажном варианте и в электронном виде или послана по почте непосредственно ответственному редактору выпуска по адресу: editorial-vpl@yandex.ru

На отдельном листе прилагаются сведения об авторе с указанием его звания, ученой степени, должности, места работы, почтового адреса, телефона и контактного адреса электронной почты, который затем будет опубликован в журнале.

В течение 10 дней после получения рукописи она направляется члену редколлегии для рецензирования. О результатах рецензирования автору сообщается по тем контактным адресам и телефонам, которые указаны в заявке. В течение месяца редколлегия принимает решение об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента.

Структура статьи

Статья в обязательном порядке должна содержать:

- название статьи (прописными буквами полужирным шрифтом по центру);
 - инициалы и фамилии авторов (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
 - аннотацию на русском языке (не более 10 строк);
 - ключевые слова (обычно 5-7) на русском языке;
 - перевод названия статьи и фамилии автора на английский язык (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
 - аннотацию на английском языке;
 - ключевые слова на английском языке.
- Основной текст статьи должен содержать:

- введение, где необходимо указание на имеющиеся результаты в данной области исследования и цели работы, направленные на достижение новых знаний;

- основную часть, которая в зависимости от рода работы может включать разделы (материалы и методы исследования, результаты и обсуждение и т.п. или другие, подобные им);

- заключение (выводы), в котором по мере возможности должны быть указаны новые результаты и их теоретическое или прикладное значение;

- библиографический список.

Текст статьи

Статья должна быть набрана на компьютере с полуторным интервалом между строками на одной стороне листа стандартного формата бумаги – А4 с полями 2,5 см с каждой стороны (не более 30 строк на одной странице и по 60 знаков в строке вместе с междусловными интервалами). Размер шрифта 12. Абзацный отступ – 1,25 см.

Все страницы рукописи в бумажном варианте с вложенными таблицами и рисунками должны быть пронумерованы (в счет страниц рукописи входят таблицы, рисунки, подписи к рисункам, список литературы).

В электронном файле страницы не нумеровать!

Объем статьи – до 40000 знаков.

Аннотация статьи на русском и английском языках (не более 10 строк), ключевые слова (5-7) на русском и английском языках размещаются перед основным текстом. Размер шрифта для аннотации и ключевых слов – 12. Междустрочный интервал – одинарный.

Текст аннотации должен содержать основные результаты проведенного исследования.

Обязательно должен быть дан перевод имени и фамилии автора и названия статьи на английский язык.

Особенности набора знаков, цифр, формул

Следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами, а также четко различать O (букву) и 0 (цифру), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «i»). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX век).

Следует по возможности упрощать набор формул. Цифры, числа и дроби, математические символы, греческие буквы набираются прямым стандартным шрифтом. Математические знаки действий и соотношений отбивают от смежных символов.

Иллюстрации

Из иллюстраций в тексте статьи допускаются только четкие рисунки, графики и схемы. Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ, все надписи приводятся шрифтом одной величины. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться.

Фотографии к публикации принимают-

ся. Все иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями. На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте.

Таблицы

Таблицы должны использоваться исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Библиографическое описание

Библиографические описания в библиографическом списке даются в алфавитном порядке с указанием общего количества страниц. Размер шрифта – 12. Междустрочный интервал – одинарный.

При этом в тексте в квадратных скобках после цитаты указывается фамилия автора цитированного источника, год издания, если нужно – страница: [Иванов 2000: 18].

При оформлении библиографического списка следует руководствоваться Правилами библиографического оформления всех видов печатных изданий (подробнее см.: <http://www.bookchamber.ru/gost.htm>).

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Сообщество психолингвистов нуждается в постоянной организации своей работы. Ранее таким средством служили только наши Симпозиумы. В настоящее время мы создали еще одно средство информационной поддержки работы нашего психолингвистического сообщества – это журнал «Вопросы психолингвистики», который издается Институтом языкознания РАН при поддержке Московского института лингвистики.

Для распространения журнала необходима коллективная поддержка. Мы обращаемся к Вам с просьбой организовать в Вашем научном подразделении подписку на журнал «Вопросы психолингвистики», чтобы сделать его доступным через ВУЗовские библиотеки как можно более широкому кругу исследователей. В первую очередь мы обращаем Ваше внимание на желательность ознакомления с журналом не только студентов старших курсов, но и преподавательского состава.

Как показывает практика последнего времени, круг людей, проявляющих интерес к журналу, постоянно расширяется. Подтверждением этому является высокий импакт-фактор Российского индекса научного цитирования «Вопросов психолингвистики» – 0,232 по данным 2009 г.

Напоминаем Вам, что Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России журнал «Вопросы психолингвистики» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Оформить подписку на журнал «Вопросы психолингвистики» можно в любом отделении Роспечати. Подписной индекс 37152.

Свои вопросы и предложения Вы можете отправлять на электронный адрес редакции editorial-vpl@yandex.ru.